

ТАТЬЯНА
АБАЛОВА

16+

ИГРЫ
СКУЧАЮЩИХ
КУПИДОНОВ

Annotation

Евгения Ключева никогда не подозревала, что время, отведенное для сна, можно проводить интересно. Нет, спать девушка определенно любила и, как все люди, нуждалась в отдыхе, но с некоторых пор, стоило ей закрыть глаза, как она оказывалась в гуще событий, которые совершенно точно не имели отношения к реальной жизни. А всему виной успокоительные капли, которые Женя, по воле случая, прописала себе сама. Жаль, что пузырьков с чудо-лекарством всего пять, и один из них уже находится в руках таинственного мужчины.

- [Татьяна Абалова](#)
 - [Часть первая. Романтическая. Глава 1. Улица, фонарь, аптека](#)
 - [Глава 2. Бал чаровниц](#)
 - [Глава 3. Некоролевский поцелуй](#)
 - [Глава 4. Все по Фрейду](#)
 - [Глава 5. О соседях и потерянной девственности](#)
 - [Глава 6. Евклидово пространство](#)
 - [Глава 7. Ошибка Фенимора Купера](#)
 - [Глава 8. Как старая карга положила меня на лопатки](#)
 - [Глава 9. История Ильи Самоделкина и Сашеньки Винт](#)
 - [Глава 10. На всякую старуху найдется своя проруха](#)
 - [Глава 11. Покой нам только снится](#)
 - [Глава 12. Вот ты какой, цветочек аленький...](#)
 - [Глава 13. Тары–бары–растабары](#)
 - [Глава 14. Французский десерт](#)
 - [Глава 15. Яхши!](#)
 - [Глава 16. Шеф, все пропало!](#)
 - [Глава 17. Шабаш](#)
 - [Глава 18. Из пункта «Любовь» в пункт «Ненависть» и обратно](#)
 - [Глава 19. О невестах, «соплюшках» и пейсателях](#)
 - [Глава 20. Возмездие](#)
 - [Глава 21. О верблюдах, боссах под прикрытием и забывчивых сменщиках](#)

- [Глава 22. В постоянной нужде](#)
 - [Глава 23. А поговорить?](#)
 - [Часть вторая. Мистическая. Глава 1. Дела небесной канцелярии](#)
 - [Глава 2. Операция... \(такой буквы в человеческом алфавите нет\)](#)
 - [Глава 3. Не все так просто](#)
 - [Глава 4. Хроники ангельских будней](#)
 - [Глава 5. Погоня за удачей](#)
 - [Глава 6. До чего докатились люди](#)
 - [Глава 7. Время первых жен](#)
 - [Глава 8. Ошеломляющее открытие](#)
 - [Глава 9. Дельфин и русалка](#)
 - [Эпилог](#)
-

Татьяна Абалова

Игры скучающих купидонов

Часть первая. Романтическая. Глава 1.

Улица, фонарь, аптека

– В ваших мифах купидонами ошибочно зовутся одни из низших ангелов. Если быть точным, он – херувим, ангел третьего класса.

– Херувим?

– Да. Их полным–полно по всему миру.

– Ты про летающего карапуза в подгузнике?

– Недержание им не свойственно.

© Сверхъестественное

– Динь–дилинь! – колокольчики, подвешенные над дверью, мелодично известили, что в аптеку пожаловал клиент. Я подняла глаза. Вошел парень лет шестнадцати–семнадцати. Заметив мой внимательный взгляд, стусевался и резко изменил маршрут – шагнул к стеллажу с резиновыми изделиями. Его точно не интересовали судна и кружки Эсмарха, но он бездумно уставился на ценник самой большой резиновой груши, которая стояла в ряду таких же пузатых подружек различной емкости. Я уверена, мальчишка даже не видел, на что смотрел – он лихорадочно соображал, что ему делать дальше. Это было заметно и по проступившим на щеках красным пятнам, и по плотно сжатым губам. Он злился.

Ну да, обычно после семи выходил мой сменщик Виктор Горн, но тот еще вчера укатил к невесте в Питер, а потому сегодня и в ближайшие две недели жаждущих безопасного секса буду встречать я.

Не повезло парню. Надо было запастись заранее.

Старшеклассник был не первым, поэтому я молча сложила руки на груди и приготовилась терпеливо ждать. На мне медицинская маска (осень – пора респираторных заболеваний), низко надвинутая на лоб шапочка, широкий халат, скрывающий фигуру, но мнущийся старшеклассник безошибочно угадал, что я ненамного старше его, и ему до ужаса было неловко спросить у меня презервативы. Я работаю в аптеке всего два месяца, но уже научилась различать, когда люди

приходят за контрацептивами. Они стесняются все до одного, независимо от возраста и пола.

Громко тикали настенные часы. Время ощутимо уходило. Первой не выдержала я.

– Вы выбираете размер? – участливо спросила, подойдя ближе к строю клизм. – Могу подсказать.

Он сначала не понял, открыл рот, замотал головой, будто немой, у которого спрашивают, как пройти в библиотеку, потом, когда я тронула самую большую клизму, и она качнулась словно неваляшка, наконец разглядел, куда пялился, и, отшатнувшись от витрины, густо покраснел.

«Интересно, решится спросить или нет?»

Нет, не решился. Ринулся прочь, с такой силой распахнув дверь, что колокольчики забились в истерике.

К концу смены я их ненавидела. Каждое «день–дилинь» разъедало мой мозг. Поэтому последняя пляска колокольчиков усилила начавшуюся головную боль, и я невольно поморщилась. До конца рабочего дня осталось продержаться всего час.

Я представила, как заварю дома ромашковый чай, налью его в большой бокал, устроюсь на диване с интересной книжкой, укрывшись маминой шалью. Тепло, спокойно, уютно.

– О чем задумалась, Киса? – сзади ко мне прижался мужчина. Его руки обвили талию, не давая возможности увернуться. Шепот в ухо резанул по нервам, и я повела плечами, пытаюсь отодвинуться.

– Кирилл Петрович, уберите руки. Вы мешаете работать, – я старалась произносить слова спокойно, хотя из меня рвался крик возмущения.

– Евгения, разве в аптеке есть хоть один покупатель? – его дыхание шевельнуло выбившиеся из–под шапочки волосы.

– Мы получили товар, его нужно разложить до конца смены. Светлана Сергеевна будет недовольна, – я специально четко произнесла имя его жены. Хозяйка аптеки страшно ревновала ко всем женщинам нашего небольшого города, устраивая мужу скандалы по поводу и без. Уловка подействовала, руки с моей талии исчезли, Кирилл отодвинулся.

– Разве она обещала сегодня приехать? – он нервно оглянулся на окно, в которое можно было разглядеть, стоит «Каптива» Светланы на

месте или нет. Фонарь тускло освещал мокрый асфальт и хмурых людей, укрывающихся от нудного дождя такими же безрадостными черными, серыми и синими зонтами.

Почему люди осенью предпочитают кутаться в темную одежду? И так все уныло и скучно, особенно, когда листва опала, а голые ветви кажутся такими безжизненными.

– Что ты болтаешь? – из голоса Кирилла исчезли нотки беспокойства. Ему было неловко, что я заметила его страх, и теперь он пытался вернуться к образу мачо. – Твоей хозяйки нет в городе. И когда это она успела привезти новый товар?

«Мачо» прищурил глаза, ища признаки лжи.

– Наверное рано утром, – ни один нерв на моем лице не дрогнул. – Вы прекрасно знаете, Светлана Сергеевна всегда оставляет товар у кассы, если его некому сдать. Виктор в отпуске, поэтому я выхожу позже.

– И что, ты не нашла за целый день времени, чтобы разобрать пилюли?

– Это последняя коробка.

Кирилл равнодушно глянул в сторону открытой коробки, на дне которой поблескивали пузырьки.

Отвлекая его внимание, я зашла за стул. Между нами всегда должна быть какая-нибудь преграда. Не будь этот мужчина женат, я могла бы обратить на него внимание. Холеный, подтянутый – он запросто мог рекламировать на обложке глянцевого журнала духи или часы. Жена была ему под стать – ухоженная, с профилем истинной аристократки. Если бы уборщица баба Зоя не проболталась, что Светлана старше мужа на десять лет, я бы ни за что не догадалась. Пластическая хирургия творит чудеса.

Света не была красавицей, но ухоженность, продуманность образа делали ее королевой. Жалко, что королева оказалась злой. От ее злости и ревности страдали все вокруг и, прежде всего, она сама. Только этим я объясняла желание ее мужа сходить налево и отдохнуть от вечно зудящей супруги. Кирилл Петрович умудрялся даже завести интрижки в аптеках, принадлежащих жене. Каждый работник, вернее, работница, находились у Светланы под подозрением. Не дай бог, она почует интерес к своему ненаглядному в мимолетном взгляде, улыбке, я уверена, даже в мыслях своей подчиненной, и эта «дрянь»

моментажно окажется на улице. Текучка женских кадров в сети аптек «Пиллюля» зашкаливала. Наверное, только баба Зоя не рисковала попасть под горячую руку хозяйки, благодаря почтенному возрасту и полному пренебрежению к мужской красоте «сопляка», остальные вынуждены были держать оборону.

Не скажу, что я принципиальна в вопросах любви к женатому мужчине, но я сделала все, чтобы доказать Светлане: мне не нужен ее муж. Боже, мне даже пришлось намекнуть, что вообще не интересуюсь мужчинами. Спасибо бабе Зое, она вовремя предупредила о творящихся в аптеке страстях, а Галка – подруга детства, поддержала видимость, поцеловав взасос и хлопнув по попе, провожая до аптеки после «ночи страсти». На самом деле, она частенько останавливалась у меня, приезжая в город по делам.

Самое удивительное, Кирилл моя нетрадиционная ориентация не остановила. Он с еще большим рвением попытался «излечить» новенькую сотрудницу. Стараясь никому из супружеской пары не давать повода ни к подозрению, ни к вожделению, я одевалась на работу так же тщательно, как астронавт перед выходом в открытый космос. Ни пяди открытого тела.

Но, к сожалению, явно выпирающее не спрячешь. Кирилл быстро разглядел под бесформенным халатом грудь третьего размера, а руками нашарил остальное. А еще ему нравились мои глаза. Это из-за их формы и зеленого цвета он называл меня Кисой. Гад.

Если хозяйка или ее муж находились где-то рядом, в моем мозгу тревожно мерцала сигнальная лампочка – я не могу позволить себе совершить промах. Я должна быть обезличена. Глаза не красить, смотреть только строго, говорить по-деловому.

Я боялась увольнения. На то имелись причины: аптека находилась в том же доме, где я жила, что было крайне удобно, зарплата позволяла оплачивать счета и прочие приятные сердцу мелочи, а самое главное, мне нравилась моя профессия. Хозяйка «Пиллюли» отличалась злопамятностью, и работницы, позволившие себе увлечься ее мужем, были жестоко наказаны – их не принимали на работу ни в одной аптеке нашего города. Связи Светланы, ее авторитет и возможность получить сильного врага, быстро гасили сопротивление собратьев по аптечному бизнесу. Портить репутацию и нервы из-за похотливого самца и злопамятной ведьмы я никак не желала.

Раз сослалась на сильную занятость, пришлось делать вид, что работаю, иначе Кирюсик (так его звала жена) опять пойдет в атаку. Я раздумывала, куда бы поставить оставшиеся в коробке пузырьки со спиртом – их постоянное место находилось на полках за спиной Кирилла. Туда я не пойду ни за какие карамельки. А он уходить не собирался, стоял и нагло рассматривал меня.

Разместив бутылочки со спиртом рядом с клизмами, я случайно обратила внимание на то, что несколько пузырьков имеет незнакомую этикетку. «Любарум» прочла я. Странно, никогда не встречала такое название. Взяла в руки, повертела склянку. На обратной стороне мелким шрифтом указано, что содержимое флакона – настойка на травах. Применяется при бессоннице, ночных страхах, тревожных состояниях.

Очередное «дин–дилинь» отвлекло от компьютера, где я набрала в поисковике название незнакомого успокоительного средства. Колокольчики спугнули и Кирилла, который, подметив, что я отвлеклась, опять оказался за моей спиной. Отпихнув любвеобильного самца локтем, увидела его наглую улыбку и масляный взгляд, направленный вовсе не в глаза.

Подлец! И когда он успел расстегнуть верхнюю пуговицу на халате? Теперь я откровенно светила белым кружевным лифчиком. Пока я лихорадочно застегивала халат, гад шмыгнул в подсобную комнату, и вскоре до слуха донеслось, как хлопнула задняя дверь. Урчание мотора подтвердило, что Кирилл смылся. Медицинская маска скрыла краску досады и раздражения, залившую мое лицо. Но человек, вошедший в аптеку, не обратил никакого внимания на мои трясущиеся пальцы, пытающиеся застегнуть пуговицу. Вскоре подтвердилось, что ему было не до меня.

– Дайте мне что–нибудь от бессонницы. Вторые сутки заснуть не могу, – его глухой голос заставил поднять глаза.

Сердце ёкнуло от страха. Мужчина был метра под два ростом и возвышался надо мной как черный утес. Мне стало не по себе. В такие моменты хочется увидеть открытое лицо, чтобы успокоиться, что перед тобой стоит не маньяк. Но тень от низко надвинутого капюшона скрывала все, кроме губ. Красивых мужских губ, которые кривились то ли от боли, то ли в усмешке.

– Дайте что–нибудь по сильнее, – добавил он, возвращая мое внимание к цели визита. Я смутилась и автоматически протянула пузырек «Любарума», что держала в руке. На нем не было предупреждения «отпускается только по рецепту врача».

– По пять капель перед сном, – поторопилась сообщить я.

– А если нет сна?

Его рука оказалась горячей, словно он находился в лихорадке. Прикосновение обожгло, но не отвлекло от рассматривания его обветренных губ. Еще раз порадовалась, что на мне маска, иначе посетитель заметил бы, что я уставилась на него, открыв рот.

Не дождавшись ответа, мужчина медленно развернулся, перешагнул за порог и растаял в ночи. Прощальное «динь–дилинь» вернуло меня к жизни. Я вытерла об халат вспотевшие ладони и уставилась на прилавок, где лежала крупная купюра. Такие деньги за бутылочку травяного снотворного?

До меня дошло, что я совсем не знаю, сколько стоит настойка. Порывшись в накладных, я так и не обнаружила ничего похожего на «Любарум». Рассмотрела внимательно этикетку. Привело в недоумение отсутствие названия фармацевтической компании, состава трав и даты производства.

Меня точно окатило ледяной водой. Mamочки, что же я такое продала? Отвинтила крышку, понюхала. Основа спиртовая – это точно, но что еще? Пустырник? Боярышник?

Ничего лучшего в голову не пришло, как взять открытую бутылку с собой и провести дома эксперимент: накапать перед сном пять капель. Порадовалась, что приняла мудрое решение не отхлебывать немедленно. Если это снотворный препарат, то хотелось бы провести ночь в своей постели, а не на полу аптеки. А вдруг он свалил бы меня прямо на месте приема?

С трудом дождавшись десяти часов, я засобиралась домой. Внутреннее беспокойство за незнакомца заставляло действовать сейчас же. Почистив зубы и переодевшись в ночную рубашку, накапала в чашку с водой пять капель и выпила залпом. Легла, натянула одеяло до самого носа и принялась ждать эффекта, уставившись в потолок, по которому гуляли тени колышущихся от ветра деревьев.

«Даже не поела», – запоздало мелькнуло в голове и отдалось урчанием в животе.

«Дура, нужно было дождаться утра и спросить о препарате у Светланы», – пронеслась следующая здравая мысль.

«А вдруг помру?» – страх не успел завладеть мозгом. Тот просто отключился.

Глава 2. Бал чаровниц

– Говори, мудрейший!

– Когда принцесса видит сон про не сон, ей кажется, что сон не сон про сон, а думает что сон про не сон... Надо сказать принцессе, что сон – это не сон, а про не сон, что это пересон, а пересон – не сон...

– А что скажет наимудрейший?

– Поистине, пути всезнания неисповедимы, осознание знания есть признак незнания, осознание незнания... А почему я?

– Эээ... Повелеваем про сон сказать, что это не сон, а сон – это пронесон!

«Волшебная лампа Аладдина»

– Вы еще никому не обещали свой первый танец? – незнакомец в парике делает ударение на слове «первый».

Я смотрю на его напудренное лицо с румянцем искусственного происхождения, ярко накрашенные губы и черную мушку на щеке. Где-то я читала, что расположение мушек на лице имеет тайный смысл.

– Если нет, запишите его за мной, – вкрадчивый голос, в глазах ожидание. Накрашенные губы оставляют след на моей перчатке. Красное пятно отвлекает внимание, я хватаюсь свободной рукой за свое лицо. Неужели я так же размалевана? На перчатке уже моя губная помада отпечатывается не менее ярким цветом. На запястье руки замечаю ленточку, на которой висит крошечная книжка со списком танцев. Приснится же такое!

– Барон Шейзи, – произносит незнакомец и следит, как я изящным карандашом вывожу напротив менюэта его имя – Шейзи.

Загадочно улыбнувшись, он смешивается с толпой таких же напомаженных мужчин и женщин.

Как жмет корсет! Дышать невозможно.

Делаю несколько шагов в сторону открытых окон, прячущихся за массивными колоннами, увитыми живыми цветами. Длинные юбки

путаются между ногами. Нечаянно наступаю на подол и чуть не падаю. Крепкая рука подхватывает меня под локоток.

– Надеюсь, вы никому не обещали свой первый танец? – шепчут губы нового кавалера.

– Увы, обещала, – признаюсь я, поправляя съехавший на бок парик. Интересно, как я выгляжу?

Улыбка моментально слетает с его лица, но не желая его расстраивать, я бодро добавляю:

– Могу записать за вами второй танец.

Что я такого сказала? Незнакомец странно посмотрел на меня, улыбнулся одними уголками губ и произнес:

– Маркиз де Кармон. Могу я узнать ваше имя?

– Можете. Евгения... Гранде. А вы Де Кар-мон, – по слогам произношу я, записывая гавот за ним. Места для записи почему-то совсем немного. Криво разместив последние буквы, обнаруживаю, что де Кармон уже отошел и шепчется с еще одним из напомаженных, чей парик отличается чрезмерной высотой. Компенсация роста? Коротышка бросил на меня удивленный взгляд, кивнул головой Кармону и направился в мою сторону.

Я быстро отвожу глаза. Как-то неудобно получается – рассматриваю в упор человека.

А, впрочем, чего тушеваться? Я же во сне.

– Вы не запишите за мной третий танец?

Делаю вид, что изучаю сделанные записи. Обидеть человека маленького роста не хочется, поэтому произношу, будто бы пытаюсь отыскать свободное место в списке танцев:

– К сожалению, третий занят, но вот шестой свободен.

Коротышка хмурится.

– Шестой?

– Записывать? – уточняю я, заранее зная, что постараюсь проснуться до паспье (черт, даже не подозреваю, что это за танец).

Начинаю нервничать. Коротышка тянет с ответом. Да что он себе вообразил? Уже хочу развернуться и уйти, как он, решившись, произносит:

– Шевалье Монморанси.

Такое длинное имя не помещается на тесных полях книжицы, и я пишу сокращенное Мон-си.

Мон–си уже сдуло ветром, но я чувствую некое оживление вокруг себя. Скорее бы дойти до зеркала. Вдруг я чудо как хороша?

Я определенно пользуюсь популярностью. Один вычурный парик за другим подходят и записываются на танцы со мной. Я ловко распределяю бурре, ригодон, англес, кадрили и гротфатер, записывая только первые буквы имен теснящих друг друга кавалеров.

– Все, танцы кончились! – заявляю я, щелкнув застежкой книжицы, и решительно направляюсь туда, где в простенке между колоннами сияет зеркало.

Тихая музыка, прибывающие гости, загадочные улыбки дам, шелестящих страницами своих книжечек, наводят меня на мысль, что я точно первая красавица – мой плей–лист уже закончился, тогда как они только начинают вписывать имена кавалеров.

Зеркало отражает перекошенный парик, размазанную губную помаду, лихорадочный блеск глаз, чуть ли не выпрыгивающую из тесного лифа грудь (ага, вот в чем причина активности кавалеров) и мужчину, стоящего боком где–то за моей спиной. Точеный профиль греческого бога, отсутствие парика, блеск естественных волос и завораживающая улыбка...

Жаль, что она предназначена не мне. Смущающаяся девица делала свою первую запись. Даже через слой пудры было заметно, что ее лицо горит. Я бы тоже рделась маковым цветом, если бы лучистые глаза кавалера с таким желанием смотрели на меня. Проводив взглядом удаляющегося мужчину, я заметила, что еще одна дебютантка встала на его пути, специально преграждая дорогу. Он галантно ей поклонился и произнес свое имя. Шум зала не позволил мне его расслышать.

Эх, жаль, что я свои танцы расписала до последнего, я бы тоже не постеснялась заступить ему дорогу и попроситься на танец. Во сне я ничего не стесняюсь. Ну, разве что голой на улице оказаться. И лысой к тому же. Такие видения изредка посещают меня, и я всегда просыпаюсь с ощущением большого счастья, осознавая, что этот позор всего лишь сон.

Как ни странно, когда, наконец, заиграла музыка, приглашая гостей в круг, барона Шайзи рядом не оказалось. Может оно и к лучшему. Сон сном, но менуэт я танцевать не умею.

Черт, как жмет корсет.

– Ваш первый танец свободен?

Рядом стоял тот самый Аполлон.

Я поискала глазами краснеющую девицу, что уже записалась на танец с жителем Олимпа, но нигде ее не заметила.

– Простите, ваша дама передумала дарить вам первый танец?

Я ничего лучше не придумала, как задать этот глупый вопрос. Нет чтобы взять под руку мечту своей жизни и вступить в круг танцующих. Кстати, музыка гремит, а танцпол по-прежнему пустует. И гостей вроде поменьше стало. Куда все подевались?

– Отчего же? Она ждет меня в своей комнате.

Я вообще ничего не поняла.

– Вы точно спрашивали о первом танце?

Он так улыбнулся, что у меня потеплело внизу живота.

– Точно.

– Разрешите уточнить, мы наш первый танец будем танцевать вдвоем? – я поправила парик, который опять съехал набок, потому что я почесалась за ухом. Почему же мне так жарко? Неужели это от того, что у незнакомца искры в глазах?

– А вы точно девственница?

Боже, а это еще причем?

– Если я отвечу, что нет, танец отменяется? – решила уточнить я. Ну и нравы.

– Быть вторым? Нет, на балу чаровниц хватает тех, у кого я стану первым, – он кивнул, и начал было разворачиваться, чтобы уйти, но я схватила его за фалды ... вот ей богу, не сильна в истории моды, но по моему разумению я схватилась за длинный сюртук. Во сне я смелая. И любопытная. Завсегдатай Олимпа поднял бровь. – Вы решили устроить скандал? Вас выведут, стоит мне щелкнуть пальцами.

– Клянусь, я переломаю вам эти пальцы, если вы не ответите мне внятно и четко – что здесь происходит? – проклятый парик не позволил принять решительный и грозный вид, упал на глаза.

– А вы смешная. Жаль, что не девственница. Надо бы узнать, как вы сюда попали. Ведь сегодня бал чаровниц – девушек, дорого продающих свой первый танец.

Я сняла парик и стала махать им как веером. Когда до меня дошел смысл произнесенной фразы, парик упал на пол.

– Под танцами подразумевается секс?

– Да, право первой ночи.

– Выходит, что не далее как полчаса назад я продала права на всю неделю...

Бровь моего собеседника опять взлетела вверх. Для наглядности я сунула ему под нос мою книжечку для «танцев».

– А вы сильны. Я намеревался взять максимум троих, а вы за собой записали раз, два ... девять!

– Честно говоря, я намеревалась к шестому танцу проснуться, коротышка уж очень непривлекателен... – Что я несу? Проснуться нужно сейчас же!

Растеряно заозиравшись, я заметила, что все девять записанных мной кавалеров ожидают у одной из дверей зала, ведущей (как я понимаю) к внутренним покоем. А барон Шейзи даже подпрыгивает от нетерпения.

Собеседник понял мой озабоченный взгляд.

– Вам пора. На обложке книжицы для танцев написан номер комнаты, – подсказал он, наманикюренным пальцем ткнув в цифру пять. – Мне бы следовало идти, Дафна уже ждет, но разрешите высказать вам восхищение. Девять! И ведь ни один не отказался! Что они в вас нашли?

– Мне как-то обидно слышать такие слова, – я поправила декольте, тряхнула головой и свернутые в фигу волосы расправились. – Вы же тоже предложили мне «станцевать» первый танец.

– Первый, да. Но не третий и тем более не девятый. Видимо они отметили вашу дерзость, а это должно быть интересно. Интереснее, чем лишать Дафну девственности, – и уже он оглянулся на дверь, где барон Шейзи топтался на месте, не решаясь подойти. Что навело меня на интересную мысль.

– Они боятся вас? Кто вы такой?

– Я – король, – мягко произнес он. – И беру любую женщину, которая мне приглянулась. А сегодня мне приглянулись вы... Правда, я не люблю блондинок. Но... к черту Дафну.

Я не успела опомниться, как он наклонился и поцеловал меня. Так крепко и неистово, что закружилась голова от нехватки воздуха.

Ничего себе капельки!

Вот это сон!

О–ля–ля! Меня целует сам король!

Рука короля у меня в декольте!

Острое желание пронзило тело. А что? Во сне можно. Во сне я ничего не боюсь. Даже дефлорации, которая наяву уж точно не грозит. Все сделано еще в институтские годы.

Проклятый будильник разогнал красочную картинку.

Но стоило открыть глаза, как резкий сигнал прекратился.

Потребовалось еще несколько минут, чтобы понять, что будильника у меня нет и вставать в шесть часов не нужно.

Так что же меня разбудило?

А между ногами было... м–м–м... напряженно и страшно хотелось продолжения сна. Уж больно хорошо король целовался.

Глава 3. Некоролевский поцелуй

Любовь душой, а не глазами смотрит.
И оттого крылатый Купидон
Представлен нам слепым и безрассудным.
Быть с крыльями и быть лишенным глаз –
Поспешности немыслящей эмблема.
«Сон в летнюю ночь», У. Шекспир

– Чего это ты с утра пораньше раком стоишь? – вошедшая в ванную комнату Галка заставила меня вздрогнуть. У подружки были свои ключи, поэтому ее появления стоило ожидать в любую минуту. Вольный художник, поставляющий в местные магазины произведения гончарного искусства, жил в своем режиме.

– Да не спится что-то. Постирушки вот затеяла, – для наглядности я тряхнула лифчиком, который как раз выполаскивала.

– Ты сегодня выходная?

– Угу, вчера двенадцать часов впахивала. Сменщик в Питер укатил.

– Бросай свой банно-прачечный комбинат, лучше посмотри, что я тебе принесла! – глаза у Галчонка горели. Ей как нельзя лучше подходило ее имя. Невысокая, худенькая, если не сказать тощая, с черными вечно торчащими вихрами, черными же глазами и острым любопытным носом, она напоминала неугомонную птаху, мучимую жаждой познания. Правда, хрупкой подруга только казалась: стоило ей вцепиться своими натруженными клешнями в кого-то, как этот кто-то сразу понимал, что сопротивляться бесполезно, лучше сдаться на месте. Так однажды она сцапала руку вора, который залез в мою сумку, и не отпускала до тех пор, пока тот не оставил добычу в виде кошелька с только что полученной зарплатой. Можно представить, что почувствовал здоровяк под метр девяносто, когда на него вылупилась малявка (именно про таких говорят «метр с кепкой») и зло прошипела: «Или отпусти, или я сломаю тебе руку». А кто не пошел бы на попятный, если в его запястье впиалась пиранья с челюстями,

могущими перекусить кость? Мужик безоговорочно поверил и сдался. Он осторожно стряхнул с руки нашу кровожадную рыбку и дал деру.

«Раззява!» – Галка отвесила и мне, перекладывая кошелек в свою торбу. Для сохранности. Ведь к кому я приду клянчить денег, если останусь на мели? Милая подружка всегда выручит: арт-хаусы с удовольствием принимали ее расписные кувшины и тарелки и рассчитывались не скупясь.

Я повесила бюстик рядом с трусами на горячий змеевик и поспешно вытерла руки.

– Та-дам! – Галка стояла в коридоре рядом с огромным кувшином. Я даже боюсь представить, сколько он весит, и как она его доволокла, потому что в него запросто можно было засунуть самого гончара, который улыбался во весь рот, предвкушая мои восторги. Надо сказать, что и голос у Галины не соответствовал ее хрупкому телосложению: она могла так крикнуть, что с крыш слетали сосульки, а воронье в панике покидало насиженные места и начинало кружиться в небе воронкой. На ее радостное «та-дам!» откликнулись хрустальные фужеры в серванте.

– Это еще что? – я обошла по кругу очередное «творение», по чьим крутым глиняным бокам вились цветы и порхали райские птицы.

– Тебе на память. Знаю, стоит отнести его в магазин, как оторвут с руками, но как-то не хочется, чтобы такая красота стояла в чужом доме.

– Ну спасибо...

– Что? Не понравилось? Видишь, какая уникальная техника росписи? Тибетские монахи с благоговением прикасались бы к каждой линии и загогулине – этот узор означает бесконечность жизни... Смотри, как стебли переплетаются – нет ни начала, ни конца, – Галка пальчиком провела по веточке, затейливым кольцом опоясывающей широкое горло кувшина...

– Ваза красивая, большая только. Куда бы ее пристроить? – я оглянулась. Везде, где только возможно, стояли уникальные работы Галчонка, с которыми она по какой-то причине не захотела расставаться: на шкафах, на полках, на полу.

– Поставь в спальне. Будешь перед сном любоваться. Глянь, какие красивые птицы... Они символизируют женщин, которые могут скрасить бесконечную жизнь.

– Ну да. Тибетским монахам самое то. Им без женщины никуда. Как и мне.

– Я и говорю, монахи с благоговением прикасались бы, – подруга погладила птичку по яркой грудке. – Иного им просто не дано. Ну, все. Хватит болтать, пошли завтракать. Я колбаски прикупила.

Выставив на стол чашки и тарелки, самой же Галиной сотворенные и принесенные в дом «в качестве платы за постой», она в нетерпении ждала, когда пожарится яичница, сдобренная докторской колбасой, вялеными томатами и веточкой укропа. Я тоже мастер своего дела и знаю толк в гармонии цвета и вкуса.

– У тебя на сегодня какие планы? – спросила я, придвинув к себе сахарницу. Галка с кривой улыбкой наблюдала, как я зачерпываю три полные ложки белой смерти. – Пойдем с нами в кино?

– Опять Никита объявился?

Я кивнула. Кит – наш с Галкой сын полка. Мы взяли над ним шефство еще в школе, когда он после развода родителей перебрался к бабушке, оказавшись никому кроме нее не нужным. Нескладный, прыщавый, из-за недостатка в деньгах плохо одевающийся, вечно болеющий, а потому не успевающий то по математике, то по химии, он вызывал у дураков стремление поглумиться над ним. Но мы с Галиной к касте дураков не принадлежали, а потому сразу разглядели потенциал новичка. И не ошиблись. Сейчас Никита Горелов лихо заправлял строительным бизнесом, выглядел на миллион и опять-таки вызывал желчные излияния дураков, на этот раз завидующих крутому повороту в его судьбе. Очередной отчим Никиты заметил жажду знаний и деловую хватку пасынка и помог развить способности, для начала отправив учиться за границу. Теперь Горелов жил в столице, а в наш провинциальный город наезжал лишь для того, чтобы повидаться с бабушкой да навестить боевых подруг, не раз встававших плечом к плечу в сложной школьной жизни.

– Нет, у меня сегодня аншлаг, все меня хотят. Еще нужно в галерею заскочить: собираются отправить на выставку кое-какие мои работы. О, кстати, можно я тот чайник в виде петуха заберу? Ты же все равно им не пользуешься?

– Кто бы смог выпить ведро чая? Ты, Галка, хоть и мелкая, но страдаешь гигантизмом, что ни чаша, то величиной с ванну, – в качестве примера я приподняла свою глиняную кружку, которую из-за

нестандартного размера нужно было держать двумя руками. Я пользовалась ею, чтобы не обижать «художника», да и чай в такой долго не остывал.

– Все по Фрейдю. Как там поживает Горелов?

– А он тебе разве не звонит?

Галкина мастерская находилась в пригородном поселке, куда с легкой руки подруги перебрались и мои родители. Природа, чистый воздух, опять–таки красивейшая река, на берегах которой водилась какая–то особая глина, позволяющая нашей умелице зарабатывать на хлеб с маслом. Правда, деревенская жизнь малость отдалила ее от цивилизации, но телефон исправно восполнял все пробелы в общении.

– Нет, не звонит, – Галка отвела глаза в сторону.

– Ну–ка, ну–ка, – я взяла Галину за подбородок и заставила развернуться ко мне.

– Ну, понимаешь...

– Смотри в глаза.

Галка вздохнула, словно собиралась с силами перед прыжком с парашютом. В моем животе что–то ощутимо сжалось. Обычно так говорят о сердце, но у меня всегда откликается что–то чересчур чувствительное в районе поджелудочной железы.

– Помнишь, как мы летом все вместе ездили в поселок?

– Ну.

– После купания в реке ты ушла к родителям, а я повела Никиту посмотреть блюдо, которое расписала на азиатский манер – цветы граната, арабская вязь...

– И?

– В общем, я... предложила ему себя.

– Галка...

– А он отказался. Тогда я наговорила ему глупостей, – Галина закрыла лицо ладонями. – Идиотка. Стояла перед ним голая и кричала...

– Милая, – я опустила на колени и обняла подругу. Та всхлипнула.

– Он всегда мне нравился. Еще со школы. Я дни считала, когда наступят каникулы, и он вернется из своей треклятой Англии. Потом в календаре отмечала, когда у него будет отпуск, а он... а он...

– Видел в тебе лишь друга...

– Но он же подавал сигналы! Звонил, разговаривал часами, интересовался, как продвигается работа над проектом. Хвалил...

Моя любимая подруга целый год трудилась над спецзаказом для столичного ресторана, готовя не только посуду, но и украшения для интерьера и фасада.

Галка шумно высморкалась в кухонное полотенце.

– Во время купания в реке даже носил на руках. Это после, когда я в своей глупой голове разложила все по полочкам, поняла, что он не мог поступить иначе, ведь я сама прыгала к нему на руки, пила на брудершафт и лезла целоваться... Тогда, в воде, его объятия и нежные прикосновения к моему телу казались признаками желания, шагом к более близким отношениям. Я дура, Женька! Какая же я дура! Вся его нежность была лишь потому, что он боялся нанести вред, нечаянно ранить меня, тогда как я резвилась бешеной селедкой, идущей на нерест.

Галка права: Никита мог навредить, одна его лапища чего стоила. Куда делся тот хлипкий подросток? Бабушка откормила его, выхолила, народными средствами восстановила подорванный иммунитет, и во взрослую жизнь шагнул крепкий парняга, за спиной которого легко могла спрятаться такая как я. А ведь я далеко не маленькая. «Три Галки» – так шутя говорила я о себе и нисколько не кривила душой. Взять хотя бы размер груди. У нее первый, у меня третий. У нее попа как у мальчишки, у меня руки – как ее ноги. «Хватит лопать сладкое!» – упрекала закадычная подруга, выдирая из специально поднятого вверх кулака откушенный шоколадный батончик. Правда, для этого Галке приходилось чуть ли не подпрыгивать. Мы с Никитой одного роста. Хорошо хоть не одной комплекции, я все-таки на пару размеров меньше. Но если не «победу-побежу» свою любовь к сладкому, через пяток лет обязательно догоню Горелова, а то и дам ему фору.

– Родная, не кори себя. Ты просто хочешь любви. Ну зачем тебе Никита? Широкий как шкаф, рыжий и лопухий.

– У него кость широкая. И не рыжий, а золотой. А уши... уши у мужчины не главное!

– Что-то я не припомню, чтобы у него в седьмом классе кость была широкая...

– И вообще молчи! Вам, красивым, вечно все не так! Побыла бы в моей черной шкурке. Ноги кривые, волосы редкие...

– Чудесные у тебя волосы, просто ты не даешь им вырасти...

– Вот–вот! Сразу в сторону разговор увела. Про мои ноги ты почему–то так не говоришь! Не утешаешь, что я просто не даю им вырасти.

– Наглая ты, Галка!

– А ты толстая!

– Да, я толстая, – и спорить не буду. Рядом с Галиной любой покажется толстым.

– И коса у тебя тяжелая, поэтому тебе приходится нос задирать.

– Да, но резать не буду. Еще немного помучаюсь.

– И ресницы хоть и длинные, но светлые, туши не напасешься.

– И то верно, экономная ты моя. И губы как вареники, и... что там еще у меня? – все это повторялось из года в год в те самые печальные моменты, когда Галка хотела утвердиться за мой счет.

– И рост как у гардемарина.

– Ну слава богу, хоть на человека стала похожа! А раньше только с каланчой и сравнивали.

Галка уже улыбалась.

– Расскажи, какая я, – потребовала она, опять бросаясь в мои объятия.

– Ты тоненькая, как тростиночка. Твои черты изящны, а коротко стриженные волосы придают им французского шарма. Таких как ты воспевают поэты и рисуют углем художники на Монмартре. Достаточно одной линии, чтобы передать всю хрупкость твоей девичьей фигуры...

– Про таланты не забудь.

– ... твои пальчики так сильны, что ты запросто сминаешь ими тонны глины, потом лепишь из нее горшки и тащишь их в квартиру...

Галка подняла голову и посмотрела на меня через сощуренные глаза.

– ... одной толстой блондинки, которая не устает радоваться, что у нее такая талантливая подруга, и вся красота достается ей на халяву.

– То–то!

Никита пришел без звонка. Ожидая, когда я соберусь, топтался в коридоре. Раздеваться не стал, надеясь, что сей факт подтолкнет меня

сжалиться над потеющим в пальто и заставит поторопиться.

– На какой хоть фильм идем? – крикнула я из спальни, натягивая водолазку.

– Богемская рапсодия.

– О, обожаю Queen!

У подъезда ждало такси, хотя обычно Горелов приезжал на своем внедорожнике.

– Ты не удержишься в городе?

– Нет, я ночным поездом назад.

– К бабушке заходил? Как она?

– Нет, не заходил. Я полчаса как приехал.

Я прикинула в уме время и поняла, что Горелов после фильма к бабушке не попадет, если хочет попасть на одиннадцатичасовой поезд.

– Ты приехал только из-за того, чтобы сходить со мной в кино?

Он сдержанно кивнул.

– Ты же в другие дни не можешь.

Я вспомнила, что жаловалась ему на непосильную работу вплоть до следующего воскресенья из-за отъезда сменщика в Питер.

– Мы как влюбленные, – я осмотрелась. Конечно же мы опоздали и в темноте сели на первые попавшиеся места последнего ряда, чтобы не мешать зрителям своим полуслепым хождением по залу.

– Пересядем? – откликнулся Никита.

– Неа, – я нацепила на нос очки и запустила пальцы в ведро попкорна, которое держал Горелов. Он пристроил бутылки с водой и привалился плечом ко мне, чтобы его прожорливой подружке не пришлось тянуться за воздушной кукурузой.

– Нет, не так все было! – пару раз Никита пытался опровергнуть неточности, допущенные сценаристом в жизнеописании Фредди Меркьюри, для чего низко наклонялся, почти задевая мою скулу губами, но я отмахивалась. Кино же. Зрителю нужна драма.

– Замерзла что ли? – спросил Горелов, когда я обхватила себя руками. Я не успела объяснить, что толпу пресловутых мурашек вызвала грандиозность знаменитого концерта и власть голосистого фронтмена Queen над толпой.

Никита заграбастал меня и, усадив к себе на колени, обнял. Такая забота была неожиданной и, конечно, насторожила.

– Кит, ты чего?

Крепкие руки не дали подняться. Я вынуждена была повернуть голову, и это стало фатальной ошибкой. Губы Никиты нашли мои.

Только когда я опрокинула ведро с попкорном, стоящее на соседнем кресле, и шелест рассыпавшихся кукурузных зерен заставил впереди сидящих людей обернуться, мне удалось вырваться.

Все к черту.

Я ломилась к выходу так, словно была ледоколом, грудью вспарывающим льды, а те самые льды цеплялись за меня, не давая выплыть в спокойные воды.

– Женька, ну ты чего? – рука Никиты хватала меня то за плечо, то за рукав, но я рвалась на волю. Никогда, никогда я не рассматривала Горелова как мужчину, с которым смогу целоваться и, упаси боже, лечь в постель. Напой меня хоть до чертиков, и то не допущу подобную вольность. Он друг, только друг. Я не находила в нем сексуальной подоплеки, которая толкнула бы на безрассудство. Да, Никита добрый, надежный, симпатичный, но в моем мозгу навсегда засел образ прыщавого мальчишки, с которым можно посмеяться, поделиться бедами, сходить на речку или в кино... Да я даже никогда не прихорашивалась, хотя знала наперед, что он приедет. Открытие, что Горелов смотрит на нашу дружбу иначе, ошеломило.

Черт. Черт. Черт.

Он извинялся, долго топтался у двери, не решаясь уйти, но я не могла сказать, как бывало: «Забудь, братан! Все путем!», потому что теперь ничего путного нас не ждало.

– Ты опоздаешь на поезд.

Я никогда не верила словам, что между мужчиной и женщиной не может быть дружбы, твердо зная, что я, Галка и Кит опровергаем устоявшуюся аксиому.

Плохой из меня математик.

И химик плохой, если не почувствовала ни боль подруги, ни изменившегося ко мне отношения друга.

Через час на телефон пришло сообщение:

«Я устал ждать, когда ты меня заметишь».

Я такая же дура, как и Галка. Только та видела несуществующие знаки, а я, наоборот, не замечала очевидного. Боже! Никита даже однажды присылал самого себя на день Святого Валентина, а я только посмеялась, услышав за дверью: «Тук–тук! К вам пришла

валентинка!». Он стоял весь опутанный красной атласной лентой, завязанной на груди в огромный бант.

«Галка, иди посмотри, какую валентинку к нам занесло!»

Мы хохотали до упаду, когда он с красным лицом сдирал себя «упаковку», и не смог произнести то, что заранее приготовил: лишь заикался и мычал. И коробка с духами, выпавшая из его кармана, была одна вовсе не потому, что Кит пожмотил...

Мы с Галкой до сих пор на пару пользовались этими духами.

– Гал, привет. Как дела?

– Чего тебе не спится? Час ночи уже.

– Прости. Ты забери себе Никитины духи, ладно?

– Ты из-за этого меня разбудила?!

– Мне их запах больше не нравится.

– Лады. Как утром проснусь, сразу заеду. А теперь пойдешь, накапай себе чего-нибудь успокоительного и баиньки. Утром поговорим.

– Спасибо, так и сделаю.

На прикроватной тумбочке нашла «Любарум», повертела в руках, ругая себя за то, что так и не зашла в аптеку, налила в стакан воды и, отсчитав пять капель, выпила, желая как можно быстрее избавиться от горестных мыслей об утраченной дружбе.

Сон стукнул пыльным мешком по голове.

Глава 4. Все по Фрейду

Откуда я знаю, что я скажу? Что придет в голову, то и скажу.
«Волшебная лампа Аладдина»

Я задыхалась. Кругом была вода. Я била руками и ногами, от страха теряя ориентиры, не понимая, где верх, а где низ, и так, наверное, утонула бы, если бы кто-то сильный не вцепился мне в волосы и не вытащил на берег.

Отплевавшись и отдышавшись, я приподняла голову, сдвинула в сторону упавшие на глаза волосы и только тут заметила, что являюсь центром пристального внимания. В овальном бассейне по грудь в воде стояли женщины. На их лицах отражались самые разные эмоции: кто-то смотрел испуганно, кто-то брезгливо, кто-то не скрывал улыбки, приправленной изрядной долей торжества. Все как одна были черноволосы, смуглокожи и обладали теми характерными чертами, в которых безошибочно угадывается принадлежность к племени азиатских красавиц.

«Гюльчатай, открой личико», – это как раз из той оперы, только такое впору сказать мне самой. Без лишних движений чья-то заботливая рука собрала мои волосы и закинула их за спину, значительно расширив круг обзора. Я смогла рассмотреть не только волооких красавиц, но и нескольких мужчин в халатах до пят, один из которых и спас меня, не дав утонуть.

Видимо, утопление не предусматривалось, а потому, убедившись, что я жива и не собираюсь прямо здесь сложить плавники, спаситель распрямился и грозно глянул на сбившихся в кучку женщин.

– Кто?

Красавицы как по команде опустили глаза.

– Халиф не появится здесь до тех пор, пока я не узнаю, кто из вас топил иноземку. Говорите, не доводите меня до гнева!

Ох, божечки! Так я что, типа Хюррем Султан? Та терпела и мне велела? Жаль, что я оказалась в этом сне внезапно, иначе сейчас не лежала бы на берегу выброшенной рыбой. Мне хватило бы сил и

умения напоить зеленой водичкой ту заразу, что решила разделаться со светловолосой соперницей. Я здесь одна такая и явно выделяюсь.

Несмотря на угрозы и сдвинутые к переносице черные брови главного гаремосмотрителя, ни одна из девиц не подняла руку, намереваясь сдаться добровольно.

– Хорошо. Взять! – мой спаситель протянул руку, унизанную перстнями, и указал на молоденькую девушку, стоящую с краю. Ее точно так же как и меня вытянули из воды за волосы, но не оставили на берегу, а, бесцеремонно накиннув на голову мешок, увели. До слуха насторожившихся русалок донесся крик отчаяния и боли.

Молчаливые мужчины вернулись без пленницы и встали на свои места, скрестив руки на животе.

Что–то мне не нравится этот сон.

– Кто? – спросил все тот же евнух (какой бы халиф допустил до гарема полноценного мужчину?).

На этот раз девушек уговаривать не пришлось. Они расступились, оставив в центре одну единственную, которая зло сверкнула глазами и поспешно кинулась за отплывающими товарками, желая вновь слиться в общей массе. Но она вновь оказалась в одиночестве.

– Э–э–х! Халима–Халима! – укоризненно покачал головой скопец. – Я так и знал, что это твоих рук дело!

– Мне халиф обещал сегодняшнюю ночь! – выкрикнула девушка, которую в модельном бизнесе наверняка назвали бы ласкающим ухо толстухек словом «бодипозитив». Видимо, пышка в гневе топнула ногой, потому как ее тяжелая грудь колыхнулась, и по воде пошли круги. – А теперь, когда появилась иноземка с белыми волосами, – она обличительно ткнула в мою сторону пальцем, – нашему господину придется нарушить данное слово. Он всегда выбирает нетронутую новенькую. Это несправедливо, я целую неделю ждала своей очереди!

– Можно мне спросить? – я как на собрании протянула руку вверх. Все взгляды тут же переместились на меня. Не успев услышать надменное «говори», выпалила: – А что значит «нетронутая»?

В ответе, о котором я догадывалась, скрывался единственный шанс выбраться из сексуальной заварушки нетронутой... э–э–э...то есть избежать постели халифа.

Мне всегда говорили, что у меня богатая фантазия. Поэтому воображение быстро нарисовало невысокого мужчину с огромным

животом (я знаю, как выглядят любители плова) и волосатой грудью. Носитель широких полосатых шальвар в предвкушении облизывал губы и тянул ко мне руки. Дорисовав недостающие детали, увидела человекообразного Джабба Хата, держащего на цепи прекрасную принцессу Лею. Бр–р–р–р!

– Нетронутая – означает, что твое тело не познало мужской ласки, – с достоинством произнес глава евнухов.

– А если познало и не раз? – решила уточнить я, но услышать ответ не успела, лишь заметила, как евнух вдруг посерел лицом. И тому была веская причина.

– Кто привел в гарем распутницу?

На этот раз евнухи сбились в кучу, а женщины в бассейне расслабились и заулыбались. Их шанс оказаться в постели повелителя резко вырос.

Между тем, на застеленном коврами возвышении, где был установлен огромный диван, оббитый красным бархатом и обложенный десятком подушек с золотыми кистями, появился высокий мужчина в распахнутом на безволосой груди халате.

– Кто привел в гарем распутницу? – еще раз спросил он, наблюдая, как евнухи падают ниц, а женщины погружаются в воду по самые глаза.

Я перестала дышать. Как же халиф оказался хорош!

Черные волосы ниспадали тугими кудрями на широкие плечи, аккуратно подстриженные усы, оставляющие на обзор лишь нижнюю губу, плавно переходили в небольшую, но густую бороду...

«Дура я. Зачем вообще открыла рот? Девственница – не девственница! Может во сне у меня второй шанс».

...соболиные брови венчали его темные глаза, которые... метнули в мою сторону убийственную молнию. Острие той молнии вместо того, чтобы сразу лишить жизни, вызвало тахикардию. Я неосознанно схватилась за грудь, и глаза громовержца последовали за моей рукой.

Не нащупав на себе никакой одежды, схватилась и за вторую грудь. Взгляд мужчины бросил попытку рассмотреть спрятанное под руками, плавно пошел вниз, оставляя на коже горячий след. Пока я решала, что важнее: прикрыть грудь или тот островок, где росли светлые волосы, «наш господин» сделал шаг в мою сторону. Я не нашла ничего лучшего, чем соскользнуть в бассейн. Зеленая вода

хоть и прикрывала тело полупрозрачной кисеей, заставила взгляд громовержца вернуться к моему лицу.

Он присел на корточки у самой кромки бассейна и спросил:

– Кто такая?

«Боже! – мысленно помолилась я, глядя в прекрасные очи. – Дай мне сил не выкрикнуть «Я твоя мечта!», дай сдержать порыв! Пусть он сам протянет руку и я, скромно потупив взор, последую за ним хоть на край земли!»

– Мой господин, – главарь евнухов дернул подбородком, когда на колени рядом с ним упало новое действующее лицо и что-то горячо зашептало в ухо. Невесть откуда появившийся старец в высокой чалме перед поклоном ужалил меня злым взглядом. – Сжальтесь, но мы не знаем, откуда она взялась! Вода в хаусе вдруг забурлила, я сунул руку и вытащил ее за волосы...

– Мой господин, мы ее даже не осматривали! – затряс длинной бородой старик.

– Шайтан, шайтан! – понеслось со всех сторон.

Господин протянул руку, дотронулся кончиками пальцев до моих волос, нежно провел по скуле. Я потянулась вслед за ладонью, принимая ласку.

– Как жаль, что я не люблю светлые волосы, – сказал он, отряхивая мокрую руку. – В зиндан ее.

Вот это сон!

Меня выдернули из воды два огромных бугая и поволокли в тот же проход, куда совсем недавно увели несчастную девочку, попавшую под горячую руку евнуха.

– Ай! Больно же! – выкрикнула я и попыталась перебирать ногами, но после резкого рывка, чуть не оставившего меня без руки, прекратила всякие попытки вернуть хоть какое-то самоуважение и повисла безвольной марионеткой. Уже на выходе как могла повернула голову и краем глаза заметила, что халиф, со сладострастной улыбкой на губах, бросил яблоко той самой красавице, что пыталась меня утопить.

«Вот, значит, как проходит отбор в гареме! – подумала я. – Одну прилепнули, вторую тащат в какой-то зиндан, третью, которая чуть ли не стала убийцей, награждают яблоком и ночью любви. Правильно сказал товарищ Сухов: Восток – дело тонкое».

А вообще–то, пора бы проснуться.

– Скажите, пожалуйста, а что такое зиндан? – поинтересовалась я у своих провожатых, глядя на них снизу.

– Сейчас узнаешь!

Короткий ответ не удовлетворил, и я хотела было уточнить, но вдруг заметила в одной из комнат ту самую девчонку, которую утащили с мешком на голове – она сидела за низким столиком и пила чай с халвой. А ведь как кричала, актриса!

Увиденное немного успокоило.

Может быть зиндан какое–нибудь приятное место, где мне тоже дадут сладостей?

Когда меня поставили на край ямы и стали обвязывать веревками, я поняла, как сильно ошибалась. Снизу несло немытыми телами, испражнениями и болезнями.

Хочу проснуться, хочу проснуться, хочу проснуться...

– А–а–а–а! – закричала я, ощутив толчок в спину, и откликнувшаяся стоном темнота протянула ко мне руки.

Звон будильника прервал страшный полет.

Я села на кровати и едва не стукнулась лбами с Галкой, которая как раз склонилась надо мной.

– Женька, ты чего кричишь?

– Уф, как хорошо, что ты завела будильник!

– Какой будильник, милая? Проснись!

Я перевела глаза на тумбочку и не нашла ничего, кроме стакана, из которого перед сном хлебнула «Любарум». Однако, какое хорошее лекарство! Вырубило с пяти капель.

Досада кольнула под ребро, когда я вспомнила о вчерашнем инциденте с Никитой.

Рассказать Галке или нет?

Подруга между тем потрогала мой лоб губами.

– Нормально вроде. Или я с мороза не пойму? – она погрела дыханием руки, и ее прохладная ладонь отметилась в том же месте, где до этого побывали губы.

Я отмахнулась, откинула одеяло, сунула ноги в тапки с ушами зайца и, почесываясь, поплелась в ванную, по пути бросив взгляд на настенные часы – шесть ноль две.

– Какой такой мороз?

– Так снег выпал, выгляни в окно.

– Потом, Галчонок. Все потом. Меня другой белый друг ждет.

Подруга встала за дверью.

– Жека, что случилось–то?

– Почему сразу «случилось»? – откликнулась я. Так и не решив, стоит Галке знать о моей ссоре с Китом или лучше вообще ничего не говорить, прокричала, рискуя разбудить соседей: – Все в порядке! Вчера вечером дождило, и ничего не предвещало буйства зимы. Она наступила как–то внезапно!

– Все в порядке? А кто звонил мне в час ночи, что духи больше не нравятся? Нормальное такое время для гламурных разговоров. Не держи меня за идиотку.

– Ну ты же приперлась ко мне в шесть? И заметь, я тебя не пытаю...

Галка, не выдержав, рванула дверь.

– Выкладывай!

– Мы, скорее всего, Кита больше не увидим, – выпалила я и уткнулась лицом в полотенце, делая вид, что тщательно вытираюсь. Галка, поняв, что еще чуть–чуть, и я сотру кожу, выдернула тряпку из моих рук.

– Что значит «не увидим»? Поссорились?

– Угу. Принципиальный вопрос. Был Фредди Меркьюри геем или все–таки бисексуалом?

– Вот дураки! – Галка кинула в меня влажное полотенце. Я увернулась, оно плюхнулось в унитаз. Черт. – Идем завтракать, иначе на работу опоздаешь. Сегодня опять допоздна?

– Не–а, из Боткинской аптеки Марь Степановну на время перевели. В восемь явится. Хочешь поздороваться?

– Упаси боже. Я лучше с телевизором поговорю.

Мария Степановна – весьма активная дама пенсионного возраста, была в сети аптек «Пилюли» нарасхват. Ею заменяли уволившихся, отчаливших в отпуск или безвинно съеденных хозяйкой. Отличалась повышенной словоохотливостью, которой успешно пользовалась в тех случаях, когда в аптеку заходили старики и старушки, любящие не только купить лекарство, но и поговорить о своих болячках. Тут Марь Степановне не было равных. Но стоило болезной старушке после полуторачасовой беседы вспомнить об оставленном на плите молоке,

как вся мощь речевого потока обрушивалась на сотрудников. Я право дело не знала, что лучше – отпахать половину суток в одиночестве или стать слушателем радио, которое невозможно ни выключить, ни убавить звук.

– Гал, что ты думаешь о снах? – я наклонилась над чашкой, в которой только что размешала сахар. Чаинки, подхваченные потоком, неслись по кругу. Вспомнились огромные груди красавицы Халимы и расходящаяся волнами зеленоватая вода в бассейне. Мне с моим третьим пришлось бы прыгать солдатиком, чтобы вызвать похожее волнение.

– Знаю, что бывает медленный и быстрый, – Галка густо намазывала на кусок хлеба плавленый сыр. – А что?

– Прости, я не так выразилась. Что ты думаешь о сновидениях?

– Они случаются как раз в быструю фазу сна. И если ты помнишь свой сон, значит тебя разбудили именно на этой фазе.

Я зачерпнула ложку сыра из пластмассовой ванночки и сунула в рот. Глаза подняла к потолку.

Я помню оба сна, которые закончились полным поражением: ни тебе королевского права первой ночи, ни халифского смуглого тела, которого так хотелось. Ладно, сегодня меня разбудила Галка, и я так и не узнала, чем мог закончиться страшный сон. А вдруг халиф смилостивился (ведь ту девчонку с мешком на голове не убили, а накормили халвой) и спас бы меня? Я тут же представила, как вся такая красивая иду мимо сисястой Халимы и показываю ей козу...

– О чем задумалась? – Галка шумно отхлебнула горячее какао.

– Повикипедь, пожалуйста, сколько длится быстрый сон. В который раз обрывается на самом интересном.

– Мужики что ли снятся?

Я уткнулась носом в чашку.

– Так это по Фрейду. Замуж тебе пора, Жека. От неудовлетворенности все.

Галина вытащила из кармана мобильник и погрузилась в просторы интернета.

«Как будто сама сексом каждый день занимаешься», – мысленно фыркнула я и вернулась к прерванным размышлениям.

В самый первый раз, когда мне приснился король, кайф сорвал невидимый, но очень хорошо слышимый будильник. Затрезвонил

ровно в шесть. Кстати, в сегодняшнем полете я слышала тот же самый сигнал, и опять на часах было шесть.

Так–так–так, прослеживается определенная закономерность.

Что из этого следует, я обдумать не успела.

– Вот, нашла! Бла–бла–бла... .. быстрый или парадоксальный сон длится всего десять тире пятнадцать минут.

– Ну теперь мне все понятно. Парадокс в том, что в моем распоряжении какие–то жалкие пятнадцать минут...

– Предполагают, что быстрый сон обеспечивает функции психологической защиты, переработку информации, ее обмен между сознанием и подсознанием, – продолжила зачитывать Галка и, подняв палец вверх, сделала акцент на том, что окончательно все расставило по своим местам: – Во время быстрого сна наблюдаются эрекции полового члена и клитора! – Галина отложила телефон. – Я же говорю, все по Фрейду. Мужика тебе надо.

– Надо. Но где же его взять?

Галка вздохнула.

А за окном шел снег и делал вчерашние хляби девственно–чистыми.

Вот говорила мне мама, береги честь с молодю, а я, дуреха, поторопилась. Теперь меня даже во сне этим шпыняют...

А и фиг с ним, с Фрейдом.

Пора на работу.

Глава 5. О соседях и потерянной девственности

И умная барышня может согдаться для всяческих глупостей!

© Дохтур Gugutцэ князь Бешбармакоff

– Не забудь у аптеки поцеловать взасос, – я гремела ключами, убирая их в просторную сумку, где, кроме свежего халата и шапочки, лежала сменная обувь. Хотя дойти до работы – это нырнуть в первую же попавшуюся дверь в торце здания, я никогда не выходила «в свет» в рабочей одежде. Мало ли кого встречу, совершая утренний променад, длиной в двадцать пять шагов? Еще больше волновало, кто может встретиться, когда я, замученная прожитым днем и кашляющими клиентами, только и думаю о предстоящей одинокой ночи. Холодная постель и все такое. Чтобы нарваться на принца во всеоружии, я всегда при полном параде и на высоких каблуках. Это в аптеке Женька Ключева превращается в безликую работницу красного креста и полумесяца, вне ее – я та, которая достойна лучшей женской доли. Хотя, стоит признать, на пути по большей части попадают не принцы, а белые и совсем не белые их авто–кони, причем стоящие на самом проходе – там, где я должна гордо цокать набойками, а не прыгать через лужи, словно альпийская коза.

– По попе тоже погладить? – оскалилась Галка.

– Можешь даже пожать. Ой, здравствуйте! – этажом ниже стояли две старушки. Одна, вздыхая, перебирала ключи, другая в нетерпении позвякивала крышкой бидончика, литра так на полтора. Интересно, где в век всепакетирования бабушки находят разливное молоко?

– Здравствуй, деточка! – откликнулась та, которая не была занята примеркой очередного ключа к замочной скважине. – А почему без головного убора? На улице холодно.

– Да мне здесь рядом! – махнула я рукой и, вежливо попросив взглядом доверить мне связку ключей, с первого же раза открыла

«упрямую» дверь. В образовавшуюся щель высунул голову любопытный кот.

– Спасибо, милочка, – поблагодарила старушка, принимая ключи, и тут же про меня забыла, цепко хватая норовившего прошмыгнуть между ногами кота – свобода как всегда манила котейскую братию. – Лямур, проказник такой, ты куда собрался? Мы тебе молочка принесли!

– Это кто такие? – Галка просунула руку под мой локоть – так на льду будет если не безопаснее, то определенно веселее: идти – так в одной упряжке, валяться на асфальте – так не в одиночестве. – Новенькие? Или родственники дяди Саши?

– Новенькие. А дядя Саша здесь больше не живет, сестра к себе забрала, – я вздохнула, вспоминая нашего лихого барабанщика. Военный оркестр когда-то определенно гордился им, но после-пенсионная деменция, усугубленная спиртным, почти в каждую полночь выгоняла бывшего музыканта на трамвайные рельсы, и наш район содрогался от барабанной дробы. Не знаю, где была сестра раньше, но однажды подъехала машина, и грозная женщина с высокой халой на голове увезла рыдающего дядю Сашу – ему не позволили взять с собой барабан. Он так и остался лежать на скамейке. Правда, провожающие видели, как круглые головки палочек высовывались из-под куртки дяди Саши, а значит, песня, живущая в душе барабанщика, еще не закончена.

– Жаль, прикольный был дедок.

– Угу, – я смотрела под ноги, коварный лед прятался под тонким слоем снега. – Эти старушки тоже ничего. Сразу видно из интеллигенции. Если и усядутся сплетничать рядом с нашими бабушками, спинку будут держать ровно, а лапки сложат на ридикюли. Ты видела, они обе в шляпках?

– Сестры?

– Нет, не похожи. У той, с бидончиком, нос остренький да глаза темные, а вторая сероглазая с тонкими, почти кукольными чертами лица. И ростом она поменьше. Хотя...

Мне вспомнилось, как остроносенькая поджала губы, когда соседский мальчишка обратился к ней «баб Вера».

– Вера Романовна, – поправила его сероглазка. – А меня, молодой человек, называйте Надежда Романовна.

– Баб Надя, – тут же исправился молодой человек пяти лет от роду, – можно вашу кошку погладить?

– Это кот, – оскорбилась за Лямура Надежда Романовна.

– Короче, раз обе Романовны, значит, сестры, – заключила Галка после вояжа в мою память. – И кот наверняка Романович. Такой же седой и интеллигентный, как и старушки.

– Он не старый, просто серой масти. Порода называется вислоухий шотландец.

– Ну почему так не везет? – вздохнула Галина. – Вот живут совсем рядом шотландцы, так и те вислоухие. Как ты думаешь, шотландцы носят под килтами трусы?

– Какая тебе разница? Тут бы просто мужика встретить. В трусах или без...

– За просто мужиком можно в парк сходить. Там один эксгибиционист из кустов как черт из табакерки выскакивает. Как раз без трусов.

– Вот и договорились. В воскресенье с утра – в парк. Так, про поцелуй не забываем... Кирюсик в машине сидит.

– Дин–дилинь!

– Ой, извините, опоздала, гололед! – я прошмыгнула в подсобку мимо Марь Степановны, демонстративно посмотревшей на наручные часы. Открыв шкаф, торопливо скинула пальто и сапоги, застегнула халат и, надевая на ходу шапку и маску, появилась в торговом зале.

– Эта в черной куртке подруга твоя была, что ли? – Марь Степановна скучала.

Я кивнула и прошла к кассе. Бросила взгляд на полку, где хранились бутылочки со спиртом. «Любарум» стоял на месте. Его, видимо, даже не трогали. Открыла было рот, чтобы спросить у Марь Степановны, что за новое снотворное, но вспомнив, что фонтан потом не заткнуть, благоразумно промолчала.

Гугл тоже не помог.

Черт. Черт. Черт.

Но какие же, гад, яркие сновидения вызывает! Если, конечно, это его работа. Тут одно из двух: либо мой «Фрейд» расшалился, либо «Любарум» то, что доктор прописал. Не буду сегодня его пить. Хоть и заявлено, что не вызывает привыкание, на такие сны и подсесть можно.

– Красавицы, привет! – Кирилл зашел в аптеку через заднюю дверь, ключи от которой были только у него и Светланы Сергеевны.

Марь Степановна, отдав руку для лобызания, залилась краской смущения, заправила перманентный локон за ухо и широко улыбнулась вставной челюстью.

– Даже не подходите, – прошипела я, щелкнув ножницами перед самым носом Кирюсика, плавно перетекшего к кассе.

– Злая ты, Евгения. И лжешь знатно, – он лениво расстегнул пальто. – Я на днях в кино ходил и видел, как кое–кто с мужчиной целовался. А здесь из себя недотрогу строит: «Ах, не подходите ко мне, мне мужская ласка противна!».

Марь Степановна бочком–бочком притиснулась поближе.

– Если вы сидели в кинотеатре, то должны были видеть, как кое–кто покинул его, не дождавшись окончания сеанса, так как мужская ласка ему действительно неприятна. А если будете настаивать, то я ради эксперимента разрешу вам меня поцеловать. Только давайте пройдем в туалет.

– М–м–м... – Кирюсик дернул ухоженной бровью, наверняка расчесанной специальной щеткой. – Всегда знал, что ты, Евгения, горячая штучка. Так куда идем, в мужской или женский?

Марь Степановна слилась с белым шкафом и, втянув живот, затаила дыхание.

– Да какая вам разница, в каком туалете вы будете держать мои волосы, чтобы я после нашего поцелуя их не заблевала ...

Кирюсик побледнел.

– Так мы идем или нет?

Кирюсик молча застегнул пальто.

– Дин–дилинь, – проводили его колокольчики.

– Жень, а ты действительно не любишь мужчин? – подала голос Мария Степановна. – Я сегодня видела, как ты...

– Меня сейчас вырвет... – на полном серьезе сказала я и побежала в туалетную комнату.

Постояв над текущей из крана водой, умылась и взглянула на себя в зеркало. Шапка сбилась на бок, лицо бледное.

Точно с таким лицом шесть лет назад я стояла в туалете экономического университета.

– Ключева, к доске, – Алексей Харитонович оторвал взгляд от журнала, где его палец замер на строчке с моей фамилией, и без какого-либо интереса в глазах проследил, как я медленно иду между партами. Когда я поравнялась с ним, с растяжкой произнес: – А расскажет она нам об обратных матрицах и формулах Крамера.

Я повернулась к доске, взяла мел, подняла руку и застыла.

Ведь учила вчера. Специально потратила два часа перед сном, чтобы запомнить намертво.

– Ну же, Ключева...

В голове была звенящая пустота, и только голос Алексея Харитоновича бился о стенки черепа испуганной птицей: «Ну же... ну же... ну же...».

– Садитесь, Ключева. Два. Вечером подойдете к кафедре. Третий подряд неуд. Вы слышите, Ключева?

Я рассеянно кивнула.

– В семь, – Алексей Харитонович, словно для неразумного дитя, показал на пальцах и снова повторил: – Семь. Запомнили?

Я кивнула. Села за парту и положила тяжелую голову на руки.

Лаж.

Все было хорошо, пока занятия вел забавный старик с непроизносимым именем Магаш Муралиевич. Он, читая лекции, плевался, смеялся по поводу и без, вызывая к доске, подтрунивал, предлагал постелить под колени газетку, понимая, что низко висящая (под его невеликий рост) доска, заставит высоких девушек нагнуться, а короткие юбки смутят не столько их обладательниц, сколько студюзов, у которых самая пора гормональных игр.

Но ММ заболел, а потом и вовсе уволился, и на кафедру высшей математики пришел новый преподаватель – Бойко Алексей Харитонович, о котором заговорили сразу все студентки, а незамужние дамы кафедры в срочном порядке записались к парикмахеру, в спа-салон и фитнес-клуб, преследуя единую цель – произвести впечатление на неженатого коллегу.

БАХ произвел великий бум. Среднего роста, плечистый, подвижный, не особо красивый, но с бьющей через край харизмой. И пусть тебя окружает хоть тысяча привлекательных мужчин, ты будешь видеть только его, слышать только его голос, ловить только его взгляд.

Высшая математика из его уст воспринималась как откровение.

Посещаемость лекций зашкаливала, поскольку «на Бойко» приходили студенты других факультетов.

Деканат не мог не нарадоваться показателям успеваемости.

Все было Ок.

Сплошной шоколад.

И салют.

Если бы не одна ложка дегтя.

Восемнадцатилетняя студентка, красавица и отличница Ключева Евгения начисто растеряла мозги.

Там, в черепе, где как раз под копной светлых волос отводилось место системам линейных уравнений и методам Гаусса, выл шквалистый ветер, вылизывая извилины до гладкости попки младенца.

Я, мать ее, еще со школы носящая кличку Софья Ковалевская, перестала что-либо понимать в математике, находясь рядом с Алексеем-свет-Харитоновичем. Простым языком – я влюбилась. До слабости в коленках, до пересохшего рта, до тремора рук.

Разбуди меня ночью, и я без запинки выложила бы формулы Крамера, но скользни Бойко по моему лицу равнодушным взглядом, и серое вещество превращалось в розовый кисель. А каких формул и уравнений следует ждать от киселя?

– Хочешь стипендию? – спросил он, найдя меня стоящей за дверью кафедры высшей математики. Я кивнула. Только этот предмет отнимал у меня возможность разжиться за счет государства. – Будешь приходить сюда два раза в неделю. Вот флешка с моими лекциями, посмотри вторую, третью и восемнадцатую. Жду завтра в семь часов.

Матрицы, которым научил еще Магаш Муралиевич, внимания не задержали. Несколько практических занятий отняли максимум полчаса, а вот восемнадцатая лекция, которая называлась «Евклидово пространство», ввела в ступор. Это была небольшая видеозапись, на которой Алексей Харитонович, глядя прямо в камеру, раздевался. Когда звякнула пряжка ремня, экран погас.

Шок прошел минут через сорок. Я посмотрела запись бесчисленное количество раз.

«Что это? Случайность или...»

– Поняла операции над матрицами? – Алексей Харитонович был спокоен, деловит, на столе в его кабинете лежали учебники и тетради.

Я сидела напротив и не знала, куда девать глаза. И руки. Он знал – сунул в пальцы шариковую ручку. – Пиши.

– Что писать?

– Определители квадратных матриц.

«Дура я, – придвинула к себе тетрадный листочек, – выдумала черт знает что, а он, наверное, и не догадывается, что Евклидово пространство занято его голым торсом».

Воспоминания заставили загореться лицо. Я непроизвольно приложила ладонь к щеке.

Он проследил за моим движением и задержал взгляд на губах.

«Или знает?»

– Что с тобой, Ключева? Тебе жарко? – Алексей Харитонович поднялся и открыл форточку. Осенний ветер пошевелил тетрадные листочки, дернул висящее на стене расписание лекций, принес аромат мужских духов. Хороших таких. Заставляющих мозг окончательно размягчиться.

Я расстегнула верхнюю пуговицу.

Не своей кофточки. ЕГО рубашки. Он не шевельнулся. Не стукнул меня по рукам. Не посмотрел осуждающе.

Когда звякнула пряжка ремня, ЕГО ремня, я уже стояла без кофточки. И даже без бюстгальтера.

Девственность я потеряла на столе, где в попу мне упирался учебник «Высшая математика для экономистов». Да простит меня Кремер Н. Ш.

Глава 6. Евклидово пространство

О, это ад,
Когда должны мы выбирать не сами
Предмет любви!
«Сон в летнюю ночь», Уильям Шекспир

Воспоминания о величайшей глупости заставили застонать и уткнуть лицо в бумажную салфетку, которая моментально намочила и прилипла к коже.

«Как я могла? Как?!»

– Женечка, с тобой все в порядке? – Марь Степановна заглянула в туалетную комнату и отшатнулась, когда я повернулась к ней лицом.

«Чертова салфетка!»

– Все нормально, спасибо. Уже проходит. Наверное, я что-то не то съела.

Звякнувший колокольчик поторопил Марию Степановну вернуться в торговый зал.

На прощание она внимательно посмотрела на меня. Я, отпуская ее в объятия работы, обнадеживающе махнула рукой.

Убрав с лица остатки салфетки, поправила шапочку и надела маску.

На следующий день после нашего первого «занятия» на лекцию по высшей математике я не пошла. Сидела на подоконнике в раздевалке у физкультурного зала и водила пальцем по запотевшему стеклу. На улице шел дождь.

– Ты не видела здесь белые кроссовки? – Баженова – староста группы из параллельного потока, шарила в шкафчиках, заглядывала под скамейки. – Неужели вчера в такси забыла? Что за растяпа, вечно что-нибудь теряю.

– Я тоже вечно что-нибудь теряю, – поддержала, как могла. – «Вчера вот девственности лишилась».

Это конечно не вслух. Об этом лучше молчать.

Перед глазами всплыла картина, как БАХ не торопясь застегивает ширинку, звякает пряжкой ремня, поправляет ворот рубашки. Я сидела на столе и смотрела на него пустыми глазами.

Все внутри заledenело.

Наваждение спало, остались лишь стыд и недоумение.

«Зачем?»

Он, наконец, заметив, что я не двигаюсь, вздохнул и подобрал с пола мои трусы.

– Одевайся, Ключева.

Сунул мне в руки колготки.

Я перевела взгляд на тетрадный листочек, на котором лежал использованный презерватив. Он был в крови.

Алексей Харитонович, поймав мой взгляд, подцепил бумажку в клеточку за края и аккуратно свернул ее. Прозрачная резинка, перестав мозолить глаза, исчезла в недрах преподавательского портфеля.

– Ну, что с тобой? – горячие ладони легли на мои голые колени. – Разве тебе не было хорошо?

Вытащила из-под попы учебник, кинула на пол.

В том то и дело, что хорошо было, и БАХ это знал. В самом начале, когда поцелуи, словно чувствительные тумблеры планомерно переключали мозг из состояния «on» в «off», а тело, повинувшись природному зову, требовало изведать неизведанное, я упустила момент, когда можно было сказать нет.

И изведала неизведанное. Его палец лишь коснулся клитора, а меня скрутил сильнейший оргазм. Именно из-за него я прозевала, когда БАХ вошел в меня. Волна боли смела остатки оргазма, а жесткая ладонь зажала рот.

Я сидела на подоконнике, чертила пальцем дорожки на стекле и ненавидела себя. Ненавидела за то, что получила удовольствие. За то, что не утопилась в раковине, смывая слезы и черные подтеки от туши. За то, что позволила одеть себя и довезти до дома. За то, что пусть слабо, но ответила на прощальный поцелуй и не возмутилась, когда рука Алексея Харитоновича больно сжала грудь, на которой почему-то не оказалось бюстгалтера.

– Я тоже вечно что-нибудь теряю, – повторила я, хотя Баженова уже убежала на занятия. – Вчера вот домой без бюстгалтера пришла.

На следующий день я опять пропустила лекцию. И еще две подряд. И через неделю, когда по расписанию были практические занятия, я снова сидела в раздевалке. А за окном уже шел снег.

– Бр–р–р, холодно! – рядом приплясывала Томка. Мы ждали маршрутку. Каждая свою. – Кстати, ты почему не ходишь на пары по вышке? Больше пяти пропусков и к экзамену не допустят.

– Ненавижу математику.

– Ну и зря. БАХ клевый. Правда, я пока не все понимаю. Евклидово пространство никак догнать не могу.

– На дополнительные занятия не звал?

Томка – красавица каких поискать. Зеленые глаза, рыжие волосы, частые веснушки совсем не портят, а наоборот – придают очарования. Я всегда наслаждалась, глядя на ее живое лицо.

– Нет, а что?

– Запутает. Лучше своим умом дойти.

– А... Ой, моя!

Маршрутка поглотила Томку, а я встала на носочки, чтобы рассмотреть номер той, что ждала зеленый на светофоре.

– Ключева, садись, – к остановке подкатила машина Бойко. Распахнулась пассажирская дверь.

Я натянула шарф до самых глаз и осталась стоять на месте.

БАХ вышел из машины.

Громко посигналила подъехавшая маршрутка, он махнул ей рукой, затянутой в кожаную перчатку. Больно вцепился в мое предплечье и заставил пойти с ним.

– Ключева, что происходит?

Дворники со стуком скользили по стеклу, смахивая налипающий снег. Он валил крупными хлопьями и мешал понять, где мы находимся. Ледяная жижа с шипением расплзлась под колесами.

– Я ненавижу Евклидово пространство.

– Давно?

– С тех пор как потеряла бюстгальтер.

Алексей Харитонович немного помолчал. Кожа перчаток так сильно натянулась на костяшках его пальцев, что, казалось, вот–вот лопнет.

Резко вывернулся руль, и машина замерла на обочине.

– Зачетка с собой? Давай сюда.

Он не стал ждать, когда я открою сумку. Забрал ее у меня и, вывалив содержимое на пол, откопал девственно чистую зачетку.

И тут же испортил ее.

Зачеткину девственность.

Щелкнув ручкой, написал «отлично» и размашисто расписался.

– Можешь не ходить на мои занятия.

Я и не стала.

Через год я уже училась в медицинском на фармфакультете и закончила его с отличием.

Тем снежным вечером в Евклидовом пространстве сгинула несчастная Софья Ковалевская.

Зато на свет появилась деятельная Мария Складовская–Кюри, которая больше не допускала ошибок в общении с преподавателями мужского пола. Не краснела, не бледнела. И до всего доходила своим умом.

– Гал, приходи сегодня ко мне ночевать. Так тоскливо что-то, – я вертела в руках шнур городского телефона.

Марь Степановна, оторвавшись от беседы с очередной старушкой о пользе и вреде клизмования, с беспокойством посмотрела на меня.

– Что? Опять прихватило? – Галка шумно жевала.

– Угу. Евклидово пространство засасывает.

– Жди. Часов в десять появлюсь.

– Что так поздно?

– У меня в восемь встреча с москвичами. Ну, помнишь, я им ресторан оформляла.

– Угу.

– Угу–угу. Ты словно филин в лесу. Сказала бы что-нибудь другое, приятное для слуха.

– Например?

– Целую нежно в левую сиську.

– С чего это вдруг?

– Ну, ты же там не одна?

Я оглянулась. Мне показалось или нет, что Марь Степановна теперь стоит гораздо ближе, чем была до этого?

– Ну?

На всякий случай оглянулась еще раз. Вдруг возвожу на человека напраслину?

Марь Степановна находилась уже в двух шагах от меня. «Только для лекарственного введения», – как ни в чем небывало настаивала она на конкретном способе применения клизмы. Правда, бедной бабульке, чтобы не терять словоохотливую собеседницу из вида, пришлось переметнуться к другому окошку.

– Ну так не теряй сноровку, поддерживай созданный нами имидж, – бубнила свое Галина.

– Ладно, – я прикрыла трубку ладошкой и громким шепотом произнесла: – Целую тебя, любимая, в левую сиську.

– Нежно?

– Нежно. Все. Ночью жду.

Старушка замолчала на полуслове. Марь Степановна, чудом оказавшись за моей спиной, поджала губы.

Я открыла дверь Галке с бокалом шампанского в руке.

– Даже меня не дождалась! – ахнула подруга, сдергивая с головы шапку с помпоном. Притянув к себе мой бокал, отхлебнула. – Ух, какое холодное! Нет, чтобы к моему приходу глинтвейн сварить. Я полчаса такси ловила, замерзла как собака.

– Я сейчас тебе ванну горячей воды наберу, согреешься.

– С пеной?

– С пеной.

Пока Галка гремела кастрюльками на предмет поиска еды, я сидела на краю ванны и взбивала ладонью пену с запахом розы.

– Все, прыгай!

– А я новый заказ оторвала! Пивной подвал буду делать, – Галина, поставив на стиральную машину бутылку с шампанским, сноровисто скинула с себя одежду и, наполнив бокал, залезла в ванну. Погрузилась по самый подбородок и в блаженстве закрыла глаза.

Я стукнула своим фужером об ее.

– За нас, самых умных...

– Самых красивых, – поддержала Галка.

– Самых талантливых.

Я запрокинула голову, чтобы выпить за чудесный тост до последней капли, но, утратив равновесие, соскользнула в воду. Пенная шапка обрадованно повалила через край ванны. Галка тут же включилась в игру, и вскоре сухими на мне оставались только тапочки.

Завернутые в простыни, довольные и слегка пьяные, мы повалились на кровать.

– Видел бы кто нас сейчас, в жизни бы не отбрехались, – Галина подтянула сползшую простыню, спрятав под ней грудь. – Но мы ведь не такие?

– Нет, не такие, – поддакнула я, с любовью глядя на свою подругу. Сейчас, когда на ней не было и грамма косметики, она была похожа на девочку–подростка. Тоненькую, беззащитную... Дурак Никита. Как мог не разглядеть? Такую только на руках носить, да в глаза, как в озера, смотреться. – Ты все еще любишь Никиту?

Спросила и испугалась.

Галка кивнула.

– Он, что, действительно к нам больше не придет?

– Когда–нибудь придет. Выбьет всю дурь из головы и заявится. Вот увидишь, – как можно увереннее произнесла я.

– Скажи честно, что между вами произошло? – а в глазах застыл страх.

Я поднялась с кровати, дошла до сумки, вытрясла ее на кровать и протянула Галке мобильник.

«Я устал ждать, когда ты меня заметишь».

– А ты его заметишь?

– Нет. Никогда.

– Значит, у меня есть шанс, – Галка грустно улыбнулась. – Надо всего лишь отдать тебя замуж. Тогда у Кита исчезнут все иллюзии.

– Отдай меня замуж, Галчонок. Очень прошу.

– Завтра же утром займусь. А теперь спать, – подруга закопалась под одеяло. – Выключай свет.

Через минуту, когда шампанское и усталость нервного дня победили пытающийся соображать мозг, Галка спросила:

– Жень, как ты думаешь, купидон один работает или в паре?

– В смысле?

– Вот смотри, – она повернулась на бок, чтобы видеть мои сонные глаза. Ее потонули во мраке, и я только догадывалась, что вот этот беленький блинчик – Галкино лицо. – Кит запал на тебя, я на Кита, а ты... О тебе сейчас не будем.

– Почему это?

– Тут все слишком неопределенно. Как уравнение из сплошных неизвестных.

– Ладно, допустим. И? Причем здесь малыш в памперсах?

– А при том, что он плохо выполняет свою работу. Такое впечатление, что пуляет налево–направо без какой–либо системы. Вот и получается, Кит любит тебя, я люблю его, а ты... О тебе сейчас не будем.

– А если бы маленьких засранцев было двое?

– Они хотя бы контролировали друг друга. И договаривались. Давай я подстрелю того, а ты вот эту и посмотрим, как они сольются в экстазе. Все было бы гораздо честнее. Не было бы этих чертовых треугольников.

– Я думаю, что купидонов гораздо больше. И бьют они кучно, чтобы мы все–таки встретились со своими половинками. А то представь, один заприметил меня здесь, а второй приглядел мне пару в устье реки Лимпопо. И куковать мне тогда в одиночестве, потому как в Африку я ни за что в жизни не поеду.

– Почему это?

– Там СПИД.

– Как ни крути, – подруга тяжело вздохнула, – не видать мне Никитку как своих ушей.

– С чего взяла?

– Ну ты же в Африку не поедешь.

Я стукнула Галку по лбу.

– Давай лучше думать, что купидонам некогда скучать, тогда они не будут развлекаться, соединяя несоединяемые пары?

– Давай, – согласилась Галина. – Но ты на всякий случай грудь–то оголи.

– А это еще зачем?

– Чтобы твой купидон не промазал. А то лежишь на боку, а вся подушка поди уже стрелами истыкана.

– Ага. Сейчас фломастером еще мишень нарисую...

Резкий звонок в дверь заставил открыть глаза. Утро.

Пусть хмурое, без солнца, но ... позднее. В семь утра не может быть так светло.

– Блин! Галка, проспала! – пробегая мимо часов, успела заметить, что почти десять.

Кутаясь в простыню, открыла дверь.

Светлана Сергеевна жала на кнопку звонка с остервенением. Видела, что я уже открыла, но все равно не отпускала.

– Что–то случилось? – осторожно спросила я.

– Ты... ты... – она все–таки сняла палец с кнопки, и наступившая тишина показалась божественной. – Ты заигрываешь с моим мужем! Зовешь его целоваться в туалет...

– Навет и оговор! – раздалось за моей спиной. Я сделала шаг в сторону. В коридоре, почесываясь и зевая, стояла совершенно голая Галка. Ее темные соски дерзко смотрели на опешившую хозяйку «Пилюли».

– Да! – кивнула я. Простыня съехала с моего плеча и оголила гораздо больше, чем я хотела бы показать своей начальнице. – Злые языки и старческий маразм!

Я прекрасно поняла, откуда дует ветер.

Что–что, а вновь попасть в Евклидово пространство, где мне плохо и тоскливо, я не хочу.

Глава 7. Ошибка Фенимора Купера

Любая страсть толкает на ошибки, но на самые глупые толкает любовь.

Франсуа де Ларошфуко

День прошел спокойно. Даже как-то уныло, чему способствовала не только хмурая погода, но и очередь из чихающих больных. Здоровые в аптеку сегодня не заглядывали. Даже за презервативами. И порадоваться хоть за какую-то удачницу не получилось.

Галка отправилась в поселок делать эскизы к новому проекту и просила не будить до лета, воинственная Светлана Сергеевна, надавав виртуальных оплеух притихшей Марь Степановне, укатила в Москву. Кирюсик же, шепнув мне на ухо «спасибо, бро», отбыл охмурять какую-то новенькую из аптеки на Боткинской, о чем тамошние старожилы тут же растрезвонили по сети через группу сопротивления под названием «Сукины дети». Понятно же, о какой суке идет речь?

Помыв после вчерашнего Галкиного обжорства посуду, выпив прямо из бутылки остатки шампанского, увы, уже выдохшегося и теплого, легла на кровать и, развязав халат, подставила грудь мифическому купидону.

– Ну, пальни! – попросила я шепотом. – Пусть хоть приснится то, что люди получают даром.

Купидон, наверное, показал фигу, потому как грудь только замерзла, превратив соски в камешки.

– Эх, ты! – поругала я крылатого засранца и повернулась на бок. Сложила ладони под щекой и уставилась в окно, где опять валил снег.

А хотелось в Африку, под солнышко. Или к какому-нибудь жгучему мачо под бок.

В доме стихло, за стеной перестал орать телевизор, шины все реже шуршали по шоссе, а сон не шел.

«Любарум!» – вспомнила я и, сунув ноги в тапочки, побежала на кухню.

– Раз, два, три, четы, пять! Сон – не сон приснись опять!

– Где ты ходишь, женщина?

У костра сидел мужчина. Красивые руки расслабленно покоились на его коленях, а на груди лежали две толстые, перевитые кожаными ремешками, косы. Прямой пробор иссиня–черных волос открывал высокий смуглый лоб. Опущенные длинными ресницами глаза, которые в женских романах называют не иначе как «бархатистые», смотрели на меня в упор.

Спасибо тебе, Господи!

Вот послал, так послал.

Чингачгук.

От волнения вспотели руки, и я вытерла их о замшу. Посмотрела вниз – на мне интересного покроя туника, по обеим сторонам лица прямые шелковистые волосы. Черные... как сама ночь, которую освещают лишь всполохи огня.

Пошевелила головой, волосы тугой волной соскользнули за спину.

Да я красотка!

– Время познакомиться с невестой, – возвестил между тем Чингачгук и поднялся.

– Я готова! – шагнула к нему навстречу, чувствуя, как кончики волос при ходьбе бьют по попе. Так непривычно. Так возбуждающе.

Чингачгук поднял руку, и я заморожено уставилась на его торс, где круто бугрились мышцы, а любимые всеми женщинами кубики устроили парад, зарисовавшись по обе стороны от рельефной тропинки, которая ближе к поясу кожаных штанов обрастала курчавой порослью...

– Куда ты смотришь, женщина?!

Окрик заставил поднять глаза.

Боже, какие губы!

– Твое дело восхвалять богов плодородия, чтобы они в первую же ночь послали мне сына!

О, это я с удовольствием! И песнь богам спою, и в первую же ночь постараюсь отдаться с душой.

«Молчи, дура! Молчи, что не девственница! Никаких вопросов!» – ущипнула я себя за руку. Интересно, а в этом сне тоже культ первой брачной ночи с непременно участии непорочной невесты или индейцы на это смотрят сквозь пальцы?

Заметив, что за пояс моего Чингачгука заткнут топор, сильно засомневалась.

Та самая рука, которую подняли почти целую минуту назад, распахнула «дверь» вигвама, приглашая невесту прилечь на мягкие шкуры. Свет от костра позволил рассмотреть их серебристый мех.

Навряд ли песец. Откуда ему тут взяться? Чай не в Сибири нахожусь.

Скорее всего, шкуры койота.

На душе было приятно от того, что знаю такие слова, как вигвам, койот, скво... Спасибо Фенимору Куперу.

– Песнь! – потребовал Чингачгук, и кто-то сунул мне в руки бубен.

Пока я примерялась, как стукнуть по этому символу шаманизма, какая-то девица нагло опередила меня и нырнула под смуглую рученьку моего жениха.

– Да что же это делается! – возмутилась я. – Даже здесь законного жениха какие-то скво увести пытаются!

И, недолго думая, откинула мешающийся бубен и схватила наглуую девку за подол ее замшевой юбки. Загремели бусы, что в изобилии украшали как ее, так и мою грудь.

Ответные действия не заставили ждать. Зараза развернулась и, зло блеснув глазами, вцепилась в мои волосы. Только ей это не помогло. Я мотнула головой, и чудесные черные волосы остались в ее руках.

Девушка закричала.

Я тоже. Поскольку поняла, что все это время носила на голове чей-то скальп.

Дальше было то, что называют скорым судом.

Мой Чингачгук опять в красивом жесте вытянул руку, и возмущенные голоса невесть откуда набежавших индейцев смолкли.

– За оскорбление моей невесты...

Я благодарно посмотрела на него. Защитник!

– ...грязнейшим из ругательств – словом «скво»...

Я напряглась. Не поняла, кто кого оскорбил?

– ... означаящим женский половой орган...

А как же Фенимор? Нет, это просто шутка какая-то, да, милый?

– ... привязать презренную бледнолицую к коню!

И только когда меня уложили на спину, связали ноги и свистнули, пугая коня, до меня дошло, что невестой вовсе была не я, а Фенимор сильно ошибался...

Будильник снова спас, и я открыла глаза.

Шесть часов.

Кстати, о девственности так и не вспомнили.

Немного полежав и повздыхав о постигшей меня несправедливости, я призадумалась: а откуда я узнала о втором значении слова «скво»? И на самом ли деле Фенимор был так неправ? Почему бы не проверить?

– Гугл мне в помощь, – я поскакала к дивану, на котором лежал ноут.

Пока разбиралась со шнурами (Галка зараза!), меня прямо стрельнуло: а не связаны ли интересные сны с о–о–очень интересным мужчиной в главной роли с капельками «Любарум»?

–Точно–точно–точно! – зашептала я, глядя в оживший монитор. – Ведь позавчера вместо «Любарума» я приняла полбутылки шампанского и что? А ничего! Ни симпатичного мужчины, ни гаремов–вигвамов, ни–че–го!

Постучав пальцем по губам, что свидетельствовало о сильнейшем мыслительном процессе (всегда так делаю), решила: надо бы поэкспериментировать. А результат эксперимента непременно записать!

Тут же создала таблицу, где в колонке «Любарум» отметила крестом те дни, когда пила снотворное, а в примечании, привязав к дате, кратко изложила сны. Задумалась, стоит ли описывать, как выглядели мужчины.

Блин...

Блин, блин, блин!

Как же я не заметила, что снился мне один и тот же мужик? Греческий профиль короля не сильно меняли бородка халифа и косы Чингачука. Одинаковые глаза, губы... что еще? Рост! Да и голос...

Я просто шляпа!

Набрав трясущимися руками в поисковике «скво как ругательство», застыла с открытым ртом.

Я что, вижу вещие сны?

Сидеть на месте я уже не могла. Ходила по комнате, погруженная в глубокие раздумья и если бы не мой телефон, настроенный будить меня в семь, неизвестно сколько еще сшибала бы углы.

А, кстати, если сон принес мне информацию о борьбе индейцев с расистским применением слова «скво», может и остальные повторяющиеся во сне знаки тоже из реального мира? У кого стоит тот самый будильник, что трезвонит в шесть утра? Кто просыпается вместе со мной?

Тут мне пришлось вновь сесть.

– Неужели король–халиф–Чингачгук существует на самом деле?

– Галка, привет!

– Чего тебе? – подруга явно была не в духе.

– Поговорить хотела, – тут бы мне извиниться и положить трубку, но не терпелось спросить. – Гал, ты веришь в вещи сны?

– Женя, отстань. Я спать легла в четыре, ничего не соображаю... – она протяжно зевнула.

– Московский проект?

– Ага.

На той стороне надолго замолчали. Уснула Галка...

Я прошла на кухню, взяла в руки пузырек со снотворным, долго рассматривала этикетку, пытаюсь найти не замеченные прежде цифры или буквы. Даже перевернула, надеясь на донышке обнаружить какой–нибудь кабалистический знак, и...

Вечером впопыхах я забыла завинтить крышку, и теперь, когда все содержимое бутылочки вылилось на мои тапочки, чувствовала себя полной дурой.

Сильно расстраиваться не стала, в аптеке есть еще три.

Ага.

Марь Степановна с утра пораньше умудрилась продать все до одной.

Глава 8. Как старая карга положила меня на лопатки

Не загадывай надолго, будь в надеждах осторожен:
Колесо судьбы коварно, поворот любой возможен.
Хусрави

– Мария Степановна, а по какой цене вы продали «Любарум»? – я старалась не сильно напирать, хотя наметанный глаз старушенции цепко искал признаки волнения на моем лице. Вернее, на том участке, что остался свободным от экспансии шапочки и маски. Я не подвела. Дала пищу для размышлений – побледнела.

– Какой «Любарум»? – Марь Степановна сузила глаза. – Не было там никакого «Любарума». В этом отсеке стоял только спирт.

– И вы продали все восемь бутылочек? – я не отступала, лихорадочно пытаюсь ее подловить. Ну не могла она не заметить, что этикетки разные!

– Я продала двенадцать. Пришлось сходить на склад, – вечная сменщица поставила передо мной небольшую картонную коробку, где тряхнули красными колпачками оставшиеся пузырьки.

– И кому понадобилось столько спирта? – надежда умирает последней. Вдруг Марь Степановна скажет, что приходил косметолог из соседнего салона красоты? Только Мадемуазель (она похожа на француженку и говорит с таким же прононсом) «закупалась» в больших количествах. И бежать к ней недалеко – до противоположного торца дома.

– А кто их знает...

Скрывает или действительно не знает? Вот ведь ведьма...

– Платили наличными или карточкой? – даже не знаю, что мне даст эта информация. Сильно надеюсь, что мой допрос натолкнет ведьму на воспоминания, ведь она так любит поговорить...

Увы, не сегодня и не со мной.

– Милочка, не слишком ли много вопросов? – бровки домиком, румянец азарта на лице. Можно подумать, я прижимаю к стене агента

МИ-6. Тот тоже играл бы до последнего. – Почему ты не спросишь, сколько я продала пакетиков почечного сбора или, скажем, аспирина?

Я открыла и закрыла рот. Благо маска не позволила «агенту» понять, что происходит с моим лицом.

– Мама просила привезти. Целебную настойку делает. Теперь придется идти в другую аптеку...

Прокатит?

Я притянула картонку со спиртом к себе.

– Какую настойку? – глаза моей собеседницы сощурились еще сильнее, а скрюченный палец вернул коробку на место.

– Дин–дилинь! – весело тренькнули колокольчики. Впервые за все то время, что их повесили, я была рада их дурацкому звону.

– Здравствуйте! – в один голос мы поприветствовали посетителя, отчего тот нервно сглотнул и сделал шаг назад.

Пока я изучала протянутый рецепт, Марь Степановна изучала меня. Наверняка подметила, как подрагивают мои пальцы.

Я действительно сильно расстроилась и не знала, как поступить. Бог с ними, со снами. Тут другое важнее: вместо спирта ушло снотворное. Осталось только молиться, чтобы купивший лекарство заметил подмену и вернулся в аптеку. Мало ли как подействует «Любарум», если выпить не пять капель, а больше? Боярышник, вон, в допустимых дозах тоже был безвреден.

– Алло, Люба! – я облокотилась о складской стеллаж и с тоской посмотрела на полки, забитые лекарствами. Все, что угодно, но никакого запаса «Любарума». Если бы я лично не хлебала из бутылочки, решила бы, что и он мне приснился. – Привет!

Любовь Спиридонова – помощник бухгалтера, моя ровесница, мать двоих детей. Только через нее я могла выйти на поставщиков снотворного или хотя бы разузнать о нем у других провизоров.

– А, Женька, привет! Почему шепотом? Что–нибудь случилось?

– Кха–кха! Горло заложило, дышать трудно, – для пущей достоверности я шмыгнула носом. – Любаша, посмотри, пожалуйста, в какие еще аптеки поставляли «Любарум». У нас уже кончился.

– Так, сейчас, – было слышно, как она щелкает мышью. – Как говоришь? «Любарум»? Жень, ты ничего не путаешь? У нас нет такого препарата.

– Ну как? Где–то с неделю назад я видела его собственными глазами. Это снотворное. Сегодня три из пяти бутылочек продала Мария Степановна...

– Не продавала я никакой «Любарум»!

Я чуть не выронила мобильник из рук. Ветеран труда распахнула настежь двери и поперла на меня грудью. Старушка старушкой, но я спасовала.

– Нечего примазывать меня к своим махинациям!

– Какие махинации, Мария Степановна? Стала бы я расспрашивать, если бы не была уверена, что видела снотворное на полке со спиртом?

– А кто вас, развратниц, знает?

– Люб, я потом перезвоню. Мне здесь кое с кем разобраться надо, – я сверлила взглядом ведьму в белом халате.

Убедившись, что экран мобильного погас, я положила его в карман. Сняла шапочку, сдвинула маску на шею, сдула упавшую на нос прядь – от злости на курицу, которая нафантазировала черт знает что, меня бросило в жар.

Марь Степановна поняла мои действия по–другому.

– Спасите! – взвизгнула она. – Мафия жизни лишает!

Я только открыла рот, чтобы успокоить милую старушку, как в наш маленький склад ворвался Кирюсик. Я не подозревала, что он герой. Настоящий Джеймс Бонд: стильные черные очки на пол–лица, в руках убойное оружие. Я даже как–то Кирюсика зауважала, увидев деревянный костыль, который он занес над своей головой, готовясь глушить аптечную мафию.

– Она седативными средствами торгует! – Марь Степановна, в мгновение ока оказавшись за спиной спасителя, тыкала в меня скрученным артрозом пальцем. – Нелегальными! А теперь все на меня свалить хочет! Звони Светлане Сергеевне, возьмем Ключеву с поличным!

Кирилл Петрович, дважды моргнув, костыль перехватил как ружье, и теперь тот, составив пару с указательным пальцем Марь Степановны, тыкался в мою грудь. Кирюсик, поняв, что резиновый набалдашник упирается в выпуклость третьего размера, нахмурился и быстро сдвинул костыль в сторону. Как раз туда, где под халатом

топорщилась соседняя возвышенность. Поймав мой насмешливый взгляд, спохватился, и вовсе опустил свое орудие.

– Я все объясню, – сказала я и развернуто (но не до такой степени, чтобы открыть суть сновидений) выложила всю накопленную информацию о чудо–лекарстве.

– Не верьте ей! – вставила свое Марь Степановна, поняв, что в моем рассказе поставлена точка. – Звоните Светлане Сергеевне, пусть сама решит, что делать с Ключевой: уволить или сдать в полицию!

– Ну, во–первых, пока моя жена лежит в клинике пластической хирургии, беспокоить ее ни в коем случае не буду – мне жизнь дороже. И вам не советую, – это уже относилось к самой неугомонной старушенции, пышущей праведным гневом. – А во–вторых, сейчас я здесь самый главный, а потому мне и принимать решение.

Мы обе затихли. Я даже услышала далекий бой африканских барабанов.

Кирюсик сдвинул черные очки на лоб и... испортил кульминационный момент. Джеймс Бонд растворился в полумраке склада. Передо мной стоял довольно потрепанный мужчина с огромным фингалом под левым глазом. Надо бы поинтересоваться у «Сукиных детей», не новенькая ли из Боткинской аптеки дала отпор любвеобильному «магнату».

– Мария Степановна, – не оборачиваясь к старушке, позвал Кирюсик, – не могли бы вы подежурить несколько дней без Евгении Ключевой? За двойную оплату?

– Да–да, конечно! – бодро откликнулась преисполненная важности сменщица. По ее змеиной улыбке я сразу поняла, что она меня уделала. Вполне может сдаться, что, вволю наплясавшись на моих костях, она задержится на временной подработке и таким образом соберет довольно–таки приличную сумму для достойной встречи Нового года.

Э–эх, сказала бы мне, я бы сама по–дружески купила ей баночку красной икры.

– А вы, Ключева...

Боже, как официально!

– ... отстраняетесь от работы до выяснения обстоятельств. Сдайте, пожалуйста, ключи.

Вот так я осталась и без работы, и без «Любарума». Когда я вышла в торговый зал, положив у кассы ключи от личного шкафчика, склада и входной двери, Марь Степановна хлопотала над лицом Кирюсика, намазывая синяк бодягой, охая и ахая, и почему свет ругая дворников, не посыпавших реагентом заледенелый тротуар.

Я не стала ее переубеждать. Мало ли как сложится расследование? Зачем сжигать мосты и рассказывать ей, каким образом Кирюсик получил боевое ранение. Катюха, та самая, из новеньких, оказалась мастером спорта по боксу. Надо бы взять у нее пару уроков.

А пока – в глушь, в Саратов!

Галка, прими меня в свои объятия! Хочу поплакаться на твоей груди.

Ну и родителей повидать надо бы.

Собрав вещи и вызвав такси, я отправилась в поселок. «Тихие воды» – замечательное место.

Мимо пролетали согнутые под снегом деревья, в стекло бились жесткие снежинки, а я вытирала набегающую слезу.

Ну почему же мне так не везет?

Прощай король! Прощай халиф! И ты, Чингачгук, прощай! Не свидеться нам больше!

А на горизонте ни одного принца. В поселке только стар да млад. Местному ловеласу, самому старшему из подрастающего поколения, всего–то семнадцать.

Я еще не до такой степени одичала, чтобы бросаться на детей.

Как ни странно, за последнее время мне только один нормальный (ну ладно, условно нормальный) мужик и встретился, и тот во сне.

Жалкая я. Невезучая. Стоило только разобраться, что мои сны вещи, как тут же потеряла ключи в рай...

– Женька! Какими судьбами?! – Галина наспех вытирала руки о рабочий фартук. Я едва успела бросить рюкзак на пол, как она прыгнула ко мне на шею. Маленькая, а такая тяжелая.

– У меня незапланированный отпуск, – я не стала с порога вываливать накопившееся. Всему свой черед. Как издревле поступают в деревне? Сначала накормят–напоят, а потом уже и в печь сажают. – У тебя есть чего пожевать? С утра маковой росинки во рту не было.

В мастерской у Галки тепло – в углу стоит печь, где она свои изделия обжигает. Ей гончарное дело от деда досталось. Старик сначала хотел умения сыну передать, потом Галкиному старшему брату, но те оказались бесталанными и выбрали иную стезю – служение Родине, где приносили гораздо больше пользы. На радость отчаявшегося деда недюжинный интерес проявила внучка. И помощницей оказалась такой отменной, что старик годочков через пять отошел в иной мир с улыбкой на устах: нам всегда хочется, чтобы то дело, в которое мы вложили душу, после нас не зачахло.

Короче, Галка подхватила знамя из рук павшего бойца, и громкое имя Романовых по-прежнему звучало то на выставках, то в кругу ценителей керамики.

– У меня только кефир, – она обернулась на литровый пакет, низ которого был залапан грязными руками: пила не отходя от гончарного круга. – А вечером я собиралась к твоим родителям на бешбармак.

Я чуть не подавилась слюной.

– Ты сразу ко мне заскочила? – Галка была смущена, что не может нормально встретить дорогую гостью. Но я ее понимала. Когда тебя охватывает азарт созидания, о еде и времени начисто забывается. Не сказать, что я человек искусства – лишь однажды увлеклась вышивкой крестом и прекрасно помнила, как до утра не могла оторваться от салфетки, растянутой на пальцах. Потом в школе спала на парте. И на кой черт мне сдалась эта тряпка?

Крестики–мережки – все осталось в прошлом.

– Можно я у тебя поживу? Я и в магазин слетать могу, и кормить тебя по часам...

– Выкладывай, что произошло? – Галка развязала тесемки фартука. Подруга дороже искусства. Приятно.

– Я влюбилась...

Через час, когда было рассказано все то, что другие посчитали бы бредом сумасшедшего, Галка крепко меня обняла.

– Мы найдем этого гада, и заставим тебя полюбить. Обещаю.

– Алло, Галчонок! Ты не забыла, все три встречи происходили во сне?

– А скво? А будильник в шесть ноль–ноль? Нет, король–халиф–вождь краснокожих точно существует, нужно лишь знать, где он ходит. Там и разложим силки.

– Ну, ты, мать, сильна! – даже я опешила. – Думала, смеяться будешь, а ты... Или все-таки смеешься?

– Женька, ты об одном забыла: мужчина, купивший первую бутылку «Любарума», реально существует. А кто, как не он, мог являться к тебе во сне?

– Скорее всего, я являлась к нему...

– Это неважно! Смотри: ты три ночи подряд пила снотворное...

– Нет, был перерыв. Это когда мы с тобой купались в пене и пили шампанское...

– Не перебивай. Что я хочу сказать? Он тоже пьет снотворное. Каждую ночь. А значит?

– У него бессонница?

– Балда. Ему нравится видеть сны, в которых он то король, то халиф и... – Галка смотрела в ожидании, что до меня, наконец, дойдет, на что она намекает.

– Блин! Сколько интересного я пропущу! – я грызла ноготь большого пальца.

– Все. Не могу, – сдалась Галина. – Тебе надо поесть. Видимо голод притупляет мыслительные процессы. Пошли к твоим родителям. Я покачала головой.

– Нет. Пока не скажешь, что придумала, с места не сдвинусь.

– Какая же ты глупая! «Любарум» у него рано или поздно закончится. И вождь краснокожих придет за новой порцией. В твою аптеку.

– Но «Любарума» нигде нет! Я же говорила, что обзвонила все аптеки города – о таком снотворном никто не слышал.

– Вот именно. Поэтому он придет туда, где купил его. Тот, кто произнесет волшебную фразу: «Дайте мне бутылочку “Любарума”», и есть твой таинственный незнакомец! Тебе остается лишь рассчитать, когда это событие случится и дежурить в аптеке день и ночь. И пожалуйста, не тупи! – Галка видела, что я уже открыла рот, чтобы спросить, как определить приблизительную дату.

Пришлось его захлопнуть.

– Высчитываешь, сколько всего капель в бутылке, – делилась знаниями подруга, – делишь на пять, и ву а ля, ты знаешь точное количество ночей.

– Так–так–так! – я достала телефон и прочитала вслух найденный в гугле ответ: – «Фармацевтической мерой капли принято считать 0,05 мл, таким образом, 20 капель есть 1 мл».

– Сколько миллилитров было в твоей бутылочке? – Галка достала калькулятор.

– Сто... – мой голос упал. Шляпа я.

– Мда... – Галина обескураженно смотрела на полученную цифру. – «Любарум» кончится у него через год.

Я повесила нос.

– Не грусти, подруга! Все будет хорошо! – Галка хлопнула меня по плечу. – Как говорил Пастер «Фортуна улыбается только тем, кто к этому готов». А мы ведь готовы? Так, слезы вытерли, улыбнулись и вперед! Нас ждет бешбармак. Родители хоть знают, что ты приехала?

Глава 9. История Ильи Самоделкина и Сашеньки Винт

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.
У. Шекспир

Рядом с родителями мы всегда остаемся детьми. Несмысленными, требующими наставлений, заставляющими переживать и не спать ночами. Как только переступаю порог отчего дома, такой становлюсь и я – казалось бы, взрослая, самостоятельная женщина.

– Ой, Женька приехала! – мама всплеснула руками, коротко обняла и стащила с плеча рюкзак, в который я набрала в местном сельпо всяких подарков. Магазины в городе едва ли порадовали бы лучшим ассортиментом. – А говорила, до следующей недели выбраться не сможешь?

– Я... э-э-э...

– Мать, ты чего дитя у порога держишь? – папа, как всегда, пришел на помощь. Он появился из кухни с огромной скалкой в руках, обнял так крепко, что я пискнула, и наверняка оставил на одежде мучные следы. В приготовлении бешбармака он главный. Маме доверяли лишь вилку, которой она с регулярностью немецкого автомата тыкала мясо, проверяя его на готовность. А могла бы и не тыкать. Тут папа хитрил – иначе маму на кухне не удержать, и катать тогда тесто в одиночестве. А так и поговорить можно, и посмеяться, и жена при деле. Этот секрет знала только я, а мама была уверена, что без ее участия мясо наверняка останется жестким.

Выполняя ответственное задание, стоя у кастрюли, исходящей паром, мама покраснелась, отчего стала еще больше похожа на русскую красавицу. Таковую белотелую, с щеками яблочками, с собранной на затылке косой и с яркими аметистами в ушах. Утратив городской лоск, извечную синеву под глазами от тяжелого бухгалтерского труда, заодно избавилась она и от тех болезней, что дарила людям цивилизация. Отец, пребывающий в вечных

командировках, не без боли замечал, как сильно и в не лучшую сторону менялась его Лада – так он ласково называл маму. Задерганная работой, торопливым ритмом города, видящая природу только по телевизору или во время недолгой поездки к морю, она с годами становилась такой же серой и унылой, как и бетонные здания вокруг нее. А ведь его Лада слыла первой красавицей финансового института! Поняв однажды, что город когда-нибудь отнимет у него любимую, глава семьи Ключевых принял кардинальное решение – купил дом в Тихих водах. Тому способствовала моя Галка, не раз расписывая красоты природы и простоту деревенского быта. Хоть Тихие воды и носили со времен Союза статус поселка, навсегда остались деревней. «Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет».

– Помочь? – я сунулась на кухню, но тут же скалка уперлась мне в грудь. И что за манеру взяли мужики?

– Бешбармак – чисто мужское блюдо, иначе не получится, – предостерег меня папа, стоящий среди веревок, на которых сушились простыни из теста. Сейчас он соберет их и нарежет на крупные квадраты. Кастрюля, готовая принять первую порцию своеобразной лапши, уже булькала подсоленным бульоном.

– А хотя бы луковицу почистить?

– Иди лучше на стол накрывай! На шесть – семь персон. У нас будут гости.

– Кто?

– Соседи.

Невнятный ответ отправил меня в горницу, где почти всю комнату занимал овальный стол. Папина мечта собирать за ним большую семью, размноженную моими стараниями, никак не осуществлялась. Нет принца, откуда же взяться инфантам? Признаю, моя вина. Места, отведенные для будущего мужа и выводка детишек, занимали то соседи, то папины сослуживцы, то мамыны городские подруги. Гостеприимный дом встречал вкусными пирогами, разогретой банькой, а в зимнее время и прорубью в реке, что текла, можно сказать, через задний двор.

– В горнице моей светло–о–о–о... – запела я, заставив Галку, сидящую на диване, поморщиться. Она лениво листала толстый журнал, который принесла с собой.

Вдвоем мы застелили стол льняной скатертью, расставили глиняные тарелки – подарок Галчонка на родительское новоселье, вытащили из серванта рюмки и стаканы, сгоняли в погреб за соленой капустой, мочеными яблоками и хрустящими огурчиками – вот такое дополнение к «иноземному», читай казахскому, блюду.

Управившись, уселись терпеливо ждать, когда нас покормят.

– Что за журнал? – спросила я, видя, как Галка пристраивает его на столе рядом со своим прибором.

– Москвичи привезли. Там статья об их ресторане.

– Это который ты оформляла?

Галка, скромно потупив глазки, кивнула.

– Да ладно? И молчишь?

– Вот сядут все за стол, и наступит на моей улице праздник.

А я–то думала, с чего это Галка в скромницы подалась? А она, оказывается, фейерверка хочет и всеобщего внимания. Принимать охи–ахи дозировано – это не в ее характере.

На крыльце послышался топот: кто–то стряхивал с обуви снег. Это в городе тепло и сыро, здесь его навалило по колено.

– Дядь Петь, Самоделкины пришли! – Галка прилипла щекой к оконному стеклу – только так из горницы можно было увидеть, кто пожаловал в гости.

– Если в руках есть бутылъ водки, запускай! – откликнулись из кухни.

– А если нет?

– Предупреди, что будем пить компот.

– Никакого компота! – отозвались с порога. – Что мы, дети малые?

В коридоре сразу стало тесно. Если не брать в расчет, что среди Самоделкиных была женщина, то можно сказать, к нам пожаловали три богатыря. До того все трое были рослыми и крепкими.

Мама и папа, выскочившие из кухни поприветствовать соседей, люди, в принципе, тоже не мелкие, на их фоне просто потерялись. Галка так и близко не подошла, боясь быть раздавленной. Она поздоровалась издалека.

Самый младший из семьи Самоделкиных, Илюша – тот самый малолетний красавец, на которого мне, с высоты моих двадцати пяти, заглядываться негоже, смущенно мял вязаную шапочку и прошел в комнату только после того, как получил тычка от своего папани.

Мы с Галкой переглянулись. Наверняка опять провинился.

Илья с завидной регулярностью влипал в любовные истории. Если на свете существуют купидоны, то к нему явно был приставлен такой же шалопай, который натягивал тетиву, стоило на горизонте появиться какой-нибудь девчонке. Начиная лет так с четырнадцати, когда проснувшееся либидо захватило власть над неокрепшим умом и развитым не по годам телом, Илюша умудрился перецеловать всех поселковых девчат. Поговаривают, что не раз был застигнут со спущенными штанами, потому как в момент любовного влечения начисто терял бдительность. Новости о похождениях «нашего ловеласа» обсуждались в школе, поселковом совете и на лавочке у сельпо чаще, чем известия о причудах Трампа и росте цен на бензин.

– Что на этот раз? – тихо спросила я.

Галка пожалала плечами.

– У меня новый проект. В сельпо некогда было забежать.

Ужин начался чинно–благородно.

Илья, как задумчивый Печорин, крутил вилку в руках. Отец его, дядя Коля, время от времени бросал на отпрыска тревожные взгляды, поджимал губы, но встретившись с умоляющими глазами жены, досадливо вздыхал и продолжал обсуждать с моими папой перспективы развития поселка в наступающем году.

Новый мост через речку Тихую...

Общее овощехранилище, чтобы в сезон не сдавать приусадебный урожай за бесценок...

Собственный медпункт, без которого приходилось надеяться на фельдшера из соседней деревни...

Галка то брала в руки журнал, то опять подкладывала под локоть, не решаясь прерывать перегляды, вздохи и разговоры. Минуты бурной славы никак не вписывалась в истинно аристократический ужин времен королевы Виктории.

Но подруги на то и подруги, чтобы поддержать в нужный момент.

– Гала, а что у тебя за журнал такой? – спросила я и пихнула сидящую рядом маму.

– Да, деточка? – отвлеклась мама от наматывания куска теста на вилку. – Ой, и вправду!

– Да так, – Гала отвела глаза в сторону. За окном ветер пригоршнями кидал снег в стекло. – Москвичи журнал принесли, где

хвалят их ресторан.

– Это не тот ли, где интерьер украшают твои керамические поделки? Дай посмотрю!

Гала с готовностью открыла нужную страницу и сунула журнал мне в руки.

– Красота–а–а, – нисколько не покривив душой, произнесла я, поскольку «Купеческий двор» – так назывался ресторан, на самом деле поражал воображение. Тут тебе и печи в изразцах, и расписные колонны, и отливающие лакированной поверхностью узоры на стенах. – И все это ты?

– Ну, вот та плитка, – Гала ткнула куда–то вниз, – привезена из Италии, а все остальное – мое!

– Ну–ка, ну–ка! – папа вытер руки о полотенце. – Дайте глянуть, чем наш Галчонок занимался всю весну и все лето, для кого я глину тележками возил?

Сидящая рядом с папой тетя Лиза тоже наклонилась над журналом. Мы с Галиной, ожидая очередной порции похвалы, разулыбались и никак не ожидали, что она вдруг схватится за сердце и посереет лицом.

– Так это же она!

– Кто она? – в один голос произнесли мы с Галкой.

– Александра Винт!

Дядя Коля, вырвав из рук папы журнал, вперился взглядом в фотографию, на которую я сама едва взглянула. Какая–то счастливая семья сидела за столом, держа в руках по кубку: седовласый мужчина и две блондинки. По тому, как одна из них прижималась плечом к крепышу, было понятно, что они муж и жена, а вот вторая блондинка, хоть и была похожа на первую, по возрасту никак не годилась той в дочери. Скорее всего, сестры.

Вспомнив Светлану Сергеевну, я немного засомневалась. Вдруг и здесь пластика. Или фотошоп, который делает маму взрослой дочери ее ровесницей.

– Кто такие?

Зачем гадать, если можно спросить у Галки?

Та была расстроена.

– Мои москвичи.

– Винты? Что за странная фамилия.

– Да нет. Это Алексей Замков и его супруга Нинель. Сашка – ее сестра. Взбалмошная особа.

Вечер был безнадежно испорчен. Сначала ушел Илья. Цепляясь за его рукав, вылетела на улицу тетя Лиза. Одним махом выпив полную рюмку водки, отчалил и дядя Коля.

– Да что случилось–то?

Папа закрыл журнал.

– Мама расскажет. Она в ту ночь Лизу валерьянкой отпаивала. А я пойду чайник поставлю. Пить хочется.

Мы перебрались на диван и, раскрыв рот, слушали поистине шекспировскую историю, забыв о том, что неплохо было бы убрать со стола и перемыть посуду. Папа не стал отвлекать, сделал все сам и теперь сидел напротив нас и время от времени поддакивал, отхлебывая душистого чая.

Илюшка и Александра познакомились еще летом. Шестнадцатилетняя школьница из Москвы приехала в поселок вместе со своей сестрой и ее мужем, который заказал у нашей Галины керамические поделки для своего ресторана. Видимо, сидеть в мастерской Саше показалось скучным, и она отправилась прогуляться к реке.

Аполлон, представший перед ней в полной красе, показался ей столь неотразимым, что через полчаса они уже целовались.

– А это откуда известно? – засомневалась я.

– У нашего сельпо в тот же вечер обсуждали, как она в одних трусах в реке купалась.

Я представила, как это было: «Бесстыжая! На шее у него висела, титьками к голому телу прижимаясь. А он и рад!».

– А, может, у них любовь? – встала на защиту москвички Галка. – С первого взгляда?

– Может и любовь, – повторил за Галкой папа, думая о своем. Мама, поймав его взгляд, отчего–то покраснела.

– Переписывались они или перезванивались, то неизвестно, – мама поправила шпильку, удерживающую косу на затылке, – но дней пять назад в нашем поселке объявился незнакомый мужчина, который прямоком направился к Самоделкиным. «Где, – спрашивает, – ваш сын?» А Лиза ответить не может, потому как Илюшка дома не ночевал. Сказал, что у одноклассника реферат писать будет. Пошли всей

гурьбой к Трофимовым, а Илья там и не появлялся. А на городском этом лица нет. Тряхнули Серегу, как следует, тот и выложил, что Илья в охотничьей сторожке живет. И не один. Трофимов туда еду носил. В общем, пока дошли до сторожки, пол-деревни собралось.

– А там наш ловелас и Александра Винт? – Галка, предчувствуя, каким будет ответ, приложила ладонь к губам.

– Угу, – качнул головой папа. – Голые, на медвежьей шкуре. Печь растопили, чтобы задницы не померзли.

– Блин! – мне стало обидно за юных любовников. Ладно, Илюшке привычно задом светить, а каково молоденькой девчонке? А тут поселок в полном сборе.

– Вот и мужчина тот зубами скрипел. Дал ей две минуты на сборы, – мама вздохнула, перевела взгляд на окно, за которым уже стемнело. – Илюшке, когда тот грудью на него полез, вмазал, усадил рыдающую Александру в свою машину и укатил.

– Далеко не укатил, – папа подлил себе чая. – Я как раз у сельсовета был, видел, как приехала другая машина. Красная. Нинель из нее выскочила, по щекам девчонке надавала и увезла. А тот, что ее нашел, в город звонил, гостиницу спрашивал. Ему, видать, отоспаться хотелось. Заметно было, что устал мужик, пока вертихвостку искал.

– Мужик, мужик, – мама махнула на папу рукой. – Вполне себе молодой и интересный мужчина. Павел Алексеевич Замков. Он Самоделкиным визитку сунул. Лиза говорит, ей звонить ему страшно. Вдруг требовать чего начнет? Полицию чуть ли не каждый день ждут. Девчонка–то из дома сбежала...

– Павел Замков? Сын Алексея Замкова? – Галина взяла журнал и, перелистнув несколько страниц, ткнула пальцем в фотографию, где, облокотившись о печь, стоял высокий мужчина. Я как–то не обратила на него внимания, думала манекенщик какой. Из тех, что больше для интерьера – часами блеснуть или дорогим костюмом. Я все больше Галкиными изразцами и плашками любовалась, испытывая некую сопричастность к ее делу. Не зря же регулярно навещала и подкармливала?

Теперь же, зная, что и в таких семействах не все спокойно, я с особой тщательностью рассмотрела всех участников любовной истории: и Нинель, и Александру, и ...

– Не может быть...

– Что, что такое? – всполошились родители, но я подняла глаза на Галку.

– Его я видела во сне.

– Уф, дурочка, напугала, – мама осуждающе покачала головой. Поднявшись с дивана и прихватив с собой чайник, она отправилась на кухню. Папа, собрав со стола чашки, поспешил за ней. Где ниточка, там и иголочка.

А я сидела и пялилась на фотографию мужчины, который как две капли воды был похож на моего короля, халифа и Чингачгука.

Глава 10. На всякую старуху найдется своя проруха

Если бы ключ от вашего сердца был у меня в кармане,
в кармане души моего сердца,
я бы каждую минуту открывал бы его и смотрел бы... Смотрел...
«За двумя зайцами»

– Что, на самом деле он? – Галка участливо заглянула в мои несчастные глаза.

Я кивнула тяжелой головой. Вот что скажете делать? Ладно бы мужчина из снов, который при любом раскладе недосягаем. С этим обстоятельством хотя бы смириться можно, потому как в сновидениях правят бал наши потаенные желания и комплексы. А тут выясняется, что «гнобитель» блондинок и «презиратель» утративших девственность существует на самом деле, и если уж он и во сне тебе не рад, то надеяться на благоприятный исход в реале и вовсе не стоит.

– А, может, ты просто видела его в каком-нибудь журнале? Он личность популярная, вот и засел его образ в мозг. Я однажды во сне сексом с самим Депардье занималась...

– Ну и как? – вяло поинтересовалась я. Мне во сне секс вообще не светил. Что толку от того, что мой герой был тот еще жеребец?

– Как в жизни противный, так и во сне такой же. Видать это мои тараканы серенаду спели, что лучшего, чем старик Депардье, я не достойна.

– Достойна, Галка. Ты даже Бреда Пита достойна.

– Плохой пример. Пит тоже старый. Да и Джоли на хвосте не очень радуется. Такая одним взглядом дырку в голове сделает. Мне бы без закидонов кого-нибудь, – Галина вздохнула. – Например, Никиту.

– А я этого хочу.

Мы опять склонились над фотографией моего короля. Я погладила пальцем его лицо.

– Может, во снах все-таки не Замков? Я не представляю, как ты к нему подкатишь... – подруга расстроилась не меньше меня. Где я, а где

король ресторанов? Ну ладно, не король, принц. Трудно представить такую сцену:

«Здравствуйте! Я та самая блондинка, которая вам во сне является, и вы меня почему-то не хотите, хотя я так стараюсь», – я стою в его ресторане, посреди всего этого великолепия, созданного Галкиными руками, а он хмурит брови, как тот самый халиф.

«Я вас и сейчас не хочу».

Конец истории.

Гала отобрала у меня журнал и сунула в сумку.

– Я бы могла посомневаться, но как все совпало! – не знаю, кого больше я хотела убедить: себя или подругу. – Ночной посетитель приходил в нашу аптеку именно тогда, когда в вашем поселке кипели шекспировские страсти. Помнишь, папа сказал, что Замков выглядел уставшим и хотел выспаться в гостинице?

– Ох, Женька–Женька! Вечно у тебя какие-нибудь заморочки в любви. Ну хочешь, мы съездим с тобой в «Барскую усадьбу»? Правда, не очень уверена, что мы там твоего суженого–ряженого застанем. Я понимаю, дело семейное, но не работает же сын владельца за стойкой бара? А сидеть за столиком до опупения, в надежде, что он появится, тоже не выход...

– Ну да, мы же не какие-нибудь там фанатки оголтелые, чтобы в подъезде у кумира ночевать. Только оттолкнем неприкрытой назойливостью. Да и кто знает, может он женат, а тут мы со своим самоваром? Такие, как правило, упакованы на все сто процентов.

Галка запустила руку в волосы и стала еще больше похожа на растрепанную пичугу.

– Справки навести нужно, фотки посмотреть. Поисковик выдаст любую информацию, да и по сусекам при случае поскребем, я же с его отцом частенько встречаюсь. Один вопросик невзначай, другой между делом – вот и полный расклад готов: что любит, чем увлекается. Не вешай нос, подруга! Прорвемся!

– Главное, чтобы женатым не оказался. Тут я пас.

– Да. Мы не из тех, кто подкладывает яйца в чужое гнездо...

Распрощавшись с родителями и опустошив половину холодильника, мы едва добрались до Галкиной мастерской. Снега уже навалило по колена, а он сыпал и сыпал, заматывая все пути–дорожки.

В дом мы ввалились вконец измотанные и с оттянутыми от тяжести руками.

– На фига было столько набирать? – Галка, скинув валенки, потащила сумки на кухню.

– Завтра спасибо скажешь, – я с осторожностью снимала рюкзак, в котором позвякивали банки с соленьями. – За ночь снега выше крыши навалит, а мы сытые и довольные, как мышки в норке. На таких припасах неделю продержимся, пока оттепель не настанет или кто из поселковых нас не откопает.

Как в воду глядела.

С вечера любопытство было побеждено усталостью, а утром интернет оказался недоступен. Антенна напрочь отсутствовала, а с ней и возможность что-либо разузнать о Павле Алексеевиче Замкове.

Блин. Мне каждая буква в его имени нравилась.

Без возможности выйти не только в интернет-пространство, но и просто на улицу (в снег можно было нырять прямо из чердачного окна), я в своих размышлениях дошла до того, что разглядела призрачную нить, связывающую наши судьбы. До чего только не додумается мозг скучающей женщины. Ну, да. Вот она эта связь. Ба-бам! Он Замков, я Ключева. Теоретически мы должны были подходить друг другу, как ключик с замочком. А вот на практике я буксовала... Вдруг ключ не тот? Или замок слишком велик?

– Ты сейчас сделаешь дырку в журнале. Сколько можно фотографию наглаживать? – Галка тонкой кисточкой разукрашивала эскиз пивной кружки.

– Мне так спокойнее, – меланхолично ответила я. – И руки при деле.

Я с утра, как позавтракали, перебралась на тахту, что примостилась у большого окна рядом с Галкиным рабочим столом.

– Ты бы лучше глину помогла вымесить. Образцы нужно до конца недели сделать.

Я только фыркнула и положила голову на журнал. Я в тоске.

– Не снился?

– Нет. И это убивает. «Любарум» познакомил нас, он же и разлучил навсегда.

– Но кто-то же подсунул вам эти бутылочки?

– Да, знать бы какая фармацевтическая компания, я бы уже ее пороги обивала. Иногда такое случается – присылают рекламные образцы для ознакомления, но здесь даже аннотацию не приложили. И я, дура, все инструкции нарушила. Нет, чтобы отложить незнакомое лекарство до выяснений, тут же продала его. И ладно бы бухгалтерия всполошилась, что касса не сходится! Так нет, все молчат, словно им глаза кто-то отводит. Что это? Затмение? Рак мозга масштаба сети аптек «Пилюля»?

– Бери шире. Уже и наш поселок рикошетом задело.

– Безумие заразно. И еще я на полном серьезе гадаю, как подкатить к человеку, который наверняка ни сном, ни духом, – я постучалась лбом о журнал.

– Согласна, – Галка отложила кисточку. – Нас нужно поместить в палату с мягкими стенами, а мы строим планы, как привлечь внимание одного из самых завидных женихов Москвы...

– Если только он не чей-то завидный муж...

– ...и не факт, что ты ему приглянешься.

– Не факт. Я и во сне ему не приглянулась. Черт, ну почему «Любарум» так не вовремя исчез! Я бы такое натворила! Не хочет? Ага, не на ту напал! – уж мечтать, так мечтать. Я села по-турецки и закрыла глаза. – Я бы приручила своего ночного принца, влюбила в себя, заставила страдать, а потом, когда он не смог бы прожить без меня и дня, подсказала, где меня, настоящую, найти. Стояла бы на своем балконе, вся такая загадочная, и смотрела, как он бежит по улице, ищет глазами мои окна, а встретившись взглядом, застывает, поняв, что сон – это вовсе не сон, а игры скучающих купидонов, которые решили таким хитроумным способом свести ключик с замочком. И вот он стоит под моим балконом и от счастья кричит...

– Рапунцель, скинь свои волосы!

– Сволочь ты, Галка. Весь кайф обломала, – я кинула в подругу подушкой. Она замахнулась в ответ, но тут зазвонил мой сотовый.

– Это с работы! – крикнула я, узнав рингтон, предупреждающий о звонке Светланы или Кирюсика. Сердце стучало словно бешенное.

– Да? Здравствуйте, Кирилл Петрович.

Галка сделала большие глаза и села рядом со мной. Я сделала связь громкой.

– Киса моя, ты где бродишь? – начало было довольно бодрое. Обычно людей увольняют не такими словами.

– Так вы сами сказали...

– Мало ли что я сказал. Возвращайся. Работать некому.

– А Марь Степановна?

Галка толкнула меня под руку, и я чуть не выронила телефон.

– Вчера днем скорую вызывали, говорят, в ближайшее время работать не сможет. Радикулит. Уложила кошка нашу старушку на обе лопатки.

– Какая кошка? Откуда в аптеке кошка?

– Вот и я не понял. Говорят, она веником в нее тыкала.

– Кошка?!

– Ай, не знаю! Короче, Ключева, жду тебя на работе. Мне самому за прилавком стоять нельзя, вредно для здоровья. Да и по статусу не положено...

– Ага, я сейчас, – я кинулась за рюкзаком и только тогда спохватилась, что сижу в замерзшем поселке, а не в своей уютной квартирке. – Ой, Кирилл Петрович, а приехать я не смогу. Я далеко. Меня тут снегом занесло, и вообще, автобусы по такой погоде не ходят.

Плакать хотелось. Такой шанс упускаю. Сейчас он найдет мне замену, и прощай работа.

– Ключева, выгляни в окно. Я за тобой машину прислал.

– Куда прислали? – опешила я, надевая рюкзак на плечо.

– На кудыкину гору. Мне твои добрые соседки адрес дали и о суровых погодных условиях рассказали.

– Какие соседки?

– Ну те самые старушки с ридикюлями и в шапочках с вуальками.

Я потеряла лоб. Совсем забыла, что встретила двух сестер, когда уезжала в поселок. Перекинулись парой фраз, они пообещали присмотреть за квартирой.

– Ну что, убедилась? – вернул меня на землю Кирилл Петрович. – Бугай приехал?

Мы с Галкой прилипли к окну. Там Бурай Алиевич, сорокалетний экспедитор сети аптек «Пиллюля», былинный богатырь полу–турецкого происхождения, обладатель недюжинного здоровья и косой сажени в плечах, за что и был награжден кличкой Бугай, на пару с Самоделкиным–младшим работал как бульдозер, расчищая огромной

лопатой тропинку к нашему коттеджу. У забора стоял внедорожник Кирюсика. Такой не только по снегу пройдет, но и ледоколом на Северном полюсе смело может подработать.

– Ну все, Галчонок, я поехала!

Убедившись, что Бугай уже завел машину, я обняла подругу.

– Недолго твоя ссылка длилась, – вздохнула Галка, запихивая в пакет кое-что из домашних припасов. – Я думала, мы с тобой в Москву сгоняем, навестим заказчика. Вдруг и твой там будет...

– Да, жаль, что не получилось, – кивнула я, хотя в душе была рада. Не готова я к встрече наяву. Сон – это сказка, а в реале все может быть совсем иначе. Вдруг я ошиблась, и Замков вовсе не тот, что мне снился?

Между мечтами и шансом вернуться на работу, я безусловно выбрала второе. Работа меня кормит, а призрачные мечты лишь развлекают.

Бурай Алиевич, отложив термос с кофе, и убедившись, что пакет, позвякивающий стеклянной тарой, надежно закреплен в багажнике, занял водительское место.

– Красивые у вас здесь места! – улыбнулся он. Белый ряд зубов на смуглом лице. – Загадочные. Не поймешь, что скрывается за сугробами – то ли деревья, то ли замки сказочные.

Я, застегивая ремень безопасности, улыбнулась в ответ.

Загадок в моей жизни хватает. Всего пара слов и соседки спешат на помощь, направив по верному пути экспедитора. Бедный Кирюсик работает только второй день, а уже кричит, что умирает. Вон на какие подвиги сподобился – отправил за мной свой внедорожник.

– А как сюда добрались? Тяжело было?

– В городе дороги расчистили, а тут передо мной трактор проехал, так я по его колее. Нормально все, – он опять широко улыбнулся.

– Бурай Алиевич, а вы случайно не знаете, что на самом деле в нашей аптеке произошло? – я не сильно поверила в рассказы Кирюсика. Нет, то, что Марь Степановна ведьма и веник ей по пенсионному статусу вместо метлы положен, типа эконом-вариант, это я понимаю, но вот откуда взяться мстительной кошке?

– Почему не знаю? Знаю. Я как раз товар привез. Мария Степановна аж взвизгнула, как кошку увидела. Та от страха под шкаф забила. И чего было гонять? Она потом на простое «кис-кис»

откликнулась, а она веником... Я не сразу понял, что случилось. С испуга Кириллу позвонил, а тот уже скорую вызвал. Ах, ишак какой! – Бугай посигналил едущему впереди красному жигуленку. Тот нехотя дал вправо, пропуская нас. Дорога была практически пустой, и тащиться вслед за старенькой машиной Бугаю было не вмоготу, а водитель «Жигулей» упорно не замечал нашего присутствия.

– Откуда кошка в аптеке взялась?

– А шайтан ее знает? Может между ног проскочила, когда я коробки заносил? – Бурай Алиевич посмотрел в зеркало заднего вида. Жигуленок нырнул в сугроб на обочине и теперь буксовал, пытаясь выбраться. – И зачем на дохлой лошади из сарая выезжать? – экспедитор покачал головой, видя, как оставшаяся сзади машина все больше вязнет в снегу.

– Давайте вернемся, – я положила ладонь на руку Бугая. – Вдруг другой помощи они не дождутся?

За рулем сидел бородатый старик. От напряжения его лицо покраснело. Он дергал и дергал ручку передач. Увидев нас, заглушил мотор и опустил стекло.

– Здравствуйте, – крикнула я, открывая свое окно. – Помощь нужна?

Бурай Алиевич между тем уже копался в багажнике, зная наперед, как помочь собрату по дороге.

– Вот спасибо, люди добрые, – откликнулся старик – обладатель на удивление густого баса. – Тише–тише, Мурчена, – обратился он к кому–то за спиной.

– Ой, кошка! – воскликнула я и выбралась наружу. – Можно погладить?

– Отчего не погладить, пока мы делом занимаемся, – старик нахлобучил на голову меховую шапку и стал похож на Деда Мороза – такая же седая окладистая борода, кустистые брови и пронизательный взгляд синих глаз. Белый воротник дубленки и огромные красные варежки, которые дед надел неспешно, завершили сказочный образ. Было непонятно, как только он уместился в такой небольшой машине, он и вылез–то из нее с трудом. Я невольно поискала глазами хрустальный посох.

«Холодно ли тебе, девица, холодно ли, красавица?» – спросила я у кошки, перебравшейся на водительское место. Она позволила себя

погладить и даже замурчала от удовольствия.

«Тоже вислоухий шотландец», – отметила я сходство с соседским Лямуром. Таких хочется тискать и целовать в равнодушные морды.

В «Жигулях» удивительно приятно пахло. Я даже покосилась, не болтается ли под зеркалом освежитель, но не найдя такового, глянула на заднее сиденье. Там стояли коробки с высушенными цветами и травами. Сначала я подумала, что они искусственные – видела такие в магазинах, но приглядевшись, заметила, что весь пол усеивали опавшие лепестки.

– Да, Мурчена моя прыгает туда–сюда, весь гербарий разворотила, – произнес вернувшийся дед. Я поняла, что его машину уже посадили на трос, и пора прощаться.

– Хорошей вам дороги, дедушка!

Усевшись на свое место, я помахала кошке, которая встала на задние лапы и с брезгливостью посмотрела на мешанину из грязи и снега.

– Раз, два и готово! Хорошая у нашего шефа машина. Зверь! – внедорожник плавно потащил за собой «Жигули». Бурая Алиевича распирало от гордости.

Когда Бугай остановил машину, чтобы отцепить трос, в мое окно постучал Дед Мороз. Он держал в руках небольшой букет из цветов и трав.

– Спасибо вам, милая барышня.

– Ой, это не мне спасибо нужно говорить, а Бураю Алиевичу, – смутилась я.

– Неудобно как–то цветы водителю дарить, а для вас оно самое то. Вот видите эту веточку лаванды? Положите ее возле подушки, и спать будет как в детстве.

– А розочка как подействует? – спросила я, любуясь на карликовый бутон, сохранивший природный красный цвет.

– А вы сами попробуйте, – старик скрыл улыбку в усах. – Каждый из этих цветов свое значение имеет. Но не кладите их с розой вместе...

– А что будет? – я убрала букет от носа, но старика уже след простыл.

Наша машина плавно урчала, а «Жигули» не было видно ни спереди, ни сзади.

– Куда дед делся? – я повертела головой.

– Ну ты, даешь! – хохотнул Бугай. – Уснула что ли? Мы его километров сорок назад оставили, скоро в город въедем.

Глава 11. Покой нам только снится

- Что делать? Что делать?
- Сухари сушить!
- «Берегись автомобиля»

Прежде чем вернуться в аптеку и пропасть в ней, я побежала домой – оставить вещи и переодеться.

На лестнице встретились соседки, собирающиеся выйти в город. Те самые, которых Кирюсик описал как «старушки с ридикюлями и в шапочках с вуальками».

– Здравствуйте! – поприветствовала я их, не собираясь задерживаться ни на минуту. Я знала, что Кирюсик заметил свой внедорожник и уже начал обратный отсчет. – Спасибо, что подсказали моему боссу, где меня найти!

Сказанное вчера «Еду к подружке в Тихие воды» позволило Кирюсику быстро сориентироваться. Уж он-то знал, что в постоянных подружках у меня значится Галина-гончар. Не раз интересовался, кто в нашей паре мальчик, а кто девочка.

– Ой, милочка! Вы уже вернулись! – добрая улыбка растянула лицо Веры Романовны. Сегодня на ее голове красовалась песцовая шапка, которая так подходила к ее серым глазам.

Надежда Романовна выбрала другой образ – надела на меховую таблетку тончайший пуховый платок и сразу стала похожа на жительницу дореволюционной России.

– Какой у вас замечательный высушенный букет! – положив ладонь, затянутую в перчатку, на руку, в которой я несла подарок Деда Мороза, она остановила мой стремительный бег вверх. – Мята, ромашки, зверобой... И роза. Символ любви.

– Роза в этом травяном сборе лишняя, – заметила Вера Романовна. Она щелкнула замочком сумки, в недрах которой пропали ключи.

– Ах, да, – согласилась сестра. – Все остальное успокаивает, а она...

Старушка помялась.

– Возбуждает? – подсказала я.

– ...вызывает некое волнение.

Я с удивлением уставилась на свой букет. Действительно, и как я не заметила, что в наличии имеются все компоненты аптечного «Успокоительного сбора № 1», и туда на самом деле никак не вписывалась роза. Лаванда тоже из успокаивающих. Она как приятное дополнение. Но вот роза...

– И тот бородатый старик что-то похожее говорил, – пробормотала я, вспомнив его слова. – А что будет, если заварить все в одной чашке?

От Деда Мороза в красных жигулях ответ я так и не услышала. А может быть, просто забыла, проспав добрую часть пути.

Старушки переглянулись

– Нечто странное. В том то и дело, – вздохнула Надежда Романовна и поплотнее прижала к шее уголок пухового платка.

– Ох, простите, нам пора! Боюсь, и в этот раз рыбка для Лямура закончится! А он любит килечку покрупней, – Вера Романовна потянула сестру за руку и с юркостью полевой мышки засеменила по ступенькам вниз.

А я совсем забыла, что меня ждут на работе. Стояла и смотрела на букет, завернутый в кусок газеты. Почему соседки и старик в красных «Жигулях» придают такое значение одной малюсенькой розочке? Ее и цветком-то трудно назвать. Всего лишь бутон, кинь который в кипяток, максимум что придаст отвару – едва уловимый запах.

И кто сказал, что я собираюсь настаивать успокоительный сбор?

– Киса моя! Спасительница! – стоило мне появиться в торговом зале, Кирюсик тут же принялся расстегивать пуговицы своего халата. Хотя белый цвет ему шел, выглядел Кирилл Петрович не ахти. Темные очки, прикрывающие цветущий синяк, щетина, до которой явно не дотрагивалась рука профессионала, и дрожь в пальцах. До чего человека работа довела! – Принимай кассу, а я побежал!

– Как там Мария Степановна?

– Уже лучше. Сидит дома в окружении внуков. Я предложил помощь, она попросила новогоднюю премию.

– Дали?

– Сейчас Бурая Алиевича к ней отправлю, – Кирюсик постучал по нагрудному карману пиджака. – Ну, бывай, Киса.

– Динь–дилинь! – вздрогнули колокольчики, ознаменовав начало моего долгожданного, выстраданного трудового дня.

К вечеру, когда после череды кашляющих и чихающих людей я больше напоминала выжатый лимон, чем ту полную надежд деву, что с воодушевлением согласилась приступить к работе, в аптеку вернулся Кирюсик.

– Как справляемся? – поинтересовался он и взглянул на свои дорогие часы. Вот–вот должны были прибыть инкассаторы. Меня порадовал свежий вид шефа. Хотя темные очки продолжали сидеть на носу, прикрывая следы недавнего похода «налево», волосы Кирилла Петровича были приведены в порядок, цвет лица восстановлен (наверняка благодаря посещению спа–салона, о котором не раз упоминалось в светских беседах супругов), а ногти сияли свежей полировкой.

Их я разглядела особо, поскольку Кирилл Петрович постучал пальцами по прилавку, привлекая мое внимание.

– Минуточку, босс, – сказала я, прикрепляя пломбу к инкассаторскому мешку.

– Устала, – выдохнула я, скидывая на шею маску спустя минут сорок. Инкассаторы уже ушли, бесконечная очередь рассосалась, желающие жарко провести ночь еще не подтянулись, и у меня появилось немного времени пообщаться с явно нервничающим Кирюсиком.

Блин. А так хотелось заняться более интересным делом – порыться в интернете и посмотреть доступные фотографии Замкова. Вдруг найдется какая–нибудь скандальная статья о его семье, объясняющая его заикленность на ненависти к блондинкам (тем более, что две на горизонте имеются) и обязательной девственности?

Или во сне у нас другие тараканы, несколько не характеризующие реальную личность?

Если, конечно, личность на самом деле реальна, и я в своей идентификации не обозналась.

– Тут такое дело, Ключева... – начал Босс. Да, именно так, с большой буквы. Тон официальный, взгляд немигающий. Мне даже стало как–то неуютно. – Я нашел твой «Любарум». Мария Степановна успела шепнуть умирающим голосом, когда ее увозила скорая.

– Где?

Я пожалела, что сняла маску. Кирилл Петрович с пристрастием изучал мое лицо, и я не успела сделать покер-фейс.

– В кабинете у Светланы, – он криво улыбнулся и достал из кармана пиджака две бутылочки снотворного.

– Где третья? – выдохнула я. Неужели старая карга взяла ее себе?

– У одного из покупателей, который вчера чуть ли не силой заставил отдать ему «Любарум». «Вах! Он все-таки приходил!» – чуть не воскликнула я вслух, испытывая кардинально противоречивые чувства: радость от того, что наши с Галкой предположения верны – мой покупатель не может обойтись без «Любарума», и глубокую печаль, что упустила значимый момент. Все из-за Марь Степановны!

Следующие слова босса вывели меня из состояния чувственной прострации:

– Признавайся, Ключева, кого еще ты подсадила на этот незаконный седативный препарат? Я проверил, ни в одном фармацевтическом справочнике «Любарум» не значится.

– Кирилл Петрович, – я подыскивала нужные слова. Ненавижу оправдываться. Тем более, когда для размышления появилась более важная информация. – Вопрос по поводу снотворного лучше задать Светлане Сергеевне. Это она оставила коробку с «Любарумом» на кассе, а я всего лишь разобрала ее и, не найдя наименования средства в накладной, отложила в тот шкафчик, где мы храним спирт.

– М-да? – Его пальцы опять исполнили тарантеллу на полированной доске прилавка. Светлану Сергеевну, если уж она отправилась в Москву для новой пластической операции, беспокоить не посмеет даже муж. Сам признался, когда замахивался на меня костылем. Да и приходившая в обеденное время баба Зоя успела поделиться, что хозяйка «Пилюль» ни за что не покажется перед своим молодым супругом, будет сидеть в московской квартире, пока не вернет себе сияющий вид. «Видать, к Новому году готовится», – такое заключение сделала уборщица, закинув в рот кусок сахара. Чай с рафинадом вприкуску делал ее разговорчивой.

– А откуда тот посетитель знал, что в нашей аптеке есть «Любарум»? – Кирилл Петрович склонил голову на бок. Должно быть любовался, как быстро мое лицо меняет цвет.

Подловил-таки.

– Я ему продала, – опустила голову. – Не знаю, как так вышло. Наверное, от усталости. Он пришел перед самым закрытием...

– И по какой цене продала? Если в накладной «Любарума» нет, значит и стоимость ты знать не могла.

– Не могла. Кирилл Петрович, но ведь и вы не знали, но вчера один пузырек продали?

– Ключева, если тебя схватят за ворот и тряханут как следует, ты сможешь отказать? – Кирилл Петрович засунул палец за узел галстука и потянул его. – Все нервы вымотал. Дай и все. Кошка, видите ли, разбила его бутылку, а он именно без этого снотворного жить не может. Я даже полицию грозился вызвать...

– И почему не вызвали?

Кирюсик посмотрел на меня как на дуру.

– Киса моя, ты соображаешь, что говоришь? Какая полиция без Светланы? Собственноручно набросить на свою шею удавку?

– Вот и я этому посетителю не смогла отказать.

– Думаешь, он один и тот же?

Я кивнула. Мы вздохнули одновременно.

– Черт, знать бы во что вляпались, – Кирюсик поднялся. – Вдруг наркота?

– О чем вы, Кирилл Петрович? Обычная настойка на травах, – я открыла один из пузырьков, понюхала. – Здесь, наверное, и валерьянка есть, раз кошка посетителя на нее среагировала. Видите, написано «применять при бессоннице, ночных страхах, тревожных состояниях».

– Да читал я, – махнул он рукой. – Конопля тоже трава.

– И вот так просто Светлана Сергеевна оставила бы настойку на кассе? Инструкции не знаете? Да и потом, я сама пила «Любарум» И не раз.

– И что? – Кирилл Петрович опять сел и, не скрываясь, всмотрелся в мои зрачки. – Чувствуешь зависимость?

– Никакой. Сны красочные снятся, это да.

Он с сомнением повертел пузырек в руках. Осторожно понюхал. Пожал плечами.

Закрутив крышку, положил «Любарум» в карман.

– С собой возьму. Отнесу в нашу лабораторию. Пусть посмотрят. Так сколько, ты говоришь, было бутылок?

– Пять. Одну продала, из второй себе капала, пока нечаянно не опрокинула.

Когда Кирилл Петрович ушел, по его приказу убрала последний «Любарум» в сейф: «Пусть полежит, пока не выяснится, что за гадость попала к нам в руки».

И никакая не гадость...

Прислушалась к себе. Вдруг меня мучает непреодолимая тяга глотнуть пять капель?

Нет. Тяги глотнуть не было. Ощущалась тяга увидеть своего Короля Халифовича Чингачгука. Если это и есть проявление наркотика, то я – наркоманка.

– Динь–дилинь!

Народ опять потянулся.

Вернувшись домой, с полчаса стояла под душем. Я так устала от волнений, что не могла есть. Сил думать о «Любаруме» и вчерашнем посетителе, который довел Кирюсика до того, что тот отдал ему снотворное, лишь бы не связываться, тоже не нашлось. Какой смысл гадать «он – не он», если прямого ответа я так и не получу. Все слишком туманно, слишком зыбко. Связывать приходящего во снах мужчину, настойчивого покупателя и Замкова–младшего, все равно что гадать по кофейной гуще. Никаких доказательств, одни фантазии.

Хочу забыться. Не думать о том, что найдут наши химики в образцах «Любарума».

«Применять при бессоннице, ночных страхах, тревожных состояниях», – гласила надпись на его бутылочке. Тревожное состояние – вот то, что сейчас творится со мной. Если лаборатория выявит что–либо запрещенное, мне светит срок.

Не мешало бы выпить чего–нибудь.

Последнюю бутылку «Мартини» мы с Галкой приговорили еще месяц назад, от шампанского не осталось и следа.

Я побрела на кухню. Заглянула в холодильник, пошарила в шкафах.

Наткнулась на домашнюю аптечку. Порылась в лекарствах, уронила градусник. Хорошо, что он электронный.

Перцовый пластырь, капли в нос, шприцы и пипетки...

Сапожник без сапог. Даже простой валерьянки нет.

«Роза в этом травяном сборе лишняя», – прозвучал в голове голос Веры Романовны, и я, осененная идеей, поплелась в коридор. Высушенные цветы лежали там же, где я их бросила.

Трудно сосчитать, сколько раз я кричала «дура», «идиотка», «не, ну эти американки такие тупые», когда смотрела очередной ужастик, где героиня шла с фонариком наперевес в темный подвал, где затаился маньяк, ухлопавший уже третью подряд подругу, или на цыпочках кралась посмотреть, что так противно скрипит в заброшенной психиатрической клинике, а то и высовывалась из надежного укрытия, чтобы встретиться взглядом со сбрендившим клоуном, который зловеще произносит «ку–ку» прежде чем ткнуть в нее ножом.

И что я сделала сразу, как только поужинала и почистила зубы? Положила у подушки засушенный букетик, причем вместе с тем самым бутонем розы, который меня буквально уговаривали не оставлять в композиции с успокоительными травами.

«Да что может случиться? Это всего лишь лилипутская розочка, которая плюс ко всему очень приятно пахнет».

Чтобы насладиться ее ароматом, смешанным с неярким запахом остальных цветов, я повернулась на бок и поднесла букет к лицу.

Мир моментально почернел.

Я же говорю, дура. Хоть и не американка.

Я шла в темноте и слышала биение собственного сердца. Невозможно было понять, что находится под ногами – трава, ковер, пыль по щиколотку? Но определенно нечто мягкое. Я наклонилась и потрогала. Хотелось хоть что–то знать наверняка, ведь все остальное скрывалось во мраке.

Это был ковер. Из тех, где узор выше основы, и его легко можно распознать кончиками пальцев, даже если глаза твои закрыты.

Рядом кто–то вздохнул.

Протяжно... и вовсе не страшно. Это был вздох удовлетворения, вздох венчающий чувственное событие, которое уже завершилось и осталось только улыбнуться и закрыть глаза, прикорнув на плече мужчины.

Я знаю, видела такое в кино. Нет, не в том смысле, что кто–то в кинотеатре предавался любовным утехам, а потом счастливо выдыхал. Я говорю о любовных фильмах.

Вздых – это не грохот цепей и не визг циркулярной пилы, поэтому я смело отправилась в ту сторону, откуда он донесся.

И наткнулась на преграду.

На ощупь гладкая, как стекло. Я пошла вдоль нее, ведя рукой по поверхности.

С удивлением заметила, что моя ладонь оставляет светящийся след, который сначала выгнулся дугой, а потом и вовсе замкнулся кольцом.

Только тут я поняла, что иду по кругу.

Свет ширился, разрастался и, наконец, высветил внутренне пространство, где я рассмотрела широкое ложе и две обнаженные фигуры, лежащие на нем. На ковре пастельных цветов были разбросаны снятые второпях вещи, буквально у моих ног валялся башмачок, расшитый бисером. Его странный каблук выдавал принадлежность к далекому веку, может быть, семнадцатому, когда леди носили парики и пышные платья в пол.

Покрывало с кровати почти сползло, но парочка, утомленная недавними любовными ласками, не замечала холода.

Женщина была прекрасна. Ее светлые волосы разметались по плечам, атласная кожа мягко освещалась трепещущим огнем свечей, и на ней легко можно было различить следы, оставленные неистовыми объятиями и поцелуями.

Вот кавалер поднялся на локте, нежно посмотрел на спящую любовницу и, убрав волосы с ее лба, мягко прикоснулся губами.

«Я не хочу вас отпускать, Евгения», – произнес он.

Я напряглась и буквально прилипла к стеклу.

Черт. Это же мой король, и на кровати, вся разомлевшая от ласки, лежу я!

Я быстро себя ощупала. Пижама на месте, на ногах тапочки.

Это что же получается? Я пропустила самое интересное и теперь смотрю, как мой сказочный сон, где я отдала право первой ночи королю, завершается?

Где поцелуи, о которых я так мечтала, где «то самое», которого так хотела? Ничего не почувствовала, все пропустила?

Что же за сон такой, где все самое интересное происходит без моего участия? Нет, вон та девица, которой все досталось, вроде я и есть, но где чувственный трепет, где ощущение полета?

Охватившее меня разочарование заставило закрыть лицо ладонями.

Когда я опустила руки, вокруг опять была темнота.

Никакого стекла, никакого королевского ложа.

Правда, тапочки почему-то намокли.

Я пошла, хлюпая ногами, вперед. Потом поспешила назад. Но куда бы я не ступила, всюду была вода. Вытянув руки и делая осторожные шаги, боясь ухнуть в водную бездну с головой, я добрела до еще одной гладкой преграды.

Уже зная, что нужно делать, приложила ладонь к стеклу и пошла по кругу.

Внутри сферы находился бассейн, в котором, кроме обнаженного халифа и опять-таки меня, никого не было. Он только-только отлепил свои губы от губ той, которая сполна отхватила восточной сказки, и теперь смотрел на нее своим бархатистым взором и шептал: «Никуда я тебя не отпущу!»

«Я ваша навеки!» – хотелось крикнуть в ответ, в надежде, что восточная сказка повторится на бис, но уже с моим непосредственным участием, но обессиленная «я» повисла на руках халифа и позволила себя куда-то унести.

Меня вновь окружала темнота. Под ногами зашелестела трава...

Я предугадывала, чем закончится мое блуждание в черной мгле: очередным разочарованием.

Меня опять целовали, обнимали, совершали со мной всякие взрослые штучки, на которые способна фантазия вождя индейского племени, а я, стоящая в пижаме и подсохших от ветра, дуящих в прериях, тапочках, грызла ноготь и злилась, что опять все пропустила. Не поняла, не почувствовала.

Месяц мягко освещал вигвам, где на плече Чингачгука спала его счастливая невеста, раскидав по шкурам койота свои золотистые волосы.

Как, оказывается, я глупо улыбаюсь во сне!

И похудеть надо бы.

Вон как бока выпирают из-под смуглой руки вождя.

«Я люблю тебя, Бледнолицая Луна!»

Что сказать? Приятно. Хоть этот момент застала.

«Вот и свиделись, Король Халифович Чингачгук. Хотела добиться своего и добилась. Вы меня, блондинку и не девственницу, целовали и обнимали. И шептали на ушко всякие глупости. Но отчего же такая тоска?»

Да. И лежать неудобно.

«Бо—о—ом!» – что—то гроыхнуло так сильно, что я открыла глаза. Темно и тихо. Повертевшись, поняла, что от букета остались одни палочки—листочки. Видимо во сне я вволю потопталась по нему своими крутыми боками.

Крохотный бутончик вытащила откуда—то из—за пазухи.

Вот и вся любовь.

Я протянула руку, чтобы нащупать телефон, и не нашла его на тумбочке. Пришлось встать и включить в комнате свет. Шнур зарядки показал причину грохота – мобильник каким—то образом оказался в Галкином кувшине.

«Наверно, рукой смахнула, – подумала я, доставая телефон. – Хорошо, что не разбился».

Я посмотрела на ярко светящийся экран – всего—то три часа ночи. Еще спать и спать. Тут же вспомнился недавний сон. От него остался горький осадок разочарования, плавно перетекающий в тоску, от которой не заснуть, не всплакнуть. Вроде и видела то, о чем мечтала, а в то же время...

Я свернула простыню, собираясь вытряхнуть палочки—листочки в окно. И даже открыла его, но ворвавшийся морозный воздух отрезвил. «Дура я, зачем выбрасывать то, что заменяет «Любарум»? И вообще, чего я хотела от сухого букета? Что дает запах? Судя по тому, что снилось – ничего, лишь взгляд со стороны. А что если бы заварила как положено и выпила?»

Бережно стряхнув остатки букета в миску, открыла ноутбук и запросила «Успокоительный сбор №1». Уж если и делать отвар, то по всем правилам. Мысленно приказала себе даже не думать о том, чтобы вбить в строку заветное имя, которое так и не решилась запросить у поисковика с вечера. Только не сейчас. Хватит на сегодня расстройств. А вдруг выяснится, что Замков женат? Так и до утра не усну, а завтра опять на работу.

– Вот. Залить стаканом кипятка, дать настояться десять минут, пить за полчаса до сна после непосредственного приготовления, –

прочитала я вслух.

Набрала свежей воды и включила электрический чайник. Аккуратно высыпала содержимое миски в ковшик и на глаз определила, что сбора на одну порцию хватит.

Как могла повытаскивала палочки–веточки, оставив только то, что должно принести пользу. Хрупкая лаванда осыпалась, и я не стала ковыряться и выискивать малюсенькие сиреневые цветочки. Она хоть и не входит в аптечный сбор, но тоже относится к успокоительным растениям. С ней даже чай заваривают.

Стоило чайнику закипеть, залила травку–муравку и накрыла ковшик блюдцем.

«Только до посоха морозильного не дотрагивайся!» – прозвучало наставление Морозко, данное киношной Настеньке, что натолкнуло на мысли об еще одном деде и его запрете. Короче, я повертела в руках розовый бутон и кинула туда же, где томились остальные травы.

Покой нам только снится...

Глава 12. Вот ты какой, цветочек аленький...

Ты прости меня, мой сердечный друг!
Выйди ко мне,
не испугаюсь я больше вида твоего страшного.
«Аленький цветочек»

– Как долго тебя не было...

Я испуганно оглянулась.

Вокруг густой лес, через сплетение ветвей и солнца не видно.
Запахи дурманящие в воздухе витают.

– Кто здесь? – пискнула я, крутанувшись на все триста шестьдесят градусов.

– Обещала до вечерней зари вернуться...

Я растопырила руками русский сарафан, расшитый узорами по подолу, на голове нащупала кокошник. Перебросив на грудь тугую косу, ставшую длиннее минимум на полметра, убедилась, что она сохранила свой первозданный колер.

Так. Блондинка, значит, уже годится. Нос воротить не станем.

– Обещала до вечерней зари вернуться... – не услышав ответа, с упреком повторил тот же голос.

– Да вроде и не стоваривались! – поддержала я разговор, а сама пошла туда, где раздражающей точкой светился яркий огонек, похожий на лазерный. Вот если бы такой светил мне в лоб или, скажем, ерзал по груди, наметившись на сердце, мигом кинулась бы на землю, подозревая, что в кустах залег снайпер. А так куда еще идти? Кругом дубы столетние да трава по пояс. Не в чашу же ломиться?

– Как не стоваривались? – удивился невидимый собеседник. – Все время приходила, развлекала своей непосредственностью, а вчера вместо дивного общения голая степь, да ковыль–трава от ветра по земле стелющаяся. Не по мне было то одиночество...

– Ну, допустим, не в первый раз пропускаю... – начала я, вспомнив ту ночь, когда мы с Галкой шампанское пили, но тяжкий

вздых оборвал мою речь.

– Тогда я к тебе не привязался еще. И выбор дев доступных был немалым. А теперь... Никого кроме тебя...

– Чудовище! – одернула я несправедные речи. – Ну ты и чудовище! Выбор у него был... А каково мне? То коса не той толщины, то кокошник криво сидит.

Я раздвинула руками кусты, нацеливаясь рассмотреть то, что так назойливо сияло алым.

– Это ты о потерянной непорочности? Такую аллегория, значит, выбрала. Кокошник... – и такая насмешка звучала в том голосе, что я невольно зарделась, представив, какой потаенный смысл мой невидимый герой вкладывает в слово «кокошник».

Когда в полутьме раздался издевательский смешок, я моментально забыла о красном огоньке. Распрямившись, уперла кулаки в бока. Храбро осмотрелась, ища хоть какой-то признак прячущегося за деревьями мужчины. Или чудища. Что, впрочем, одно и то же.

– Что? Раз в кокошнике, значит, компания не подходящая? – я с вызовом тряхнула головой. Коса непривычно стегнула по спине. – Ваше Чудовищное Величество лишь до девственниц снизойти может?

– Ну если на то пошло, то во всех сказаниях и мифах на откуп чудовищам только непорочных дев и поставляли. Чем я хуже остальных? А тут ты. Кокошник. Знаешь, как его встарь называли? Кокошка, кокуй, курица...

– Ну все, хватит! – топнула я и с еще большим рвением ломанулась через кусты. И не любопытство гнало меня вперед, а ненависть. Красный огонек выступал в роли единственного видимого раздражающего фактора. Светит и светит. Глаза аж слезятся...

– Ну, а кроме того, никогда мне не было дела до твоей непорочности, – чуть тише и уже без насмешки в голосе произнесло Чудовище. – Какая мне разница?

– А кто же говорил «жаль, что не девственница»?

– На балу чаровниц непорочность подразумевалась. Это как модная мушка на лице. Раз модно, значит, должна быть. Но если лицо прекрасно, зачем мне мушка? Я разве не послал к черту Дафну?

Я замерла.

Ну да. Так и было. А потом поцелуй, который до сих пор не могу забыть...

Мое лицо расплылось в мечтательной улыбке.

Спохватившись, что за мной наблюдают, зло сузила глаза.

– А кто возмутился: «Распутница в гареме!»? – я не я, если не увижу кровь.

– Разве к тебе те упреки были? Я лишь спросил, кто впустил распутницу в гарем. Согласись, звучит совсем иначе.

– Ну да, – я вспомнила, как халиф провел пальцем по моей щеке и произнес с печалью в голосе: «Как жаль, что я не люблю светлые волосы». И ни слова сожаления о чем-либо ином. Выходит, мои страхи мною же и придуманы? – Тогда ответь, почему шпынял за светлые волосы?

Огонек светил совсем близко. Буквально рукой подать.

Чудовище вздохнуло.

– Зачем на пустые разговоры время тратить, если я могу показать тебе чудо чудное, диво дивное?

– Тарелочку с крутящимся по нему яблочком? – я скривилась, вспомнив старый советский мультфильм, где Чудище развлекало свою гостью, показывая ей всякие страны, дно морское и в завершение – отчий дом, что сильно ее опечалило.

Миновав колючие кусты (и наверняка оставив на них часть косы), я выбралась на поляну, где среди пахучей травы, на тонкой ножке, покрытой мелкими колючками, пробивался крохотный бутон розы. То ли юбка моя его задела, то ли по поляне прошелся слабый ветер, но блеснув шелком лепестков, бутон качнулся, словно поприветствовал нежданную гостью.

«Так вот ты какой, цветочек аленький», – потянулась я к нему.

– И я совсем не о серебряном блюдечке и наливном яблочке... – совсем рядом произнес хозяин невидимый. Его теплые руки обняли меня, а шею, там, где она плавно переходит в плечо (и где у меня особенно чувствительное место), опалил поцелуй. От неожиданности я вздрогнула, и бутон розы, что был так нежен и раним, оторвался от своей ножки и скатился с ладони куда-то в густую траву.

Мое тело прошила жаркая молния. Начиная от губ супостата, она закончила свой полет где-то там, внизу, попутно испепелив всех бабочек, что вздумали порхать в животе.

Организм, столько времени ждущий разрядки, бабахнуло мощным оргазмом, запущенным всего лишь одним поцелуем. Не считая пары

горячих дланей, что успели накрыть мои спелые перси.

«В глазах потемнело али как?..»

Али как.

Зазвонил будильник.

Я лежала и смотрела в потолок.

И зачем сорвала цветочек аленький?

Могли бы еще поговорить...

Прикоснувшись к шее, где еще не остыл след от поцелуя, я вздохнула.

Взяла в руки мобильник и посмотрела на время. Семь ноль пять.

Выходит, зазвонил не чей-то там будильник. Меня разбудил мой собственный телефон. «Неужели мне впервые был дан шанс досмотреть сон до конца, а я его профукала? Лучше бы на работу опоздала».

Сев на кровати, я заглянула в стоящий на тумбочке ковшик. Вчера настойку не сцедила, пила, сдувая соринки в сторону. Если через сито пропустить, навряд ли чудодейственного отвара наберется больше ложки.

А может по новой сварить? Лаванда у нас в аптеке есть, а засушенные розы продаются в магазине «Китайский дом».

Выдавив пасту на зубную щетку, я оторопело смотрела на свое отражение в зеркале. На шее алело небольшое пятно. Потрогала. Оно стало еще ярче.

Никакой мистики, просто натерла, когда вспоминала о ночном поцелуе.

Скидывая пижаму, опять вздохнула. Судя по желанию Его Чудовищного Величества показать мне чудо чудное, меня ждало весьма интересное продолжение. И, кстати, ему было до лампочки, имела я сексуальную связь до встречи с ним или нет.

И зачем сорвала цветочек аленький?

Отрегулировав воду, встала под холодный душ. Может быть, он заставит перестать рефлексировать? Пора вернуться к реальности.

Реальность полоснула воспоминанием: Чудище хотело меня, несмотря на то, что я блондинка. На безрыбье и такая сгодится?

Нет. Не буду думать об этом, иначе на ровном месте заработаю комплекс. Мне мой цвет волос нравится.

Колочее махровое полотенце разогнало кровь и неприятные мысли.

Но на кухне стебельки и веточки, брошенные на столе после потрошения букета, заставили всплыть забытые слова Чудовища: «Вчера вместо дивного общения голая степь, да ковыль—трава от ветра по земле стелющаяся. Не по мне было то одиночество».

Что бы это значило? Неужели мы с ним так тесно связаны? Если я не пью «Любарум» и не вижу своего «героя» во сне, то и он ничего не видит? Нет королевских покоев с покорной Дафной, нет бассейна с обнаженными пери, нет вигвама с драчуньей скво? Не в этом ли заключается смысл игры – нет меня, нет волшебства? Один ковыль да ветер...

Знать бы только, кто затеял эту игру и выбрал именно меня.

Горячий кофе обжег язык.

М–да. Буйная у меня фантазия. И ведь не расскажешь никому о том, что творится в моей голове. Не поймут. И посоветуют психиатра.

Спасибо, хоть Галка на смех не поднимает.

Утро в аптеке было таким же напряженным. Много больных. Очередной вирус косил налево и направо. Маску меняла почти каждый час, столько было красноносых и кашляющих, стремящихся поделиться со мной заразой.

Когда наплыв покупателей иссяк, я заглянула в закуток, именуемый у нас кухней: холодильник, микроволновка и маленький стол на два посадочных места. Второе тут же заняла баба Зоя.

– Спрячь бутерброд, попробуй моих блинчиков.

Из микроволновки появилась вкусно пахнущая горка блинов. Пока баба Зоя шелестела пакетами, доставая домашние соленья, я опять уткнулась в телефон.

Заветное имя было вбито, и я ожидала, когда откроются картинки. Здесь антенна ловилась не ахти как.

– На вот.

Я взяла протянутую вилку и откусила свернутый рулончиком блин. От удовольствия закатила глаза.

– Ну хоть в таком состоянии их вижу.

Я непонимающе уставилась на уборщицу.

– Твои глаза. А то вечно пропадаете в своем интернете и сами не понимаете, что едите. Я давеча младшему сыну на колбасу повидло

намазала, а он и не заметил. Сжевал...

Я с подозрением посмотрела на откушенный блин. Мясо. Без повидла. Но горкой наложена горчица. Ой!

Из глаз хлынули слезы, и баба Зоя участливо протянула чашку с чаем.

– С сахаром? Или соли намешали? – я не стала хлебать сразу. Не хочу наступать на одни и те же грабли.

– С сахаром, с сахаром, – успокоила меня баб Зоя. – И чего ты там такого интересного вычитала?

При любопытной уборщице я не стала рассматривать фотографии семьи Замкова, перешла на страничку, где описывались свойства роз.

– Пишут, что чай из розовых бутонов очень полезен.

– Тю! Сейчас все что ни попадя суют в чай. Раньше, кроме индийского, того, что со слоником на желтой пачке, который можно было достать только по блату, мы и не знали. А тут пошла мода: то с фруктами, то с цветами. Пьешь и не понимаешь, то ли компот, то ли одеколон...

Самое главное – запустить динамо-машину, потом она будет молотить без твоего участия. Бабе Зое влетела в уши благодатная тема, и теперь она надолго была занята хулой современных нравов и воспоминаниями из чудесного советского прошлого.

– А медицина? Во что она превратилась? Раньше, бывало, пойдешь в поликлинику...

«Бутоны роз». Я взглянула на картинку, где в чашке лежали близнецы моей розочки.

«Согласно древнегреческой легенде, Эрос, бог любви, случайно пролил цветочный нектар, который даровал богам бессмертие, и там, куда упали драгоценные капли, выросли розы».

Эвона как все хитро закручено! Не зря прикоснувшись к бутону в тот самый момент, когда меня поцеловало Чудовище, я ощутила столь чувствительный взрыв. Оказывается, за это нужно Эросу сказать спасибо!

– А взять тот же самый космос! Что ни запуск, то ракета падает. Нет, раньше к этому делу относились ответственно, а тут дырку в обшивке чуть ли не жвачкой залепили...

Я кивнула, соглашаясь с бабой Зоей. Ей хоть какое-то участие в разговоре требуется.

Читаем дальше.

«Красная роза появилась благодаря Афродите, которая порезала палец об острые шипы цветка. Древние римляне, ожидая в гости близких друзей, украшали розами дом. Выражение «сказанное под розами» с тех пор стало означать нечто интимное, то, что не должно было быть разглашено».

– Или операции эти? Губы накачают, кожу за ушами соберут, лицо словно неживое становится. Куклы куклами.

– Муклы муклами, – думая о своем, выдала я. Баба Зоя озадаченно замолчала. Мы обе уставились на пустую тарелку. Когда кончились блины, не заметила ни она, ни я.

– Баба Зоя, купите мне, пожалуйста, в «Китайском доме» розовых бутонов. Вот таких, как на этой картинке. Мне самой не вырваться, а магазин закрывается в пять. Тут написано, что розовый чай помогает нормализовать сон и снижает уровень плохого холестерина.

– Да? – баба Зоя призадумалась. Видимо, ее тоже волновал плохой холестерин. – Давай деньги. К вечерней уборке принесу.

– Динь–дилинь!

Я с сожалением закрыла телефон. Не знаю, удастся ли мне еще на работе посмотреть вкладку о Замкове, но думать о нем буду точно.

Глава 13. Тары–бары–растабары

В людских городах слишком много болтливых птичек!

Кто–то знал, кто–то сболтнул, кто–то услышал и начал действовать.

Алексей Пехов. Джанга с тенями

– Женька, привет!

– Привет, Галчонок. Как дела? – я отмеряла чайной ложкой лаванду. Успокоительный сбор номер один уже занял свое место в ковшике. – Доделала свои эскизы?

– Эскизы да, успела. Но не об этом я хотела тебе рассказать в одиннадцать часов ночи.

Ложка дрогнула, и пачка лаванды опрокинулась, щедро раскрасив пол сухими цветами.

«Черт!»

– Ты сидишь? – поинтересовалась Галка. Она зря спрашивать не будет. Я, плюнув на веник, за которым потянулась, быстро пристроила попу на стуле.

– Теперь да.

– Твой Замков ушел из дома!

– В смысле?

– В прямом. Собрал вещички и скрылся в неизвестном направлении.

– Когда? И почему? – я плотнее прижала телефон к уху, чтобы не пропустить ни слова.

– Сначала ответу на твое «когда», – Галка поняла важность момента и перестала тараторить. – Представляешь, великий исход случился сразу после скандала с Винтиком и Шпунтиком.

Илюша Самоделкин и Сашенька Винт удостоились великой чести получить новые имена.

– И наши планы выловить сына владельца ресторана в «Боярской усадьбе» изначально были провальными, – подытожила я речь Галины. Но тут же захотелось узнать, откуда она раздобыла такую сугубо

внутрисемейную информацию. Я закинула удочку: – Ты сегодня с москвичами встречалась?

Мои сомнения, что владелец сети ресторанов вот так возьмет и выложит подробности личной жизни некой Галине Романовой, каким бы хорошим гончаром она не была, тут же подтвердились.

– Думаешь, сам Замков распахнул передо мной дверки своих шкафов, чтобы я рассмотрела хранящиеся там скелеты? – хмыкнула Галка. – Была проведена сложнейшая операция. Сбор инфы с миру по нитке. В итоге на нужных людей меня вывел Никита.

– Ты и ему позвонила?!

– Ради подруги чего только не сделаешь. Но это и к лучшему. У меня появился весомый повод. Иначе никогда не решилась бы позвонить первая. Знаешь, как он обрадовался? Кит говорит, что у него камень с души свалился, ведь он думал, что я его до сих пор не простила. А теперь мы опять друзья.

– Здорово, Галина! Я так рада за тебя. Надеюсь, ты ему ничего лишнего не сказала?

У меня до сих пор все болело после нашего последнего с Китом свидания. Я о душе, сердце и совести. Нехорошо получилось. Мне стыдно за то, что я бежала от друга, словно он прокаженный. Нет, чтобы поговорить...

– Не бойся, подруга. Я твои тайны ему не выдала. По-хитрому поступила. Сказала, что ты в беде.

– Что?!

– Вот и он также закричал.

У меня опять заболело сердце. Друг переживает за меня, а я дверь перед его носом захлопнула.

– Хорошо, что ты не скрыла, как Никита к тебе относится, иначе не получилось бы, – Галка вздохнула. Ее тоже можно понять. – Короче, я ему сказала, что ты нечаянно продала Замкову–младшему не то лекарство и теперь умираешь от страха и не знаешь, как поступить. Я выложила, что о новом снотворном нет никаких сведений, и ты ужасно боишься, а вдруг это наркотик. Никита сразу поверил. «Чем я могу помочь?» – спросил он. «Кит, миленький, – проскулила я, – у тебя столько знакомых в Москве! Найди кого–нибудь приближенного к семье Замковых, чтобы мы могли убедиться, что с Павлом Алексеевичем все хорошо».

– И нашел?

– Строители – дружная семья. Кто–то где–то строил, кто–то что–то слышал, и вот тебе номер телефона подруги Нинель. Таких еще называют заклятыми. Стоит перейти им дорогу, и они обязательно отомстят.

– Как я понимаю, Нинель пошла на красный свет?

– Совершенно верно. Тот, кто дал мне номер телефона еще не знал, что Иудушка перешла в разряд бывших подруг. Мне пришлось поклясться жизнью, что я никогда не раскрою источник информации. А еще я пообещала подарить ей сервиз на двенадцать персон, который стоит где–то у тебя. Такой, в японском стиле. С пагодами и веточками бамбука. Похожий я продала Замковым. Зависть – великое дело.

– Да, с пагодами у меня, – я покосилась на балкон, где в шкафу обосновались Галкины поделки. В ее духе забирать подаренные вещи. Но мне не жалко, Романова еще наваяет дюжину таких сервизов.

– Мы встречались с ней сегодня. Можно я не буду называть ее длинно «Иудушка»? Пусть будет Ида.

– Пусть будет, – милостиво согласилась я. – Так ты что, в Москву смоталась?

– Да, только что вернулась. Но у меня же был повод. Заодно эскизы показала. Готовься услышать невероятную историю любви Замкова–младшего, закончившуюся побегом наследного принца из отчего дома, – замогильным голосом произнесла Галка, и я забыла обо всем на свете.

Конечно, мой слух, а чуть позже и сердце скребнуло выражение «невероятная история любви Замкова–младшего». На просторах интернета фотографий моего Чудовища оказалось слишком мало, а разоблачительных, читай скандальных, статей и вовсе не нашлось. Ни в одном из пабликов он зарегистрирован не был, instagram не вел. В отличие от мачехи и ее младшей сестры. Но и там я видела лишь наряды да доказательства небедной жизни семьи Замковых.

– Ида и Нинель учились в одном институте, думаю, в текстильном. Не знаю точно, но Ида упоминала, что студентками они ходили в платьях, сшитых по собственным эскизам. Получалось не хуже брендовых. Девочки не из богатых семей, но с огромным стремлением выйти в большой космос. Ида первая познакомилась с Павлом. Намечался красивый любовный роман, но она имела глупость

привести его на вечеринку, где была Нинель, откуда в итоге ушла в слезах. Подруга сделала все, чтобы заполнить себе такого самца.

– Она называет его самцом? – я скривила лицо. Вот так история! Мачеха была когда-то возлюбленной моего Чудовища? Неожиданный поворот. И вполне объяснима нелюбовь к блондинкам. – А сколько Нинель лет?

– Она всего-то на три года старше нас и на те же три года младше Павла.

Чудищу тридцатник? А ведет себя как детсадовец: играет в королей и индейцев. Надо бы в доктора с ним поиграть.

Дальнейший рассказ мне тоже не понравился. Я словно воочию видела, как Нинель обложила Чудище красными флажками и целилась в него из ружья. Но выстрелы оказались холостыми: Чудище не захотело надеть на ее руку обручальное кольцо, где бриллиант должен быть как минимум величиной с пулю, произнес извечную мужскую отговорку: «Я люблю тебя, ты меня. Разве нам плохо? Давай не будем торопиться?».

Он не понимал, что Нинель плохо. Статус подруги не сулил того, что мог дать статус жены. И детей она планировала. Исподтишка.

«Дитем», хоть и великовозрастным, неожиданно стал сам Павел.

Нинель часто приходила поплакать на плече у будущего свекра, жалуясь на свою женскую долю. Утешая, свекор разглядел не одну, а сразу две доли, которые так славно подрагивали при каждом всхлипе в декольтированном вырезе обтягивающего платья Нинель. И чем чаще несчастная плакала, тем чаще Замкову-старшему хотелось тряхнуть стариной. Однажды он так ею тряхнул, что мама Павла получила развод и переехала жить за границу, а новая хозяйка обосновалась в недавно построенном «родовом гнезде». Собираться долго ей не пришлось: она просто перешагнула из одной половины особняка, что на правах собственника занимал Павел, на вторую, родительскую. Этот переход завершил трансформацию Нинель: любовница стала мачехой.

Павел, не желая признавать поражение и съезжать с поджатым хвостом куда-то на квартиру, объявил свою часть дома суверенным государством и провел четкую границу, за которую заступать не смели ни предатель, ни предательница.

Нинель посчитала подобный демарш призывом к войне и развернула ответные боевые действия.

«Мачехи априори злые! Белоснежкам не жить!» – кинула она клич, и послала «сыночку» отравленное яблоко – свою младшую сестру. Сашенька Винт оказалась особой весьма пронырливой и изобретательной. Еще бы – такая школа! Павел выставлял ее за дверь, а школьница лезла в окно, не давая ему и шанса на личную жизнь. Доходило до того, что Павел тащил малолетку на плече, обнаружив ее у себя в кровати, и, сбрасывая на территории неприятеля, с огорчением слышал, как его новая подружка, с которой он только-только наладил контакт и собирался провести чудесную ночь, хлопает дверями со словами «Извращенец!». Враг в это время давился от смеха и строил новые козни. Охранная компания, дававшая стопроцентную гарантию, что «чужие не пройдут», посыпала голову пеплом и монтировала новую систему, которую умница вновь взламывала.

– В итоге они пригласили Сашеньку на тестирование своих охранных систем, и временная побывка у сестры превратилась в постоянную. Замков-младший выл на луну.

– М-да. Ему не позавидуешь, – теперь я понимала, почему «Любарум» стал для Чудовища таким важным, что он едва не вытряс душу из Кирюсика. Снотворное помогало Павлу попасть в тот мир, где он был свободен. Но и здесь злодейка-судьба подбросила ему блондинку.

– Я бы тоже сбежала и не сказала, где спряталась, если бы в собственном доме жила в полной осаде. Мачеха кругами ходит, как акула вокруг аквалангиста. Не поймешь, что ей от мужика надо. Ида говорит, что она ведет себя как собака на сене: спит с Замковым-старшим, но и младшего из вида упускать не хочет. Слушай, а может она свою сестренку пристроить мечтает? Не зря же та в кровать к нему прыгала.

– Угу. Все в семью, все в дом. Но не вяжется что-то, – я потеряла ладонью лоб. Чтобы не упустить пойманную за хвост мысль, решила рассуждать вслух. – Девочка не похожа на дурочку. Вот ты могла бы вскрыть охранную систему? Я – нет. Явно у нее талант.

– Криминальный.

– Пусть криминальный. Но почему же она так слепо подчиняется старшей сестре?

– Может, она делает все, лишь бы ее не отправили назад к родителям? Наверняка жизнь в богатом доме в Москве нравится.

– И поэтому она сбежала в наш поселок к Шпунтику? Не кроется ли в ее поступке ответ? Ее побег – это бунт. Сашеньке не нужна Москва с ее богатствами. Был бы милый рядом.

– Я поняла! Нинель ее использует. Поэтому ее и взбесил побег сестры. Помнишь, папа рассказывал, как она надавала Сашеньке пощечин?! Вот же стерва баба! Бедный Павлик. Попал в переplet! Из-за бугра мама шипит, считая сына виноватым в том, что в дом проникла разлучница. Рядом отец тешит свое эго, осознав вдруг, что в шестьдесят он еще ого-го какой мужчина, раз увел любовницу у сына. Ида сказала, что он подумывает о втором сыне, для которого и принялся расширять бизнес. «Барская усадьба» и пивной подвал – его новые проекты, которые он пообещал подарить Нинель, как только та родит ему ребенка. Нинель старается. Но двадцать семь – это не семнадцать, когда беременность наступает от одной мысли о сексе. Да и Замков-старший тоже может стрелять холостыми...

– Ты думаешь, Павел сбежал, потому что сдался?

– Ой, а может Замков вовсе и не сбежал, а они его того? – прошептала Галка и наверняка округлила глаза. Я вернула ее глаза в нормальное состояние.

– Не говори глупостей. Он жив, в этом могу ручаться. Пока мы с тобой высчитывали, на сколько ночей ему хватит «Любарума», он тряс за грудки Кирюсика, требуя новую бутылку.

– А, ну раз так... – с облегчением выдохнула подруга. – А куда делась старая бутылка?

– Говорит, кошка разбила.

– Какая кошка, если он в бегах?

– Вот и я теперь задумалась, откуда взялась кошка. Может, он у одной из своих женщин скрывается? – непонятно откуда появившаяся ревность холодной рукой сжала мое сердце. – Например, у той же Иды. Ведь по какой-то причине они с Нинель рассорились? И судя по всему, совсем недавно, – я тряхнула пакетик, в котором лежали принесенные из «Китайского дома» розочки. Представив, как Чудовище лежит на кровати, а под боком у него греется какая-нибудь кошечка, скрипнула зубами. Выбрав бутон покрупнее, бросила его в коврик. Подумала, закинула еще один.

– Женка–а–а–а... А я и не подумала... Раз когда–то у Павла с Идой были романтические отношения, сейчас они могли возобновить их... Так часто случается. Старые знакомые встречаются и у них вспыхивают чувства. И Ида, когда говорит о Замкове, вся светится.

– Ида блондинка или брюнетка? – я использовала последний шанс, чтобы убедиться, что Галкины подозрения напрасны.

– Брюнетка. И хорошенькая. Каре, курносый носик, синие глаза. Фигура, как у статуэтки...

– Все. Хватит, – в ковшик полетела третья розочка. – Одного не понимаю: на кой черт он лезет ко мне во сне, если в сексуальной жизни у него все в порядке?

– А когда это он к тебе лез? В последний раз, помнится, ты была привязана к хвосту лошади.

Настала моя очередь рассказывать. Услышав о Деде Морозе, подаренной розочке и явлении Чудища, Галина ахала и охала, верила и не верила, смеялась и плакала. Ну, тут я конечно загнула. С чего бы ей плакать? Галка смеялась и хваталась за собственные перси, о чем тут же меня и известила.

– Ты когда снова его увидишь, пожалуйста, не лезь в кусты за всякими цветочками, – наставляла меня подруга. – Лучше сразу поинтересуйся, где его искать. Назначь Чудищу свидание в реальном мире.

– Думаешь, сработает? Сон и явь – вещи разные.

– А почему засос у тебя на плече остался? Сама говоришь, с утра видела пятно.

Я подошла к зеркалу и отодвинула воротничок пижамы. Пятно уже не алело. Оно стало подозрительно коричневого цвета. Такое пальцами не натрешь.

– Колдовство какое–то! – на большее я была не способна. Сейчас, когда моя голова пухла от информации, а время перевалило за полночь, я уже не так хорошо соображала. «Я подумаю об этом завтра», – решила я, подражая небезызвестной Скарлетт О’Хара.

– Ладно. Спать пора, – Галка протяжно зевнула. – Завтра расскажешь, как ночь прошла. И не забудь о свидании договориться! А я прямо с утра Никите позвоню. Поблагодарю за помощь. Заодно похвастаюсь эскизами пивных кружек.

– Удачи тебе, подруга.

Я и себе пожелала удачи, отключив будильник. Ничего страшного, если немного опоздаю на работу. Короткая фаза сна она такая короткая. Дольше пятнадцати минут навряд ли получится, а там и внутренний будильник сработает.

Процедив травяной настой, выпила залпом и быстро легла. Помнится «Любарум» отключал по щелчку пальцев.

«Зря кинула три бутона. Два наверняка были лишними, – мысль пришла где-то спустя час. Я вертелась с боку на бок и искала причины своей неудачи. – И пахли они совсем не так, как розочка, подаренная Дедом Морозом. Чертова китайская подделка».

Утром меня разбудили соседи, врубив телевизор на полную громкость. Реклама призывала народ покупать подарки на Новый год.

На улице уже рассвело.

Как ни старались рекламщики, хмарь за окном и осознание того, что сегодняшнюю ночь я провела на скамейке запасных, праздничного настроения не прибавили.

Какой-то неправильный получился у меня успокоительный настой. Одни нервы.

Глава 14. Французский десерт

Силь ву пле, дорогие гости!

Силь ву пле... Же ву при... авек плезир...

Господи прости, от страха все слова повыскакивали.

«Формула любви»

– Нет, Гала, ничего не получилось, – я прижимала телефон к уху, расставляя на витрине гигиенические пакеты. – Сначала овец считала, потом спала как убитая.

– Блин. И где его теперь искать? – подруга тоже расстроилась. – Он даже номер телефона сменил. А тот «Любарум», который остался в сейфе? Его нельзя стырить? Или хотя бы отлить в другую бутылочку немножко. Капель двадцать–тридцать. А?

– Давай сначалаждемся ответа из лаборатории. Мало ли что они там обнаружат? Если все плохо, Кирюсик со мной церемониться не станет. Даже если Светлана Сергеевна будет лежать в коме, он быстро до нее донесет, какие неприятности грозят «Пилюле». Вот увидишь, меня первой козлом отпущения сделают.

– Козой сделают, – поправила Галка. – Не вешай нос, Жека. Если еще вчера не замели, значит, не все так страшно. Как выяснится, звони мне сразу, ладно?

Какая чуткая у меня подруга. Даже слезы на глазах навернулись.

Ага.

– Я сухари сушить начну, – Галка даже тон не поменяла. Все тот же бодрый. – Передачки носить буду. Вещи тепленькие приготовь, говорят, в камере холодно. Все. Отбой.

Ожидание меня убивало. Я вздрагивала от каждого звонка, каждого «динь–дилинь» наших колокольчиков. Видимо, сказывалась полу–бессонная ночь. Сама в лабораторию звонить не решалась. Помнила, что в детективных историях тот, кто больше всех задает вопросы и крутится рядом – лицо заинтересованное. То есть следователь или преступник. К следователям я точно не относилась, а преступником быть не хотела, поэтому сидела тихо, как мышь.

Стоило почувствовать себя мышкой, как об мои ноги потерялся кот.

– Лямур! Ты откуда? – я заглянула за витрину, но никого кроме бабы Зои, которая намывала полы на крыльце, придерживая входную дверь ведром, не обнаружила. Я присела погладить кота, тот включил внутренний баян и от наслаждения закрыл глаза. – Где твои хозяйки?

– А ну, брысь отсюдава! – гаркнула от порога баба Зоя. – Ишь, повадился ходить!

Она грозно стукнула об пол шваброй. Лямур с ожиданием посмотрел на меня. Вдруг я отменю приказ уборщицы, и мы тогда снова поурчим вместе.

– Не положено, милый друг, – сказала я ему, чувствуя себя виноватой. Настроение–то он мне поднял. Стоило погладить по мягкой шерстке, как все страхи ушли. Правильно говорят, кошки – отличные лекари. – Иди домой.

Лямур юркнул между ногами уборщицы, но у закрытой двери обернулся.

– Иди, иди, – баба Зоя поставила на пол ведро и с таким усердием распахнула дверь, что колокольчики забились в приступе эпилепсии. – Это же он, гад, Семеновну до больницы довел. Ненавижу кошек. Как приду к сестре, так от ее Мурзика столько шерсти на себе уношу, что полдня приходится чистить.

– Я вам специальную щетку подарю, – я хоть как–то хотела загладить вину всех кошек, что встретились на пути баб Зои. – Один раз проведете по одежде, ни одного волоска не останется. А Лямура не ругайте. Он хороший.

– Котам в аптеке не место! – отрезала уборщица, не купившись на мой посул, и для убедительности еще раз шарахнула шваброй об пол. В этот момент, споткнувшись об оставленное у двери ведро, в аптеку влетел посетитель. Грязная вода гигантским спрутом расползлась по только что вымытому полу.

Баба Зоя побагровела и смерила мужчину, чей полет остановил шкаф с клизмами, таким грозным взглядом, что тот попятился и, не желая быть убитым, скрылся за дверью. – А все чертовы кошки! Если бы не они...

Дальше я слушать не стала. Пошла мыть руки и ставить чай. Под неутрахающие проклятия и перечисления всех грехов исчадий ада я съела принесенные с собой бутерброды и вволю насладились теми

немногими фотографиями Замкова–младшего, которые скачала из интернета. На некоторых он смотрел прямо в объектив, и я плавила под его взглядом. Потом заглянула в инстаграм Нинель, и тоже внимательно ее разглядела. Врагов нужно знать в лицо.

Когда вечером я шла домой, вновь встретила Лямура. Он сидел на половичке у двери и пристально смотрел на ручку, словно ожидал, что она вот–вот двинется вниз и впустит его в квартиру. Но ручка замерла–заледенела, и я, жалея кота, нажала на кнопку звонка.

Мягкие шаги, напряженная тишина и дверь открылась. Но ровно на столько, чтобы туда мог зайти кот. Лямур оглянулся на меня и сунул голову в проем, не торопясь войти. Чья–то рука в кружевной перчатке втащила кота за ошейник вовнутрь. Дверь закрылась. А я, постояв еще с минуту, направилась к себе.

Странные эти старушки. То мимо не пройдешь, чтобы тебя не втянули в беседу, то даже слова не скажут, хлопнув дверью перед самым носом.

Унылый ужин закончился унылыми размышлениями. Варить успокоительный сбор или ну его?

Решила варить. Нервы–то по любому успокоить нужно. На этот раз кинула одну розочку и отмерила ровно ложку лаванды. В сердце теплилась надежда, что в прошлую ночь мое зелье не сработало из–за того, что я нарушила рецептуру.

Посмотрела на время – десять. Рановато спать ложиться. Обычно часов в двенадцать, а то и позже заваливаюсь.

В этот раз постелила на диване, включила телевизор. Пусть бубнит.

«Сплю на новом месте, приснишь жених невесте».

Приснился. Сначала Кирюсик, потом Никита. Мы куда–то бежали, от кого–то прятались. События были нелогичны и сумбурны. В общем, во сне творилась та самая ерунда, которая считается нормальным сновидением.

– Ты опять без шапки? – Вера Романовна поправляла коврик. Серые волосы, собранные в аккуратную буклю на затылке, были кокетливо украшены шелковой лентой. Серое платье с белым школьным воротничком, пушистые тапочки без задника. Наряд дополнял полосатый фартук, чьи широкие лямки перекрещивались на спине. – На улице мороз.

– Я полутра на прическу потратила, – показательно тряхнула локонами, собранными в хвост. – Дайте хоть до работы дойти красивой. Там все под медицинской шапочкой спрячется.

– А если заболеешь? – темные глаза старушки тревожно мерцали. И не сказать, что тяжелый взгляд, но по спине прошел холодок.

– Я бегом. До аптеки идти всего ничего! – крикнула я уже снизу. Хлопнувшая подъездная дверь отрезала меня от мира тепла и уюта. И от странных соседей.

На улице стоял трескучий мороз. Вчерашняя оттепель в содружестве с отрицательной температурой превратила дороги в каток. Я пожалела, что не надела валенки. В них я действительно долетела бы мигом. Но кудри и войлочная обувь никак не вязались, поэтому пошла осторожно, хватаясь то за ограду палисадников, то за машины, что густо утыкали наш двор.

– Уф! Добралась! – победно крикнула я, не зная, что Аннушка уже разлила свое масло. Баба Зоя успела приветливо улыбнуться, прежде чем мир перевернулся.

– Осторожно! Я только что помыла крыльцо! – запоздало предупредила она. Эти слова я услышала перед самым нырком в высокий сугроб, что скопился на краю тротуара. Две ступеньки не так много, чтобы убиться насмерть. Снежная подушка безопасности сработала как надо и уберегла мою голову. Правда, изрядно испортила прическу.

Сидя в больнице в ожидании, когда хирург освободится и осмотрит мою ноющую лодыжку, я выбирала льдинки из растрепавшихся кудрей. Баба Зоя вздыхала рядом.

После рентгена мне туго перебинтовали ногу и велели держать ее в покое минимум три дня.

– Хорошо, что не перелом, – успокаивала меня баба Зоя, на чье плечо я опиралась, прыгая к подкатившему к крыльцу такси. – Врач сказал, если бы ты была не в сапогах, точно ногу не уберегла бы. На месяц гипс наложили бы.

Неся мой второй сапог подмышкой, она чувствовала себя виноватой – ведь сколько раз ей говорили, что в мороз свежевывытая плитка становится гладкой как стекло. У баб Зои был один ответ: «Так я же рано утром, когда посетителей нет, а потом я дорожку к лестнице прикрепляю!».

А вот дорожки точно не было! Видимо, я вышла из дома раньше, чем обычно, и думала только о том, как красиво получилось уложить волосы.

Действительно, хорошо, что ничего себе не сломала.

Кирюсик будет в ярости.

Ярость не задержалась.

– Ключева!!! Тебя убить или как? Ты же знаешь, что мне за прилавок некого ставить!

Слабый писк бабы Зои, что она может постоять, раз виновата, был бесцеремонно оборван.

«Он ее придушил что ли?» – забеспокоилась я, плотнее прижимая телефон к уху. Слава Зевсу – богу грома и молний, я не услышала стук падающего тела.

– Кирилл Петрович! Всего три дня!

– Три дня?! Ты меня без ножа режешь!

– Ну, два дня, – я трусливо скостила себе срок, зная, что с растяжением главное первую ночь пережить, а потом легче будет. – Только я не знаю, как до работы доковылять. Лед кругом. Я так и без вашей помощи убьюсь...

– Я готов тебя на руках носить, лишь бы ты вышла на работу, – голос босса немного смягчился. – Значит, завтра утром я у тебя. Все, пока.

– Но как же? Мы же договаривались на два дня... – поныла я в пустоту. Кирюсик уже отключился.

Глотнув обезболивающего и пристроив ногу на высокой диванной подушке, я уснула.

Разбудил меня запах горячей еды. Так не пахнут бутерброды даже из самой лучшей колбасы, так не заставляют сглатывать слюну творожные сырки, так не раздражает обонятельные рецепторы пакетированный кофе «три в одном» из ближайшего супермаркета. Так умопомрачительно и добротнo пахнет настоящая домашняя еда, приготовленная с любовью.

Откуда? Холодильник пуст, в морозилке две пачки мороженого, застрявшие там с лета, в шкафчике банка говяжьей тушенки и три банки с родительскими соленьями, которые я притащила из поселка. Даже хлеба нет.

А в воздухе витал аромат укропа и жареных сухариков. Таких, обжаренных с солью и чесночком. И наверняка политых оливковым маслом.

– Просыпайся, милая. Кушать пора.

Я открыла глаза. На краешке дивана сидела Вера Романовна и держала в руках тканевую салфетку. На соседке был все тот же полосатый фартук. Кружевной воротничок идеально расправлен, плечики прямые.

– Поднимись, я подложу еще одну подушку, – Надежда Романовна, стоя где-то сбоку, вне зоны видимости, ласково погладила меня темечку. – Вот так. Вера, подай салфетку!

Накрахмаленная салфетка жестко царапнула шею, и я немного смутилась, заметив, как темный взгляд Веры Романовны на секунду замер на моем засосе.

– Что это? – спросила я, когда передо мной водрузили маленький столик. Я видела такие в зарубежных фильмах, где пациентов кормили прямо в больничных палатах. Но мое «что это» относилось не к переносному столу, а к тем трем чашкам, что поражали своим содержимым. Праздник запаха и цвета.

Соседки поняли все верно.

– Ешь, это очень вкусно, – подбодрила меня одна из сестер.

– И полезно, – добавила вторая, протягивая ложку. – Суп называется минестроне.

В прозрачном бульоне лежали порезанные кубиками овощи и мелкие помидоры черри, половинки брюссельской капусты и соцветия брокколи. Белая фасоль, как жемчуг, рассыпавшийся по морскому дну, манила перламутровыми боками. Я чувствовала себя ныряльщиком, охочим до сокровищ.

– Подожди, подожди, милая! – Моя ложка, нацеленная на фасоль, замерла на полпути. – В суп нужно добавить топинад из оливок с чесноком.

Измельченные ингредиенты из второй чашечки, где главенствовал густой дух чеснока, наверняка добавили бульону пикантности.

«Я сейчас изйду слюной, совсем как собака Павлова», – мысленно простонала я, предвкушая славную трапезу.

– А теперь крутоны.

Горсть сухарей довершила аппетитную картину.

– Вот это да! – воскликнула я и, зачерпнув ложкой наваристый бульон, отправила его в рот. Глаза закрылись сами. Как у того же Лямура, который пристроился у меня в ногах и дремал, согревая своим боком перебинтованную лодыжку. Соседи пожаловали ко мне всем семейством. Кстати, а как они зашли? Я не помню, чтобы открывала им дверь.

– Нас Зоя Владимировна впустила, – как будто бы прочла мои мысли Вера Романовна. – Мы от нее узнали, что ты заболела.

Все верно. Никакой мистики. Я сама отдала ключи бабе Зое, чтобы не прыгать до двери, если она придет меня навестить.

Сейчас, когда сестры были одеты почти одинаково, стало особенно заметно, что они родственницы. Не мешали ни разный цвет глаз, ни форма носа. Их светлая кожа словно светилась изнутри. Наверняка в молодости обе были красавицами.

– Нравится минестроне? – поинтересовалась Надежда Романовна, присев на краешек стула. Спины у обеих женщин оставались прямыми, на лице светились подходящие случаю улыбки.

«Вот бы мне так себя держать!» – подумала я, совсем неинтеллигентно засовывая в рот очередную ложку. Нога ногой, а аппетит как был отличным, таким и остался. Хорошо, что еще не похрюкиваю от счастья. Люблю вкусно поесть. Вот бы еще это «счастье» не откладывалась у меня на боках. У Галки вон, сколько бы она не ела, все словно в топку.

– Спасибо, – произнесла я, отваливаясь на подушки. Мне можно. Я больная.

– А десерт? – Надежда Романовна метнулась на кухню. Передо мной поставили блюдо с крохотным пирожным и чашку с чаем. Краем глаза я заметила, что в чае плавали лепестки ромашки, но все мое внимание заняло пирожное. Если бы его не принесли соседки – весьма благопристойные дамы, я бы подумала, что в нем заключается намек на эротику. Два лепестка полупрозрачного теста смыкались по сторонам, образуя пузатую лодочку. Ближе к носовой части этой лодочки сияла марципановая жемчужина, возлежащая на ложе из нежнейшего сливочного крема.

– Как оно называется? – задержав дыхание, спросила я.

– Charmeur, кажется? – Надежда Романовна, наморщив лоб, посмотрела на сестру.

Та кивнула.

– Чаровница. Французский десерт. Кулинары с берегов Сены так изобретательны.

Обе с интересом ждали, какое впечатление произведет на меня десерт.

Пирожное не нужно было откусывать. Оно поместилось на вилку целиком и целиком исчезло во рту. Просто королевский вкус...

– К черту Дафну! – король протянул мне руку. Я смело вложила в нее свою ладонь.

Глава 15. Яхши!

- Никак не могу привести свои мысли в порядок.
 - А ты попробуй познакомить их друг с другом.
- Авессалом Подводный. Отдельные мысли

Мы начали целоваться, едва за нами закрылись двери.

Неистовство. Вот слово, сполна могущее описать то, что творилось с нами.

Хлопая исписанными страницами, метнулась в камин сорванная с запястья книжка...

Описали дугу и скрылись где-то в темноте сброшенные туфли...

На пол летели парики, веера (откуда они?), горохом сыпались пуговицы (или это был жемчуг?), трещало кружево, шуршали ленты и рвались швы...

И все это падало, шелестело и стучало во время каскада затяжных, выбивающих дух поцелуев.

Не разрывая объятия, мы рухнули на мех, устилавший пол у каминной решетки. До ложа мы просто не добрались. Оно мерцало золотом набалдашников в пяти шагах от наших нагих тел, но мы не смогли преодолеть и этого расстояния.

Я чувствовала шелковистость меха лопатками, поскольку мою попу обнимали горячие руки короля, прижимающего меня к себе так тесно, что окажись между нами тонкая кисея, вытащить ее, не порвав, не сумели бы.

И не нужна никакая кисея.

Зачем даже невидимая преграда, когда хочется каждой частицей тела чувствовать губы, отвечать на каждое движение руки и самой накручивать на пальцы волосы, проводить ладонями по бугрящимся мышцам и отвечать на ласки нежностью, на поцелуи стонами, а на желание обладать податливостью.

А потом лежать, глубоко дыша, прислушиваясь к отголоскам отбушевавшего оргазма, и смотреть-смотреть в глаза друг другу,

неуловимо замечая изменение их цвета, ведь нарастающее желание всегда делает взгляд более глубоким и темным.

Возбуждение неумолимо расширяет зрачки. В них уже видны сполохи огня, и нам не понять, то ли каминное пламя тому виной, то ли страсть, сжигающая нас и заставляющая еще раз окунуться в магму экстаза.

Новый оргазм разбудил во мне женщину. Забыты все невыученные или плохо усвоенные уроки. Евклидово пространство, свернутое в тугой рулон комплексов, удерживаемое пересекающимися прямыми ложного стеснения и страха сексуальной свободы, расправилось и дало возможность дышать, кричать и любить...

Плавиться и делиться жаром...

Брать и отдавать...

Утомлять и уставать...

И спать, спать, спать...

И проснуться с улыбкой на губах.

Провести ладонью по телу и обнаружить, что на тебе пижама, а нога все еще болит.

Черт.

– Киса моя, ты готова? – Кирюсик стоял под дверью и орал на весь подъезд.

– Сейчас! Только тапочек к ноге привяжу.

Дверь открыла, опираясь о косяк.

– Давай ключи! – босс требовательно пошевелил пальцами.

Я по стенке отступила в сторону.

– Только на верхний закрывайте, нижний не работает.

Едва успела повесить сумку на плечо, как Кирюсик нырнул куда-то мне под ноги.

– Ух, Ключева! Я, конечно, люблю девушек в теле, – босс крикнул, поднимая меня на руки, – но тебе пора следить за весом.

Хотела взбрыкнуть, сказать, что пойду сама, но передумала. Пусть тащит. Не одной мне страдать.

– Это куртка тяжелая, – я попыталась объяснить, что худеть не надо. – И сумка тоже. В ней банка с солеными огурцами.

– Трехлитровая?

Стыдливо промолчала. В банке и четыреста грамм нет.

Машину Кирилл Петрович, оказывается, подогнал к самому подъезду. Водрузил меня на сиденье и рукавом вытер вспотевший лоб.

«Посмотрим, как ты меня потащишь в аптеку», – мстительно подумала я и замерла. В балконное окно на меня смотрели сестры. Напряженно вытянутые шеи, поджатые губы.

Я опустила глаза, делая вид, что пристраиваю сумку на коленях.

«Они мне приснились или нет?»

Никаких следов пребывания соседок в квартире я не обнаружила. Чуть ли не с лупой обследовала подушку, на которой вчера спал Лямур, но не нашла ни волоска, ни пятнышка.

Надо бы почитать о побочных эффектах сильного обезболивающего. Вдруг оно вызывает галлюцинации? Что-то такое помнится о судорогах, сердцебиении и бреде.

Не хочу свой чудесный сон называть бредом. Не хочу.

Восхождение в аптеку далось Кирюсику еще труднее. Дышал он тяжело.

Поставив меня у двери, полез за ключами.

– А где баба Зоя?

– Зоя Владимировна за нерадивость была...

– Уволена? – выдохнула я в образовавшуюся паузу – босс не мог попасть ключом в замочную скважину. У него от напряжения дрожали руки.

– Нет. Зачем? Переведена в другую аптеку. Туда, где нет выложенного плиткой крыльца.

Через порог я переступила сама, но тут же была усажена в кресло-каталку, о котором заблаговременно позаботился Кирилл Петрович.

– Вот тебе трон, – торжественно возвестил он, подкатывая меня к кассе, – а вот царство и казна. Властвуй! Вечером вернусь, проверю. Умаялся я с тобой, Ключева.

Уже у порога обернулся.

– А попа у тебя мягкая. Мне такие нравятся.

– Я девочек люблю, – крикнула я боссу вдогонку. Но он услышал.

– Это не делает твою попу жестче, – выдал он, вернувшись, но не полностью – сунул лишь голову в дверь. Прощальный воздушный поцелуй, и Кирюсик, наконец, уехал.

Я не знаю, какой бог правит больными и немощными, но сегодня он явно меня пожалел. Визиты были редки, рецепты не требовали крутить колеса в сторону склада, а новая уборщица Зухра совсем не говорила по-русски.

– Яхши? – спросила она меня, оглядев чисто вымытый пол. Наверное, это означало «хорошо».

– Яхши, – ответила я, удивляясь ее сросшимся на переносице бровям. Вот и все общение.

– Мне приехать?

Я сама позвонила Галке.

– Нет, не надо, – ответила я ей. – Меня тут на руках носят.

– Слушай, я про твой новый сон... – Гала немного помедлила. – Может быть, тебе у самих соседок спросить, приходили они вчера к тебе или нет? Так и скажи: «Здравствуйте! Спасибо за вкусный суп!», а сама посмотри на их реакцию. Если удивятся, значит точно приснились.

– А если нет?

– Попроси еще супа. И того пирожного, что отправило тебя к королю.

– Думаешь, это оно?

– Оно. Или вчерашний шок и сильнодействующее лекарство. Ты на всякий случай еще раз скажи, как оно называется.

– Хочешь почитать аннотацию?

Нет, все-таки Галка отличная подруга. Такая заботливая.

– Нет. Хочу выпить. Два оргазма за ночь... Говори, я записываю...

– Киса моя! Ты готова? Трехлитровый баллон уже опустошила?

Я мстительно сузила глаза.

Кирюсик оделся полегче. Никакого новомодного пальто. Дутая куртка, на голове спортивная шапочка с трилистником.

– У вас штаны как у нашей новой уборщицы, – сказала я, разглядев полосатый принт adidas.

Худшего оскорбления я не смогла бы нанести. Кирюсик, усаживаясь на водительское место, взглядом изобразил громовержца.

– Ты что-то путаешь, Ключева.

– Никак нет. Вы сейчас одеты в излюбленную фирму братков и гастарбайтеров с юга.

– Приглядишься внимательно, Ключева. Учись отличать подделку от оригинала.

– А вы, значит, оригинал?

– Все, Ключева. Приехали.

– А на ручки?

– Вон тот бугай поможет, – Кирилл Петрович тут же распахнул дверь и крикнул в спину входящего в подъезд мужчины: – Товарис–ч! Товарис–ч! Можно вас на минутку?

Парень в черной куртке, с надвинутой на глаза шапочкой и обмотанный весь огромным шарфом, не веря, что обращаются к нему, обернулся. Его спортивные штаны тоже были украшены тройной полоской. Скорее всего, они были пошиты какой–нибудь китайской фирмой abibas. Яркий пример местного братка.

– Не поможете девушке с больной ногой доскакать до третьего этажа? У меня что–то спину прихватило, – Кирюсик весь сморщился и натурально так застонал.

Мужчина, больше напоминающий гопника, чем добропорядочного соседа (опять жильцы с четвертого этажа квартиру сдали), вернулся к внедорожнику и молча открыл дверь. Убедившись, что больная нога с привязанным к ней тапочком действительно имеется в наличии, легко вытащил меня из машины, и не торопясь донес до нужной квартиры. Сзади, не переставая стенать и хвататься за спину, громыхал сумкой с пустыми банками Кирюсик.

– Спасибо, товарис–ч! – поблагодарил он и, позвеневав ключами, открыл замок.

– Дальше я сама, – сказала я обоим мужчинам.

Как только переступила порог, уселась прямо на пол. Отчего так сильно бьется сердце?

Нога к вечеру совсем разболелась, и я, чтобы не пить лекарство на пустой желудок, допрыгала до кухни, где достала консервную банку.

Разогретая тушенка не предел мечтаний, но все же это быстрое и сытное блюдо.

Пошурудив в ящике, нашла консервный нож, приладила острие к кромке банки и только хотела стукнуть по деревянной ручке, как услышала голоса моих соседок.

«Я не закрыла входную дверь?»

– Быстро, быстро в постель! – произнесла Надежда Романовна, входя на кухню и ставя на стол контейнеры с едой. – Разве можно подобно аисту стоять на одной ноге и открывать банку? Так и порезаться можно.

Она мягко забрала консервный нож.

Появившаяся следом Вера Романовна взяла меня под локоток и вывела из кухни.

Доскакав до дивана, я открыла было рот, чтобы задать несколько вопросов, но не смогла по объективным причинам: мне сунули что-то хрустящее и определенно мясное.

– Это чучвара. Жареные пельмени, – пояснила темноглазая старушка. – Традиционное азиатское блюдо. Вкусно?

Я кивнула.

– Простите, а вчера вы тоже ко мне приходили? – настал час Икс. Сейчас я получу все ответы.

– Надя, у девочки температура! – Вера Романовна приложила свою прохладную ладонь к моему лбу.

– Сейчас, сейчас! – откликнулась та и погремела чайной ложкой о стекло. Мгновение спустя передо мной появилась чашка с горячим отваром. Запах мяты приятно резанул обонятельные рецепторы. – Пей, детка!

Я сделал несколько глотков, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу.

– А теперь съешь вот этот кусочек.

На протянутом блюдце лежал небольшой кубик цвета топленого молока с вкраплениями орехов.

– Что это?

– Щербет. Попробуй, тебе понравится.

– А завтра вы мне принесете ухо слона? – как-то я смотрела передачу об американских индейцах и их пристрастиях в еде. Никаких бeze и бланманже. Кукуруза, тыква и бобы. Все просто и сурово.

– Вера, девочка бредит...

– Нет. Я в полном сознании, – я перевела взгляд с одной соседки на другую. – «Ухо слона» – это традиционное блюдо индейцев. Жареная лепешка, политая медом. Ее наверняка любит Чингачгук...

– Ну, если тебе так хочется... – растерянно ответила сероглазая сестра.

– Кто такой Чингачгук? – спросила у нее темноглазая. – «Последний из Могикан»?

На диван запрыгнул Лямур и посмотрел на меня осуждающе.

Мне стало стыдно. Они стараются, ухаживают за мной, а я сижу и язвлю.

Я взяла с блюда кусочек щербета и положила его на язык.

М–м–м, какая вкуснотища! Просто тает во рту.

– А–а–а–а–а!

– Ты чего кричишь?

– Падаю в зиндан.

– Все, уже прилетела.

Глава 16. Шеф, все пропало!

Я твердо знаю: в мире должен быть порядок...

Я на это надеюсь. Робко. Иногда.

Авессалом Подводный. Отдельные мысли

Я обнимала за шею спасителя. Того самого халифа. Его загадочная улыбка волновала и заставляла чаще биться сердце.

– Почему ты меня спас?

– Я не люблю убивать женщин.

– Понятно. Кому–то халва, а кому–то... – я не успела закончить фразу, приготовившись произнести слово «секс», но может оно и к лучшему, потому что мой спаситель выбрал другое значение сладострастного искушения.

– Щербет? – подсказал он, неся меня по длинным переходам, где ветер раздувал парусами яркие ткани и доносил звуки тихой музыки. Искусный музыкант пощипывал струны неведомого инструмента, заставляя каждую нервную клеточку моего организма вибрировать в ответ.

– К чему эти игры с зинданом? Нельзя было не унижать меня при своих любовницах? Скрутили, поволокли...

– Бунт в гареме устроить хочешь, женщина? – улыбка подняла уголки его губ. Я смотрела и не могла насмотреться. На прямой нос, на красиво подстриженные усы и бороду. Ему очень шла эта густая, лишь обрамляющая четкую линию скул борода. Как и кудри, что густой волной спускались на плечи. И плечи – такие широкие, мускулистые. – Во всем должен быть порядок, – его голос пленил и заставлял замирать. – Сегодня ночь Халимы, не надо ее расстраивать. Пусть думает, что меня отвлекли государственные дела, а не новая рабыня.

– Рабыня?

– Я твой господин. Забыла? Буду делать с тобой все, что захочу.

– А я буду отвечать «Слушаюсь и повинуюсь?», – улыбка предвкушения растянула мои губы. Ну, наконец–то! Долгожданная игра в доктора. Медицинские работники тоже не терпят возражений.

Вам же не взбредет в голову сопротивляться, если ваш доктор скажет: «Раздевайтесь и ложитесь на кушетку».

Невысокое ложе остудило кожу прохладой шелка. Я сразу села, поджав под себя ноги. Халиф встал на колени и медленно, глядя мне в глаза, развязал узел своего халата, провел пальцами по моей скуле, отбросил влажные волосы, которые хлестнули спину холодными прядями, заставив поежиться.

Я почувствовала, как мои соски превратились в тугие горошины. Халиф опустил глаза и ласкающим взглядом прошелся по ним. Я выгнулась и втянула живот, чтобы предстать в лучшем свете.

– Ключева! А кто говорил, что не любит мужчин?

– Кирюсик?! – еще не обернулась, но уже знала, кому принадлежит этот голос.

– Кто такой Кирюсик? – халиф грозно блеснул очами.

Раздвигая шелковый занавес, с интересом разглядывая убранство в восточном стиле, в комнату вошел Кирилл Петрович. В штанах adidas, в майке с трилистником и босиком.

Струна музыкального инструмента, оборвав мелодию, тонко дзынькнула.

– Э-э-э... познакомьтесь, – проблеяла я, натягивая на нагое тело халат халифа, – Мой босс. А это мой Господин, – я с любовью посмотрела на халифа. Но не увидела прежнего ласкового мужчину. Его лоб избородили морщины недовольства, усы воинственно топорщились.

– Развратница?! – взревел халиф, переводя грозный взгляд с Кирюсика на меня. Он ничего не понимал. В принципе я тоже. Откуда здесь мой аптечный босс?

– Развратница, – как ни в чем небывало подтвердил Кирюсик. И тем же мягким голосом уточнил: – Бисексуалка и, судя по всему, еще и БДСМ-щица. «Мой господин», – передразнил он меня фальцетом.

– В мои сны с другим мужчиной? – халиф поднялся на ноги. Через штаны из прозрачной ткани были видны мускулистые ноги и густая поросль, тянувшаяся до самого пупка. Туда, где поросль брала начало я старалась не смотреть, но это место так и маячило у меня перед глазами.

– Ребят! Ну чего смущаться? – Кирюсик миролюбиво раскинул руки. – Во сне все можно. Во сне нет ограничений! И раз пошли такие

танцы, почему бы нам не сообразить на троих? Ключева, снимай халат.

И не прекращая приближаться к нашему ложу, потянул за край своей майки, чтобы снять ее через голову. Обнажился приличный такой пресс и грудь без единого волоска.

Халиф силой схватил меня за подбородок, заставив отвести глаза от босса. Ясное дело, я глазела на него не из-за желания оценить качество тренажерных станков, на которых тот занимался построением фигуры, а в растерянности. Я просто не знала, что ответить на наглость Кирюсика.

– Женщина, это твой мужчина?! Как ты смела явиться с ним ко мне?

– Я?! Мой?! – слова оправдания потонули в водовороте мятущихся мыслей. Кирюсик? Как такое возможно?

– Я ее, – подтвердил Кирюсик, закидывая майку куда-то за спину, – босс, шеф, господин, тайный воздыхатель. Я даже попу ее щупал не так давно. И на руках носил. Нечего стесняться, Киса моя, снимай халат. Я уже видел, что у тебя родинка на попе и волосы «там» выстрижены дорожкой.

Я плотнее запахнула мало что скрывающий халат.

– Кирилл Петрович!!! Прекратите!

Но его руки уже были на моих плечах и упорно стягивали тончайший шелк вниз.

Глаза халифа расширились, губы сомкнулись в тонкую линию, ноздри затрепетали, готовясь выдать порцию огня.

– Бро, ты сверху или снизу? – последнее, что смог произнести Кирилл Петрович перед тем, как был нокаутирован.

– Стража! – взревел халиф, потирая ушибленную руку. – В зиндан их! Обоих!

– Мой господин...

Но халиф, бросив на меня презрительный взгляд, резко развернулся и скрылся за полощущимися на ветру тканями.

Опять вишу в чужих руках и не могу встать на ноги. Перед глазами мелькают знакомые места: вот бассейн с зеленой водой, а вот комната, где пери ела халву...

А вот что-то новенькое. Я опускаю глаза, чтобы не встретиться с полным торжества взглядом наложницы Халимы, бегущей навстречу по длинному коридору, где сквозняк также раздувает паруса шелка и

приносит звуки загадочного струнного инструмента. Наверное, понеслась утешать халифа...

А мне как приговор – веревка на талии.

Я даже не кричала, когда меня столкнули в дурно–пахнущую дыру.

Кричал Кирюсик. «Я хочу проснуться! Я хочу проснуться! А–а–а!»

Стоило открыть глаза и обнаружить себя лежащей в своей комнате, я сбросила душное одеяло и кинулась одеваться.

К черту больную ногу! Прихрамывая, на ходу застегивая спортивную куртку, я бежала с решительным намерением вломиться к соседкам, живущим снизу.

– Откройте! – я колотилась в дверь, забыв о звонке. Потом звонила, потом опять стучала, но уже развернувшись спиной и вкладывая всю боль прошедшей ночи в пятку здоровой ноги. – Немедленно откройте!

Открылась дверь соседней квартиры.

– Жень, ты чего? – Наташа, мама пятилетнего малыша, жмурилась от яркого света подъездной лампочки.

– А чего они не открывают? – я упорно лупила пяткой по двери.

– Может, ушли? Они за молоком рано встают. На рынке берут, парное...

Я села на корточки у двери и запустила руки в растрепавшиеся волосы.

– Случилось чего? – Наташа топталась на пороге босыми ногами. Ей было зябко. А мне нет. Кровь горячей лавой текла по венам и требовала кого–нибудь спалить. Укусить. Ударить.

На Наташе срывать нельзя. Она хорошая. И Димка, ее сынок, отличный мальчишка.

«Случилось, – буркнула я про себя. – Наши соседки ведьмы».

А вслух коротко ответила:

– Затопили.

И пошла к себе наверх.

– А–а–а, – озадаченно протянула Ната и, немного постояв, вернулась в квартиру.

Счастливая. Знала бы, что за стеной живут ведьмы...

В этом у меня не было и капли сомнения.

Все, что происходило со мной в последнее время, все, что перевернуло мою жизнь, началось сразу после их переезда в наш дом. Неизвестно кем подброшенное лекарство, из-за продажи которого мне грозит срок, эротические сны с человеком, живущим от меня на расстоянии двухсот километров, внезапная болезнь Марь Степановны и мое благополучное возвращение на работу, Дед Мороз на красных жигулях и его цветочки, потом эти печенюшки-халва...

Я никогда не верила в мистику, а тут что ни день, то какие-нибудь совпадения. Переведенная в другую аптеку баба Зоя, до которой я так и не смогла дозвониться, чтобы спросить, давала ли она соседкам ключи, вчерашнее их вторжение, не оставившее ни следа, ни крошечки. Как лежали банка с консервным ножом на столе, так и лежат.

«И таблетку на ночь не выпила...»

Только сейчас я поняла, что топаю как слон и совсем не замечаю боли. И кроссовки натянулись спокойно. Говорят, в войну человек продолжал бежать, не чувствуя, что ему оторвало ногу. Вот и у меня адреналин зашкаливал.

Нет, так не пойдет. Нельзя жить видениями, которые ломают реальность. Нельзя верить во всякую чертовщину, как бы тебе не хотелось в нее верить. Лучше оставаться одной, чем быть главной героиней эротических снов с участием малознакомого Замкова и хорошо знакомого Кирюсика. Тут у меня едва не сработал рвотный рефлекс.

Я твердо решила – дождусь, когда на работу выйдет мой сменщик, и сразу же рвану к родителям. У них отсижусь. Подальше от этой парочки с ридикюлями.

Боже, я чуть было не кинулась на розыски Замкова! А он, скорее всего, ни сном, ни духом, что стал героем моих снов. «Кто такая Женя Ключева? – спросит он у себя. – Провизор из Мухосранска? Ну да, был как-то там, заходил в аптеку за снотворным, и что?».

– Галя! Галя!

– Что случилось? – у подруги голос заспанный. Я посмотрела на часы – всего пять.

– Вот скажи мне, какое парное молоко в пять утра? – потребовала немедленного ответа я.

– Ну, судя по наблюдениям за соседской коровой, – Галка зевнула, но продолжила тем же полу–придушенным голосом человека, собирающегося спать сразу после окончания беседы, – ее доят в шесть, потом в два, а вечером в восемь.

– Вот! – я торжественно потрясла кулаком. – Дома они были, но не открыли! А почему?

– Почему? – повторила Галка, сопя в трубку.

– Боялись, что я вытрясу из них душу.

– Из доярок или из коров?

– Причем тут доярки. Я о ведьмах!

– Не связывайся с ведьмами, Женя. Очень прошу. Подожди, меня.

Я приеду.

– А когда ты приедешь?

– Как соседскую корову подоят, так и приеду.

– Галя!!!

– Я твоей маме обещала молоко принести. А потом сразу к тебе.

Жди.

Галка спросонья забыла отключить телефон, поэтому я услышала, как она ворчит: «Какие ведьмы, какие доярки?».

На часах было девять, а Галка так и не появилась.

Не позвонил и Кирюсик, поэтому я не стала ждать, а, нацепив валенки, отправилась на работу. У двери соседок остановилась, но звонить не стала. Галка сказала подождать, значит, нужно подождать. Вдвоем мы сила.

Приложила ухо к двери, различила едва слышимые шорохи. «А! Затаились?» – мстительно подумала я, не беря во внимание, что за дверью мог расхаживать Лямур.

Тоже не простой котик. Как он ловко отправил Марь Степановну в больницу, а?

Им в компанию еще черного ворона не хватает.

А может и такой есть. В клетке сидит. Я же домой к ним не заходила.

Может, у них две метлы в коридоре стоят, и за парным молоком они на них летают. А что? Рынок–то в двух кварталах от нас, а в шесть какой транспорт?

Я напряженно ждала Галку, но первым появился Кирилл Петрович.

На нем была каска мотоциклиста. И он ее не снял.

– Как дела, Ключева? – глухо спросил он. – Нога не болит?

– Да все нормально, – ответила я, не понимая, почему Кирюсик не снимает каску. – Сегодня даже сама на работу прискакала.

– Ты прости, не смог за тобой заехать. Заболел я.

– Что с вами, Кирилл Петрович?

– Сильная аллергия.

– На что? – у меня сжалось то место в животе, которое всегда сжимается, предчувствуя беду, готовую обрушиться на мою задницу.

– На «Любарум». Я это гадское лекарство зашвырнул в окно. Чтобы больше ни–ни...

Я села в инвалидное кресло.

– Вы его пили...

– Да. Нервы. Не спалось.

– А как же лабораторные исследования?

– Ничего необычного не обнаружено. Запрещенных компонентов нет, трава одна. Лютики–ромашки. Я вчера вечером в лабораторию заглянул, – Кирюсик аккуратно снял с головы шлем. – И зачем я эту чертову бутылку с собой забрал?

Я не узнала Кирилла Петровича. Глаза щелочки, цвет лица как у алкоголика после недельного запоя. Вообще–то то, что я увидела, трудно назвать лицом. Отек делал его похожим на подушку.

– Почему вы решили, что это аллергия? – трясущимся голосом спросила я, точно зная, кто изувечил моего босса.

– А что еще это может быть, Ключева? Человек выпил пару ложек успокоительного, лег спать, а проснулся вот таким? Или ты что–то другое подумала? – босс не смог сощурить глаза, хотя, судя по голосовой интонации, он это сделал.

– Нет–нет, я ничего не подумала, – я ни в коем случае не хотела сознаваться, что мы видели один и тот же сон. Хватит потрясений. Засос на своей шее я хоть и признала, но больше кривила душой, чем верила, что из сна можно что–нибудь принести. А тут такое! – Вам бы в больницу сходить, вдруг сотрясение мозга?

Кирюсик прям крутанулся на пятках. Схватил меня за ворот халата и вперился взглядом... э–э–э... короче, вперился. Я лишь догадывалась, что этот самый взгляд существует. И достаточно пытливый.

– Как от аллергии может получиться сотрясение? – босс для верности даже тряханул меня. – Ты соображаешь, что говоришь, Ключева? – Потом сделал небольшую паузу. И пауза та была страшна. – А скажи–ка мне, Киса моя, где ты была прошлой ночью?

– Прошлой?!

– Да. Только что прошедшей... – Ворот, зажатый в кулаке босса, все меньше пропускал воздуха.

– Что с вами Кирилл Петрович? У вас начался отек мозга? Пустите, мне больно! – я дернулась, словно рыба, попавшаяся на крючок.

– И что я жене скажу? – враз обмякнув, простонал мой босс. Он положил голову на мое плечо. Она определенно была тяжела. Я сочувственно похлопала Кирилла Петровича по спине. Почти обняла.

– Я так и знала!!!

Визгливый крик заставил нас обернуться одновременно. В дверях подсобки, в которую вел черный вход, со связкой ключей в руках стояла Светлана Сергеевна. Темные очки закрывали половину лица, на голову был надвинут капюшон, но мы все равно ее узнали. Кирюсик медленно распрямился. Шлем с грохотом упал на пол.

– Не зря Мария Степановна посоветовала мне пораньше вернуться!

Светлана Сергеевна, швырнув ключи на прилавок, медленно подошла к своему мужу и схватила его за подбородок. Когда она повернула его лицо к свету, Кирюсик закрыл глаза.

– Что это? – требовательно спросила она.

– Аллергическая реакция на снотворное.

– Не смей мне врать, мразь! – она с размаху ударила мужа по щеке. – Какая аллергия?! Я все знаю! И про новенькую из пятой аптеки, и про твои шуры–муры с этой!

Короткий взгляд в мою сторону, похожий на смертельный выстрел, заставил втянуть голову в плечи.

– Светуля, ты все не так поняла! Это действительно аллергия! – Кирюсик не знал, как оправдаться. И я ему сочувствовала. Скажи босс правду, она все равно показалось бы издевательской ложью. Как объяснить, что тебя избили во сне?

– Ты просто жалок! Марш домой! – скомандовала Светлана Сергеевна, поворачиваясь к выходу. – А ты, – это уже было обращено

ко мне, – собирай свои вещи. Уволена. Я отозвала из отпуска Виктора Горна.

– Динь–дилинь!

Мой сменщик появился на пороге как по взмаху волшебной палочки. Небритый, с рюкзаком за плечами. Видимо, всю ночь был в дороге.

– Что тут у вас происходит? – шепнул он, проходя за мной в раздевалку.

– Конец моей аптекарской карьеры, – вяло ответила я, боясь расплакаться. Совала свои вещи в сумку без разбора. – Теперь мне ни за что работу в городе не найти.

– С Кирюсиком замутила, что ли? Дурой надо было быть...

– Да, Витя, я дура, но не до такой степени.

Воспользовавшись тем, что Виктор вышел в зал, а Светлана пересчитывала деньги в кассе, я прошла к холодильнику и вытащила последнюю бутылку «Любарума». Пусть докажут, что он здесь был. Никаких накладных, никакой стоимости, никакого реального факта продажи. А Кирюсику сейчас будет не до снотворного. Да и навряд ли он еще хоть раз захочет взять в руки «Любарум». Аллергия – дело страшное.

Глава 17. Шабаш

– Ах, не напоминайте мне, Азazelло! Я была глупа тогда.

Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это –
ведь не каждый же день встречаешься с нечистой силой!

– Еще бы, – подтверждал Азazelло,

– если б каждый день, это было бы приятно!

«Мастер и Маргарита», М.А. Булгаков

Город готовился к празднику. На центральной площади нарядили елку, навесили гирлянды и флажки, поставили палатки, торгующие елочными игрушками, сладостями и прочими разностями, вселяющими в душу радость и ожидание чуда.

Став взрослыми, мы с детской наивностью продолжаем верить, что новогодняя ночь будет особенной, но по истечении пары дней после боя курантов правда жизни возвращает нас на землю, устланную цветными кружочками конфетти, сиротливо поблескивающей на утоптанном снегу мишурой и смятыми спиральками серпантина. Деда Мороза нет, подарки под елкой хоть и куплены с любовью, но все же куплены, а не привезены на санях, запряженных волшебными коняшками, деньги, с таким размахом и предновогодним куражом тратившиеся накануне, оставили в кошельке своих жалких собратьев, и до полочки придется довольствоваться тем, что осталось в холодильнике и по каким-то причинам не было съедено под речь президента.

Тоска и уныние.

Все верно.

Сейчас у меня именно такое настроение. Галка, конечно же, и не думала приезжать, решив, что мой ночной звонок ей приснился, уж больно спутано было все и нереально, и только мои затаенные в голосе слезы, когда я с надрывом спросила: «И где тебя носит?», заставили ее бросить свою глину, выключить печь для обжига керамики и рвануть в город.

Сейчас, наплакавшись друг у друга на плече, настучавшись вволю в дверь соседок с пламенным желанием прижать их к стенке и выпытать рецепт пирожного «Чаровница», мы тащились в троллейбусе в сторону выставочного зала. Хоть как-то развеяться, хоть что-то изменить в своей жизни.

– Пойдем! Там будет здорово! Организаторы обещали легкий фуршет и нелегкую встречу с поклонниками расписной керамики. Говорят, мой чайник «Петух» особенно популярен и ко мне с заказами записываются в очередь.

Ну как лишить подругу минуты славы? Несмотря на желание зарыться под одеяло и оплакивать свою судьбу, я умылась, причесалась, натянула праздничные джинсы и отправилась служить оруженосцем при своем неугомонном Дон Кихоте.

Галка, пытаюсь меня развлечь, рассказывала последние поселковые новости, я же слушала ее вполуха и рассеянно смотрела в окно, покрытое по краю замысловатым ледяным узором. Провела по завитушкам пальцем, стирая их четкие линии, нарушая тем гармонию рисунка, и безрадостно подумала, что Евклидово пространство никуда не делось. Видимо, для его полного обнуления недостаточно красочных снов, нужна сермяжная реальность. Мужик должен быть рядом. Целовать, прижимать, лапать. Все остальное – фантазии старой девы. С поправкой, что не дева и не такая уж старая.

Когда-то в детстве вот также я ехала в троллейбусе и смотрела в украшенное узорами окно. Открывающийся за ним мир мне, пятилетней девочке, казался сказочным, краски яркими, а люди – принцами и принцессами, феями и гномами. Как же все просто тогда было! Сейчас при всем желании я не смогла бы увидеть в мужчине короля...

Я буквально прилипла к окну.

Я видела короля. Он стоял у цветочного магазина и широко улыбался.

– Галка! Там мой король!

Немногие пассажиры в удивлении оглянулись на меня, потом воззрились туда, куда я тычу пальцем и, не увидев обещанного короля, наверняка подумали, что рядом с ними находится сумасшедшая или, в лучшем случае, экзальтированная девица. Но мне было наплевать.

–Бежим, бежим! Он там! Мой король, мой халиф, Чингачгук!

Галка не поняла, но поддавшись моему призыву бежать, заверещала:

– Остановите, пожалуйста! Мы сойдем!

– На остановке сойдете, – флегматично ответил водитель. Если пассажир не в крови, не лежит в глубоком обмороке и не держит в руке гранату, остановка будет только в положенном месте. Или, при угрожающей здоровью людей настойчивости, у ближайшего отделения полиции.

Я не угонщик и не дебошир, ради которого сажают самолеты, я – среднестатистическая гражданка, которая выделяется из толпы горящим взором и искусанными от нетерпения губами. Такая не приставит к виску пистолет и не бросится отнимать руль.

А мне хотелось. И почувствовать сталь холодного оружия, и крутануть руль. Я с тоской следила, как троллейбус удаляется от вождленного перекрестка, и была уверена, что побегу я назад даже со скоростью пули, моего короля на месте не окажется.

– Клик–клик, – неторопливо переключались какие–то части троллейбусного механизма, а мы с Галкой плясали у двери, в надежде вылететь сразу, как только нам позволят обрести свободу.

Люди шарахались от бегущей парочки. Галка держалась за край моего шарфа, чтобы не упустить меня, словно я воздушный шарик, рвущийся в небо.

«Куда летим мы с Пятачком большой–большой секрет!»

И не беда, что Пятачок был с носом вороны, а его упитанность стремилась к отрицательным величинам, а флагман, хоть и напоминал в дутой куртке Винни, но отличался особой миловидностью и дурацкой улыбкой, цветущей на его лице, и черт с ним, что сводило от холода зубы, улыбку я не прятала, ведь впереди маячила четкая цель, до которой осталось рукой подать. И никаких ошибок!

На углу перекрестка стоял Замков.

Когда осталось всего лишь дожждаться, когда погаснет красный свет и позволит нам перебежать дорогу, светофор, сговорившись с злодейкой судьбой, предоставил свободный доступ к телу моего короля другой девушке, спешащей к нему с противоположной стороны перекрестка с не меньшим рвением и с едва ли менее широкой улыбкой на хорошеньком лице.

– Павел! – крикнула она и помахала ладошкой в варежке, выделяя себя из толпы людей, переходящих дорогу.

Король обернулся и широко раскинул руки, куда и прыгнула блондинка, чьи волосы за секунду до того красиво развевались на бегу. Блондинка! В объятиях короля другая блондинка. Не я, которая потратила чуть ли не полмесяца ночной жизни, чтобы доказать, что блондинок любить можно и нужно...

– Красивая пара, – кисло заметила Галка.

Король как всегда был великолепен. Никакого трико, как у того братка из нашего подъезда,

Никакой бесформенной куртки.

«Острижен по последней моде,

Как dandy лондонский одет».

И на нем висит юная нимфетка. Сашенька Винт.

Красный переключился на зеленый, потом вновь на красный, а мы все стояли с вытянутыми лицами. На излучающих счастье смотреть было невозможно. Резало глаза. Холодный ветер торопился превратить слезы в льдинки.

– Не мучай себя, пошли! – Галка потянула за рукав.

Шевельнув помпонами вязанных шапок, мы развернулись и поплелись на остановку. Теперь Пятачок с упорством ледокола вел грустного Вина, который утратил способность летать.

Мы почти не разговаривали.

На выставке было тихо. Красиво. И холодно.

Ледяное шампанское обожгло пузырьками.

Эти пузырьки по известному только им пути добрались до головы и как следует ударили в мозг. Вторая пузырьковая атака довершила катастрофические разрушения, и речь Галки, не отстающей от меня в поглощении шампанского, стала невнятной. Я особо не расстроилась, потому как пойму подругу в любом состоянии, но речь была презентационной, и гости выставки знатно повеселились.

Чуть позже, сразу после показательного выступления лучшего мастера по керамике, третья порция пузырьков заставила и меня включиться в праздник, и мир вновь стал красочным. Теплым и уютным.

Из окна такси даже показался сказочным. По улицам бегали единороги, а над городской елкой дугой раскинулась радуга.

Ближайший магазин одарил нас бутылкой рома и мешком льда, а супермаркет кустиком мяты, лаймом и банкой Швепса. Мохито – это то, что требует душа! Сладко и вкусненько.

– Коричневый сахар забыли! – напомнила Галка у самой кассы.

До дома дошли поддерживая друг друга, на всякий случай постучались, а потом попинали дверь соседок и, не дождавшись ответа, пошли к себе.

В полночь, когда бутылка рома опустела, а лед в хрустальной вазе (гулять так гулять!) растекся в лужу, пошли еще раз навестить соседок. Если они ведьмы, то обязательно должны участвовать в нашем шабаше. Вышедшая на грохот Наташа призналась, что она самая настоящая ведьма. А какой еще может быть женщина, если к ней приперся бывший муж со своей молоденькой пассией? Типа навестить сына. Месть была страшна – она отдала сына отцу на все выходные, испортив пассии не только романтический ужин, но и пару ночей с завтраком в постель. Димка даст им жару. За него можно не переживать, он сможет за себя постоять. И потом отцу ведь отдала, а не незнакомому дядьке.

«Все под контролем!» – уверенно заявила Ната, показывая нам литровую бутылку текилы. Попинав соседскую дверь (это стало традицией и членским взносом в клуб), новоиспеченная ведьма присоединилась к нашему шабашу.

Теперь лайм улетал вместе с солью. На брудершафт вылизанные руки и пьяные объятия закончились в постели. Ничего такого там не случилось, хотя и могло. Все три девицы уже несколько лет жили без мужиков. Моего короля всеобщим голосованием было решено не засчитывать – мало ли кому что снится. Кому–то Депардьё, а кому–то Стивен Сигал. Оба раза фу! Все мужики козлы. А к старости еще и толстые козлы.

Проснувшись среди ночи, и ощутив острую потребность выпить холодной воды, я поплелась на кухню. Доставая бутылку минералки, увидела совсем другую. «Любарум».

А что? Я сейчас как раз в том состоянии, чтобы не отвечать за свои поступки. Я смелая и дерзкая. Попадись мне в руки хоть какое Чудище, как пить дать останется без аленького цветочка.

Пять капель, и я... на берегу мрачного моря.

Волны накатывают самым зловещим образом, словно исподтишка готовясь лизнуть мои босые ноги. Дует холодный ветер. Я обхватываю себя за плечи и застываю словно могильный камень. Куда идти? Чего ждать?

Время тянется бесконечно. Сажусь на стылый песок и смотрю вдаль, откуда надвигаются тучи. Будет шторм. Ветер рвет мои волосы на пряди, больно хлещет ими по спине.

Хочется тепла.

Горячая рука ложится на мои плечи. Я оборачиваюсь. Улыбка медленно сползает с моего лица. Рядом садится Галка. Она тоже в пижаме.

– Я с тобой! – ее взгляд – смесь участия и душевного тепла. Она как никто другой понимает, что сейчас происходит.

– Он не пришел. И уже никогда не придет, – жалуясь я. Подруга обнимает меня крепче и кладет голову на мое плечо.

Так и сидим, пока из странного сна не выдергивает Галкин телефон.

– Да? – отвечает она после минутного метания по квартире в поисках сумки. – Хорошо. К понедельнику будет готово.

Опять легла рядом и обняла. Наташа, сонно развернувшись, обняла с другой стороны:

– Привет?

Субботнее утро было хмурым, несмотря на впервые за неделю высунувшееся солнце.

– Мне пора домой, – завозилась Галка. Поднялась и кряхтя принялась собирать вещи. – Никто не видел мой второй носок?

Он почему-то оказался надетым на недопитую бутылку текилы. Видимо, так наше подсознание подсказало, что пора завязывать. Не вижу бутылки, не иду к цели.

– Я с тобой! – я решительно скрутила волосы в высокую фигу. А чего сидеть в городе? Работы нет, мой король-извращенец обнимает несовершеннолетнюю нимфетку, которую совсем недавно гнал от порога, старухи ушли в глубокое подполье...

– Кстати о соседках, – зевая, произнесла Наташа. – Они еще вчера попрощались со мной. Говорят, нашли новую квартиру. Поспокойнее.

– А чего ты тогда дверь пинала? – Галкины брови взлетели под челку.

– А почему бы не попинать, если в ответ ничего не прилетит?

Мое похмелье отяготилось обидой. Сестры не посчитали нужным попроситься со мной.

– И что значит «квартира поспокойнее»? – с запозданием возмутилась я, смутно подозревая, что главная причина бегства старушек кроется во мне.

Наташа досадливо махнула рукой.

– Мой Димка им досаждал. Вы же знаете, какой он крикун. Как разыграется, не остановить, стены трясутся.

– Нормальный ребенок, – буркнула Галя, сунув в руки Наты недопитую бутылку текилы.

– Чего ты?

– Унеси, иначе меня стошнит. А мне к понедельнику первую партию кружек нужно сдать. Женька поможет. Глину месить будет. Ей сейчас все равно кого месить.

– Я бы тоже с вами. Месить. Но мне надо в городе оставаться. Мало ли... Вдруг Димка позвонит?

Мама, папа! Я еду к вам!

Глава 18. Из пункта «Любовь» в пункт «Ненависть» и обратно

Женская ненависть, собственно, та же любовь,
только переменившая направление.
Генрих Гейне

Трясаясь в автобусе, я представила, как вхожу в родительский дом, бросаю на пол рюкзак и падаю на колени. Возвращение блудной дочери. Нелюбимой никем, безработной.

– Твои вечером на манты звали, – Галка внесла в мою картину дополнительные краски – запах баранины, смешанной с луком и добротной посыпанной черным перцем. Я закрыла глаза и увидела тончайшее, приготовленное на пару тесто, через которое просвечивают кубики мяса. Густая сметана сползает с лоснящегося бока...

– Может сразу к ним рванем?

– Не может, – отрезала Галка. – Мне заказ доделать надо. Вот как намесишь гончарного теста целый ящик, так сразу и рванем.

– Это же я до ночи катать колобки буду! – возмутилась я, вспомнив какого размера тот ящик. – Сдохну от голода.

– У меня дома грибной супчик есть. В обед похлебаем. Ломовых лошадок тоже положено кормить.

Ну что сказать?

Жизнь налаживается.

Я вкладывала в глину всю накопившуюся энергию, била с такой силой, словно она была виновата во всех моих неудачах.

– Э–э–э! Поосторожней, ты мне так верстак ломаешь! – пыталась урезонить меня подруга, но я не унималась: скатав очередной колобок, ударила его о деревянную столешницу.

– Каравай, каравай, кого хочешь выбирай! – мстительно пропела я, радуясь результатам своего труда – бывший колобок стал плоским, как кавказский хлеб.

– Это всего лишь перебивание глины, а не ее избиение! – качала головой Галка, а я, стряхивая со лба пот, зло смеялась в ответ. Услышав

меня, Джокер устыдился бы своих потуг напугать граждан Готэма смехом.

Перебивание – весьма занимательный процесс, когда негатив, не дающий покоя голове, находит выход через физическое действие. Все мои отрицательные эмоции выбивались так же неотвратимо, как пузырьки воздуха из глиняной массы.

Разрезав каравай пополам металлической струной, я жახнула лепешку об верстак, следом запустила вторую половину.

– По правде говоря, у меня еще никогда не было такой эластичной глины, – Галка раскатала между ладонями небольшой комок, а полученный жгут согнула пополам. – Смотри, как масло. Ни единой трещинки!

– Теперь будешь знать, кого звать на помощь, – я взяла в руки колотушку.

– Ага. Только для этого тебя придется раздраконить. Ой, я даже знаю как!

Она вытерла руки о влажную тряпку и побежала в соседнюю комнату. Через минуту вернулась с журналом в руках.

– Опа! – крикнула Галка и сунула мне под нос фотографию Замкова. Колотушка заработала со скоростью отбойного молота.

– Опа! – фотография опять появилась у меня перед глазами, и плоский блин свернулся в тугой–претугой рулон.

– Все! Хватит! – скомандовала подруга, и журнал закрылся. – Кидай сюда!

Она открыла деревянный ящик, где уже лежало сделанное мною гончарное тесто и, тщательно укутав глину, похлопала меня по плечу.

– Молодец! Заслужила хороший ужин. Айда к твоим родителям.

Уже одевшись, я услышала, что в брошенном в спальне рюкзаке надывается телефон.

– Подожди, я сейчас!

Галка закрыла распахнутую было дверь, запустив в сени поток морозного воздуха.

– Да? – я приложила мобильник к уху. Не ожидала, что вновь услышу голос Кирюсика. Он звонил с незнакомого номера.

– Ключева! Где тебя носит?

У меня дежа вю?

На всякий случай подошла к окну. А вдруг?

У ворот никакого внедорожника с Бугаем за рулем. Это даже немножко расстроило. Только–только душевное равновесие восстановила, думая о том, какие манты налепили мои родители, и на тебе...

– Пусть я буду выглядеть грубой, но какое вам, Кирилл Петрович, дело? За документами в отдел кадров я в понедельник зайду. Всего вам хорошего.

– Стой, Ключева! Не клади трубку! Я за тобой машину пошлю, только скажи, куда?

Это уже интересно.

– А зачем вам, Кирилл Петрович?

– Жить без тебя не могу. Твой сменщик саботаж устроил. Отказывается внеурочно работать, видите ли, к нему невеста из Питера приезжает.

– Марию Степановну позовите. Будете ее на руках носить и в инвалидном кресле катать. Она, небось, меньше меня весит?

– Да, и задница у нее не такая мягкая...

– Я сейчас положу трубку...

– Все–все. Больше не буду, – Кирюсик перешел на более деловой тон. – Приходи. Честное слово больше никаких подколов с моей стороны.

– А Светлана Сергеевна?

– Она лично перед тобой извиниться хочет. На, – сказал он кому–то и трубка, пошуршав, явила голос шефини.

– Евгения Петровна! – Ух ты, как официально! – Возвращайтесь. Меня ввели в заблуждение, и я погорячилась. Вы отличный специалист, и нам будет жаль, если вы перейдете работать в другую аптеку. Я пойму, если вы откажетесь. Я даже дам вам рекомендации, но... возвращайтесь.

Кто подменил Светлану? Дать рекомендации уволенному? Не стереть в порошок, не отравить жизнь, а написать доброжелательный отзыв? Ничего не понимаю...

– Я... Я подумаю.

– Я буду ждать вашего звонка, – предел искренности был достигнут. На большее Светлану не раскрутить. Но как? Кто сумел?

– Так куда за тобой прислать машину? – Кирюсик даже не сомневался, что я приму нужное решение.

– В Тихие воды, – все еще находясь под впечатлением, ответила я. – Кирилл Петрович, а вам точно жену не подменили?

– Все! Она согласна! – крикнул он куда-то в сторону. И зашептал: – Как приедешь, все расскажу.

– Сегодня не приеду, – я вспомнила о мантах. – Завтра машину подадите.

Могу себе позволить царственный тон.

– Ладно, – засмеялся Кирюсик. – Завтра в семь она у тебя.

Манты были такими, как я представляла. И мясо просвечивало через тонкий слой теста, и запах душистого перца приятно щекотал нос.

За столом собрались все те же – пришли Самоделкины.

– А мальчика куда дели? – поинтересовался папа, заноса в комнату главное блюдо.

– В город уехал, – откликнулся глава семейства, ловя на вилку ускользящий гриб. Под водочку опять самое то. – С друзьями.

– Пусть погуляет, там сейчас красиво, – качнула головой раздумывавшаяся с мороза тетя Лиза. И уже шепотом добавила: – Подарки обещался купить. Все лето в фермерском хозяйстве работал, пришла пора открыть кубышку.

– Что, домашний арест закончился? – мама внесла сотейник со сметаной и чашку покрошенного зеленого лука – он у нас на подоконнике на кухне растет. Приятно зимой частичку сочного лета увидеть. Зеленые колечки посыпались на горкой уложенные манты.

– Закончился, – улыбнулся дядя Коля, придвигая поближе вазочку с солеными огурцами. Выбрав самый пупырчатый, смачно его откусил. – Ох, и хороши у тебя огурцы, соседка! Так и хрустят!

– К Илюше сегодня та самая девушка приезжала, – тетя Лиза расправила на коленях полотенце, выданное вместо салфетки. – Люблю, говорит, забыть не могу.

– Кому говорит? – уточнила Галка. Ну на самом деле, а вдруг родители подслушивали, а сейчас выдают Илюшкины тайны?

– Ясное дело, нам, – удивился дядя Коля, не представляя, кому еще могут быть сказаны такие слова. – Мы же ее на порог не хотели пускать. Думали, вертихвостка. А тут, оказывается, любовь. Ну и наш бычок лбом в дверь уже бился.

Я замерла. Даже дышать перестала. Это что же получается? Сашенька Винт одному на шею кидается, другому в любви признается?

Галка положила руку на мою ладонь, крепко обхватившую вилку. Если бы та не была мельхиоровой, точно согнула бы пополам.

– И вы вот так поверили и отпустили? – Галина напирала. – А вдруг ваш Илюшка расслабится, опять с поцелуями ползет, а тут раз и видео–доказательство его плохих намерений? Может, ей фактов не хватило, чтобы заяву написать?

Тетя Лиза поперхнулась.

Мы дождались, когда она прокашляется и выпьет полстакана воды, услужливо поднесенной мамой.

– Так Сашенька не одна была. С ней пришел тот самый родственник, что в прошлый раз нашему Илюшке врезал.

– Я как увидел его, быстро за лопатой в сарай сбегал, – добавил дядя Коля.

– З–з–замков здесь был? С–с–сегодня?

Все удивленно уставились на меня.

– Ну, да, пришел извиниться, что не понял, как дети привязаны друг к другу. Они же даже переписываться не перестали, хотя мы телефон у Илюши отобрали. Он у одноклассника другой взял. Этот ваш Замков дал слово, что присмотрит за ними. Илья уже звонил – остановились в лучшей гостинице, у девочки отдельный номер. Говорит, не по–мужицки данное нам слово нарушать, все будет чинно и благородно. Вечером на концерт пойдут. Кто–то там из столицы приехал.

Я видела развешанные по всему городу плакаты Тимати.

Вот, значит, как?

Но что изменилось? Почему Замков не только встал на сторону Сашеньки Винт, но и помогает ей в любовных делах?

Честно говоря, причину появления Замкова в нашем городе я приписывала себе.

Да, нескромно.

Но ведь ночи, проведенные вместе, внушали надежду, что он будет искать меня и в реальности. И в аптеку прибегал. Пусть объяснил это разбитой бутылкой «Любарума», но ведь прозвучали

слова, что он без него обойтись не может? Отсюда вполне логический вывод, что виной тому я...

А теперь, выходит, король в нашем городе из-за Винтика со Шпунтиком? В купидоны решил поиграть?

Боже, как все запутано!

Сны, соседки, пирожные...

И в итоге все растаяло как дым.

Единственное, что у меня осталось – это слабая надежда, что Замков когда-нибудь еще раз придет в нашу аптеку. Ну, или мы с Галкой выкрутим руки Шпунтику, чтобы он под каким-нибудь предлогом свел меня с Замковым в одном месте и в одно время.

– А в какой гостинице они остановились?

Все опять подозрительно посмотрели на меня. Действительно, какое мне дело?

– Ну, если гостиница лучшая в городе, то и Тимати там остановится. А вдруг они встретятся со своим кумиром? Вот будет Илюшке счастье!

Галка пнула меня под столом, сигналив, что отмазка ненатуральная, лучше заткнись.

– Сейчас посмотрю. Запомнила название, – тетя Лиза прошлепала в коридор, вытащила из кармана шубы мобильник, потыкала в кнопочки и сунула нам с Галиной под нос фотографию, где на фоне гостиницы «Старый город» стояли трое: Саша, Илья и Павел. Маленькая хрупкая школьница на фоне двух аполлонов. Я увеличила фотографию, чтобы рассмотреть лицо Павла, и чуть не вскрикнула: в руке, нарочито небрежно, он держал бутон красной розы. Не Сашенька Винт держала, не Илюшка Самоделкин, а Замков. И так, чтобы цветок был виден и обязательно попал в кадр. И улыбка такая загадочная, и бесовский огонек в глазах...

Я сумасшедшая?

Наверно.

Скорее всего.

Но так хочется верить, что все неспроста и роза для меня.

Как намек на аленький цветочек.

Чудище. Мое Чудище...

– Мы будем сегодня есть? Манты стыннут, – вернул меня на землю папа. – За что выпьем?

– А давайте за наших детей? – дядя Коля с готовностью поднял рюмку. – Чтобы все у них получилось, и они были счастливы!

– Мы за! – ответила Галка, но обошлась компотом из сухофруктов. Я тоже. Нам и вчерашнего хватило.

А в душе у меня пели соловьи, и я сильно жалела, что отказалась от предложения Кирюсика пригнать машину сегодня. Сейчас бы рванула в гостиницу и как бы случайно прохаживалась по тамошним бутикам. А вдруг встретились бы, и стрела Купидона пронзила бы наши сердца не во сне, а наяву? Мы сразу бы все поняли и рванули к Замкову в номер...

Нет. Туда нельзя. Там Илюшка должен мужицкое слово держать.

Тогда ко мне!

Черт, и ко мне нельзя...

«Йо–хо–хо! И бутылка рома!»

Дома бедлам, постель расправлена, на кухне ошметки лайма и много–много пустых бокалов и рюмочек.

Плохая мечта.

А завтра все может быть совсем иначе. Тимати уедет, москвичи рванут к себе в «Барскую усадьбу» (раз помирились, может и такое случиться), а Илюшка вернется в поселок. С подарками.

Но шанс встретиться ведь всегда есть?

Домой, домой, надо домой!

Осталось вечер простоять и ночь продержаться.

Аптека! Я в тебе поселюсь! Потому что теперь это единственное место, куда может прийти Чудовище. Там все началось, там и закончится.

Я отправила фото с Лизиного телефона на свой. Знак, посланный мне, я увидела.

Прием–прием! Я на связи!

Глава 19. О невестах, «соплюшках» и пейсателях

«Перявозчик, перявозчик! Перявязи меня, девчоньчку
На ту сторону реки!
На ту сторону реки, да, толечко реки,
Е–е–е, там, в зеленом хуторочке,
Что на самом на ярочке,
Мой миленочек живет».
Свадебная песня «Зародилась сильна ягодка...»

– И чего ты уткнулась в свой телефон? – мама пододвинула чашку с зеленым чаем. После такого блюда, как манты, нужно пить непременно зеленый. И чтобы был обжигающий. И никаких конфеток – пирожных.

Стоило подумать о пирожных, как в памяти всплыла лодочка «Чаровницы» с марципановой жемчужиной на сливочном креме. Нет, от такого бы точно не отказалась...

Я убрала мобильник в сторону. Дома у Галки Чудищем налюбуюсь.

– ... а собой он так хорош, что девчонки, которые прежде за Илюшкой табуном ходили, теперь под его окнами дежурят. Караулят, когда он выйдет.

– О ком это тетя Лиза? – шепотом спросила я у Галки. Неудобно было признаться, что совсем не слушаю, о чем болтают за столом.

– А, о новых соседях. В доме Козловых поселились.

Козловы давно мечтали перебраться в город, видимо, шанс выпал.

– И чем он хорош? – любопытно же. О красивых мужчинах послушать всегда приятно.

– Я мельком в магазине видела и то впечатлилась. Волосы светлые, вьются словно у херувима, а глаза темные. И брови соболиные дугой. Сам вроде щуплый, а упаковку минералки весом в девять кило легко нес, играючи. Ни капельки не скособочился. И улыбка такая...

– Но–но! – оборвал жену дядя Коля, погрозив ей пальцем. – Нечего на чужие улыбки заглядываться. У бабы сын взрослый, а она все на посторонних мужиков смотрит.

– Чужое всегда вкуснее, – не без ехидства сказала тетя Лиза и зажмурила глаза, отхлебывая горячий напиток.

– Не понимаю людей, которые зимой минералку покупают. На кой она им, когда талая вода и полезнее, и мягче? Хоть пей, хоть голову мой, – это уже моя мама выступила. Она с тех пор, как переехала в поселок, не нарадуется здешней воде.

– Поговаривают, что сосед постарше – травник, а потому работает только с очищенной водой, – тетя Лиза долила себе чай, не обошла и мою чашку. А я и не заметила, как выпила. – Пока местную применять опасается. Видели, как он взял пробы льда из нашей речки. Наши не утерпели, спросили – на кой? Он ответил, что повезет в город на анализы.

– Ну и правильно, уважаю, – поддержал соседа Самоделкин–старший. – Значит и траву абы какую собирать не станет. К таким щепетильным больше доверия.

Когда обремененные грузом съеденного, мы поползли с Галкой в ее коттедж, она вдруг пихнула меня в бок.

– А давай мимо дома Козловых пройдем? Страсть как хочется на новых соседей посмотреть.

– Пошли, – вяло ответила я. Перебивание глины плюс сытный ужин гнули меня к земле. Так бы и легла в тот пушистый сугроб, что намело у забора. – Если не увидим, то хоть растрясемся.

На соседней улице было многолюдно, горели фонари. То тут, то там кучками стояли поселковые девчата. Между заневестившимися девушками (такowymi считали от пятнадцати лет и старше) сновали «соплюшки» – школьная мелкота. Они охотно делились тем, что только что услышали, и также сноровисто перебежали к другой компании, где вновь вызывали своими рассказами волну интереса. Всем хотелось знать последние новости.

Сплетнями не гнушались даже местные парни, которые хоть и стояли недалеко от дома Козловых, но явились сюда вовсе не за тем, чтобы посмотреть на новых соседей. По их мрачным лицам легко читалось, как у них чешутся кулаки. «Невест» это заводило еще

больше, малолетки сновали все интенсивнее, а энергия, скопившаяся на участке в три двора, аж потрескивала.

Когда появились мы, один из парней, встретив нас хмурым взглядом, сплюнул. «И эти туда же!» – легко прочиталось в его взгляде.

– Эх, недолго новенькому лицом красоваться, – вздохнула Галка. – Подпортят, как пить дать!

Поймав одну из «соплюшек», которая бежала мимо с вытаращенными глазами, Галина тряхнула ее за плечи.

– Рассказывай!

Та помялась, но Галка держала ее так цепко, что той ничего не оставалось, как быстро все выложить и отвязаться от нас. Малявка затараторила, поглядывая на развернувшихся в нашу сторону девчат, молчаливо выражающих недовольство сей остановкой. Оно и понятно: лазутчик, несущий им новость, был перехвачен потенциальными соперницами.

– Молодому двадцать семь, зовут Богданом, паспортистка назвала его раздолбаем, потому что профессии настоящей нет...

– А не настоящая? – я уловила подвох. Поселковая паспортистка помнила похороны Ильича и любую другую профессию, кроме «пряха, сваха и депутат», не признавала.

– Пейсатель, – девчонка сделала козью морду, явно повторяя слова уполномоченного лица.

– Что пишет–то? – никогда не видела живого писателя.

Девчонка неопределенно пожала плечами. Галка, воспользовавшись моментом, перехватила ее за капюшон куртки.

– А второй?

– Дедушка? Тут все думают, что его зовут Владислав, а паспортистка Кулему поправила – Ладислав. Он совсем старенький, ему шестьдесят четыре. Говорят, он раньше работал врачом, а сейчас на пенсии.

Кулема – местная сплетница. Та первая обо всем узнавала, имея взаимовыгодные отношения с властью имущими Тихих вод. Через нее осуществлялась челночная связь – народ–правление. Кулема держала нейтралитет, но если народ желал донести до поселкового правления недовольство его действиями или желал указать на какую–нибудь несправедливость, то Кулема была тем человеком, который костыми ляжет, но в красках осуществит свою миссию – донесет. Правление не

оставалось в долгу. Прежде чем двинуть идею или новшество в массы, сначала «по секрету» извещало об этом Кулему, и та активно собирала народное мнение. Иногда мнение было настолько отрицательным, что новшество так и не внедрялось, и Кулема дулась на «верный источник» за такую подставу.

– Фамилия у обоих Тихомировы, – торопливо выдала девчонка и с тоской посмотрела на стоящую поодаль компанию, где одна из главных «невест» гневно подвигала бровями. Если бы Галка не вцепилась в малявку, та давно рванула бы туда.

– Отец с сыном что ли?

– Нет, паспортистка сказала, что Богдан Ладиславу племянником приходится. Тетеньки, отпустите меня, пожалуйста! – взмолилась, наконец, девчонка. – Мне сестра пендалей надает, если я сейчас же к ней не подойду!

– Какие мы тебе тетеньки? – возмутилась Галина, но не желая болезненных пендалей информатору, отпустила на волю.

Не знаю, чего ждала толпа, но дом Козловых был тих. Светилось лишь одно окно, но и то было плотно занавешено. Вероятность того, что хозяева покажутся на крыльце, была равна нулю. Ни скотины, ни птиц, которых следовало бы покормить, не наблюдалось: в сарае никто не похрюкивал – не покрывал. С чего высовывать нос на мороз?

– Вот и прогулялись, – сказала я Галке, беря ее под руку. Вдруг за забором что-то зашуршало, громко стукнуло о железные ворота, скребануло по массивной двери.

Мы от неожиданности подпрыгнули.

– Смотри, собака!

В щель между створками ворот на нас смотрел огромный пес, но с такой милой мордой, что мы невольно разулыбались. Он, увидев, что привлек наше внимание, принялся перебирать лапами и повизгивать от нетерпения. Как будто бы просил, чтобы его выпустили наружу.

– Поиграть хочешь, бедненький, попрыгать–побегать? – противным голосом запричитала Галка. Таким обычно воркуют восторженные девицы, увидев одно из тех существ, чья оценка «какая прелесть» вот-вот достигнет пика «ми–ми–ми». – А вредные дядьки не дают – не пускают?

Пес прижал уши и заскулил, вторя Галке.

Та расхрабрилась и сунула руку в щель. Пес ее облюндовал с усердием.

– Ну вот и познакомились! – почесала Галка нового друга за ухом. – Женька, посмотри какая псинка. Чудо!

Дверь дома со скрипом открылась, но на крыльцо никто не вышел. Пес виновато обернулся, вильнул хвостом на прощание и в три прыжка скрылся в темном проеме.

– Ах! Не вышел! Хоть бы слово сказал! Или свистнул!

На заборе висело с дюжину девиц. Мы, не ожидая того, оказались в числе настырных поклонниц.

– Пошли отсюда, – буркнула я. – Еще насмотришься на своего соседа. А мне он ни к чему. Меня в городе ждут.

– Кирюсик, что ли? – хохотнула Галка.

– Да. И Светлана Сергеевна. И Наташка, с которой мы завтра же прикончим текилу. Я очень нужный человек. Всем.

И пусть только попробует Чудовище меня не найти...

В семь утра у калитки посигналил Бугай. На его небритом лице сверкала белозубая улыбка: то ли радовался встрече со мной, то ли тому, что в этот раз не придется убирать снег.

Расцеловавшись с Галкой, которая ни свет – ни заря включила свою печь для обжига, по минутам расписав план на сегодняшний день (ни в одном из пунктов школьная подруга не значилась), я со спокойной душой отправилась в город.

– На этом перекрестке направо, – подсказала я, видя, что Бурай Алиевич поворачивает не в ту сторону, но он качнул головой.

– Там дерево поперек дороги упало. Я уже поздоровался с ним, когда к тебе спешил.

Мы ехали как раз по той улице, где вчера весь снег утоптали поклонники «пейсателя».

Во дворе дома Козловых стояли красные «Жигули».

– Бурай Алиевич, посмотрите, эта не та самая машина, которую мы в прошлый раз вытаскивали из сугроба?

– Похожа, но за забором номеров не разглядеть. Я бы по номеру мог сказать.

– Остановимся? – я прямо загорелась. – Поприветствуем нашего Деда Мороза?

– Точно! – хохотнул Бурай. – Верно подметила! Тот бабай на Деда Мороза был похож.

Бугай всех пожилых мужчин называл бабаями, к этому я уже привыкла.

«Бабай, подвинься, пожалуйста! – ласково говорил он какому-нибудь старику, что замешкался у входа в аптеку. – Видишь, люди товар несут».

Я вышла из машины и заглянула за забор. И от неожиданности чуть не ухнулась на попу: с той стороны подпрыгнул пес и радостно залаял, приветствуя незваную гостью. Овчарка. Большая, пушистая, с красивым переходом рыжей масти в черную.

– Амур! Ко мне! – послышался грозный оклик, и на крыльцо вышел молодой человек. Теперь я понимала, отчего вчера на улице собралась демонстрация. Вроде бы одет небрежно – потертые джинсы, оверсайз свитер крупной вязки, растоптанные кроссовки, но мое женское сердце дало сбой, стоило посмотреть на лицо...

Богда–а–а–ан...

Именно так, с придыханием, с тем же глупым восторгом в голосе. Если пес был в сантиметре от «ми–ми–ми», то этот представитель человеческого рода занимал наивысшую точку. Взлохмаченные кудри пепельного цвета, в которые так и хотелось запустить пальцы, темные глаза с такими длинными ресницами, что их и отсюда было заметно, белое лицо без намека на щетину и губы... Ох, какие у него были губы...

А улыбается как...

– Вы к моему дяде? – спросил Богдан.

Я очнулась. Быстро сняла с лица глупое выражение полного восторга. Покраснела. Отругала себя за то, что была застигнута с высунутым языком.

«Право слово, ничуть не лучше овчарки, которая прыгает за забором».

– Нет... Да...

Видимо Тихомиров–младший привык к такой реакции на него, поэтому дал время определиться. Определилась.

– Скажите, пожалуйста, а у вас кошка есть?

– Нет, у нас только собака.

Пес головой ткнул хозяина в бедро, отчего тот пошатнулся и одним строгим взглядом заставил животное успокоиться, сесть, как и положено дрессированной овчарке, у левой ноги.

– Жаль. Я кошек люблю, – чертовы эндорфины. Несу всякую чушь. – До свидания.

– До свидания, Женя.

– Ну, что? Номер посмотрела?

– Да... Нет... – опять я за свое!

Бурой сдвинул брови, выворачивая на дорогу, ведущую в город.

– Я хотела, но из-за собаки не смогла. А потом забыла...

– Женщина! – Бугай со вздохом поставил клеймо на моем лбу.

– Не думаю, что это наш бабай, – обиженно ответила я. – У того была кошка Мурчена, а у этих только собака.

– Может сдохла?

Я не ответила. Сидела словно пришибленная и мысленно прокручивала одну и ту же фразу. «До свидания, Женя». Меня называли по имени...

Откуда Богдан его знает?

Мороз иголочками пробежался по позвоночнику.

Мистика какая-то...

– Никакой мистики! – успокоила меня Галка, с которой я тут же связалась. – Я тебя вчера по имени назвала, как раз тогда, когда открылась дверь. Вот он и запомнил.

– Ага, и среди дюжины лиц выделил...

– Так мы с тобой там самые взрослые были. Остальные чуть старше «соплюшек». Как таких тетенок не запомнить? Все. Не звони мне больше по пустякам. Некогда мне.

Галка отключилась.

Интересно, а узнать номер красных «Жигулей» пустяк или нет?

Я представила, как Галка с силой швырнет телефон об стену, стоит мне попросить ее сбегать посмотреть номер машины нового соседа.

Ой, а может быть маму послать?

Угу. Чтобы она решила, что я тоже влюбилась в Богдана.

Я же не влюбилась?

Мне же никогда не нравились светловолосые мужчины?

Нет, конечно не влюбилась. У меня есть Чудище, которого я, как бедняжка Рапунцель, буду ждать в своей башне с милым названием «Пиллюля».

Эх, жаль, нельзя распустить косы, снять шапочку и маску. В таком наряде он меня точно не узнает, даже если я сама лично буду совать ему в руки «Любарум».

Но я–то его узнаю!

В голове мелькнули кадры из старого кино, где героиня, увидев любимого, стаскивает с головы косынку. Вот и я так же поступлю. Ухвачусь за колпак и медленно стяну его с волос, потом скину маску, расстегну халат, залезу на прилавок и...

Стоп!

– Ты чего? – Бугай так резко затормозил, что машину понесло юзом. Хорошо, что мы еще не выехали на трассу, и никого рядом не оказалось.

– Я вслух «стоп» сказала?!

– Женщина!!! – еще раз заклеил меня Бурай Алиевич. – Лучше бы ты спала, как в прошлый раз!

Дельный совет.

Глава 20. Возмездие

Будь на чеку, в такие дни подслушивают стены.
Недалеко от болтовни и сплетни ДО ИЗМЕНЫ.
Из советского плаката «Не болтай!»

Работать, работать и работать!

Зашла в аптеку сразу как закинула вещи домой.

Родной запах, родные лица.

Как бы не треснули эти лица от таких широких улыбок.

– Киса моя! – меня ждали распростертые объятия Кирюсика, но я ловко увернулась.

– Женька! Вот здорово! – дружеское пожатие от сменщика.

Я зашипела, вырвала руку из лапы Витьки и потрясла ею. Нет, слава богу, кости целы. Пальцы не превратились в кровавое месиво.

– Горн! Ну разве можно так с дамой! Я понимаю, ты от избытка чувств...

– Прости–прости! – умоляющий взгляд кота из мультфильма о Шреке. – А можно я уже побегу?

– Куда?! – мой и Кирюсика голоса слились в один. Вот что значит – сработались. Стали почти родными.

– Ну, я же говорил, Настя из Питера приезжает...

– Ты говорил о восьми вечера, а сейчас и десяти нет. Утра, – Кирюсик постучал пальцем по Ролексу. С ухмылкой отметил, как у нас вытянулись лица. Нашел повод показать. Словно невзначай поправил манжету рубашки. – Моя любимая жена подарила.

Скромно так. С победно вздернутым носом. Интересно, как он Светлану Сергеевну виноватой сделал, раз она согласилась купить часы, на которые он полгода слюни пускал?

– А в квартире холостяка прибраться? – канючил Горн. – А в магазин за жрачкой слетать?

– Кирилл Петрович, пусть идет, иначе он мне все нервы попортит. Будет ежесекундно укоризненно вздыхать. А мне сверхурочно работать – не привыкать. Кстати, я не просто так пришла, а с ультиматумом.

– Каким? – выдохнул Кирюсик, зная, что теперь я легко могу загнать его в угол. Не халам–балам дважды прощать и возвращаться. А могла бы и взбрыкнуть.

– Раз я такая незаменимая, раз работаю, как ломовая лошадь, то и должна получать соответственно.

– Одной торбы овса нашей лошадке хватит?

– Если ваша торба эквивалент тысячи рубликов, то я сейчас же иду в отдел кадров писать заявление...

– Только не увольняйся!!!

Перебор котиков из Шрека на одну аптеку.

– ... на материальную помощь. Мне после всех ваших закидонов здоровье поправлять надо. Где–нибудь на море. А телега овса летом совсем не помешает.

Кирюсик что–то в уме прикинул, отполированным ногтем висок почесал, пришел к какому–то соглашению со своей совестью и выдал:

– Ладно. Договорились. Будет тебе телега овса. Лично приказ подпишу.

– А мне приказ? – Горн не мог упустить возможности урвать и себе кусочек.

– На отпуск без содержания? – видимо, разговор с боссом состоялся без меня. Кирилл сощурился и пожевал губы. – Три дня хватит?

Я милостиво улыбнулась. Что такое три дня, если почти две недели без сменщика работала?

– Да! Плюс оставшиеся от отпуска дни... – Горн, подсчитывая, поднял глаза к потолку. – Короче, Женька, встретимся в новом году!

Чмокнул в щеку и убежал. Даже переодеваться не стал, на халат куртку надел.

Я задохнулась от негодования.

Вот гад! Обдурил! Обвел вокруг пальца! Эх, надо было две телеги овса просить!

Кирилл Петрович дружески похлопал меня по плечу.

– Телега овса, Киса. Запрягайся.

И был таков.

– Девочка моя! Солнышко! – ближе к обеду на пороге появилась баба Зоя. – Думала уже не свижусь с тобой! Услали изверги в даль–дальнюю, оторвали от привычного коллектива...

Вот с кем обниматься было приятно.

Баба Зоя женщина не худенькая, но проворная. Она и полы помыть успела, и на стол накрыть.

– Кушай–кушай, деточка! Отощала, побледнела! А я вот блинчики с мясом принесла. И яблочного пирога кусочек.

– Блинчики! Мои любимые! – я сглотнула слюну, пододвигая к себе тарелку. Утром у Галки позавтракать не успела. – Баб Зоя, надеюсь, блины без сюрпризов? Повидлом мазать не станете?

Я помнила, как она любила проучить тех, кто глотает, глядя не в тарелку, а в телефон.

– А это смотря как ты себя вести будешь. Ежели опять уткнешься в свой айфон, хрена отведаешь, – и тут же закрыла пухлой ладошкой рот. – Ой, что сказала то... – Порывшись в сумке достала банку с хреном. – Вот, сама делала. Ядрены–ы–ый.

Не–е–ет. Такого хрена я не хотела. Быстро отложила телефон в сторону.

– Как ты тут без меня?

– Плохо, – пожаловалась я, запивая чаем жирные блины. – Обижали, напраслину возводили, даже уволили, но потом одумались. Не знаете, что тут у них происходило? Дошли слухи, что Марь Степановну окончательно на пенсию отправили?

– Мне и не знать? – баба Зоя раздулась от важности. – Я можно сказать, из первых уст информацию получила.

– Да ну! – удивилась я. Кто–кто, а Светлана не станет делиться подробностями личной жизни. Да и Кирюсик мог только в момент эмоционального подъема что–нибудь выложить. Вот как сегодня с подаренными Ролексами.

Уборщица поманила меня пальцем, призывая наклониться ближе.

– Наш–то королем ходит, – зашептала она, – потому как есть веская причина.

Баб Зоя многозначительно выпятила нижнюю губу и покачала головой.

– Я тебе говорила, что моя сноха в доме у Светланы подрабатывает? Генералит время от времени.

– Вы как–то жаловались, что наша шефиня строга. Демонстративно пальцем пыль по труднодоступным щелям собирает и под нос сует. Я думала вам сует.

– Не мне. Снохе. Вот и в этот раз, как только в городе появилась, вызвала мою Дашуню. «Кирилл Петрович, – говорит, – пока один жил, засрался».

Баба Зоя открыла банку с хреном, понюхала. Фыркнула, словно боевая лошадь. Я переложила телефон на подоконник, чтобы и соблазна не было.

– И что дальше?

– Дашка обычно ничего не рассказывает, потому как не о чем. Во время уборки дома редко кто из хозяев остается. А тут она аж вздрогнула, так дверь входной шарахнули. Столько крика было! «Все! Развод! Надоело штат ежегодно полностью обновлять! Одна Мария Степановна только и держится, и то в силу возраста!» А Кирюсик ей: «А ты не думаешь, что она специально всех со свету сживает, чтобы ее почаще на подмену звали? Тебя, стерва, накручивает. Света, ты же умная женщина, а на поводу у сплетницы идешь! Вот скажи, кто–нибудь из уволенных тобой хоть раз сознался, что был в моей постели? Легкий флирт – это не измена. Плох тот мужчина, что не может себе позволить на другую женщину взглянуть из–за того, что жена над ним с топором стоит. Ты что, хочешь из меня сделать тряпку? Кирюсик, к ноге?! Да я скоро себя уважать перестану, хотя другие, благодаря тебе, уже думают обо мне, как об альфонсе и подкаблучнике. Да, я заигрываю с девчонками. С ними я чувствую себя охотником, мужчиной, но я ни разу не позволил себе перешагнуть грань допустимого».

«А Женя Ключева? С ней тоже ни разу не перешагнул?» – Светлана аж взвилась вся.

«Хорошая девчонка, которая наслушалась басен от таких как баба Зоя и Марь Степановна и решила, что нет ничего лучше, как прикинуться лесбиянкой. Да я за версту вижу тех, кому мужчины неинтересны, вот и провоцирую ее. Жду, когда она проколется. Это просто игра, Света. Я так развлекаюсь. И это единственная моя слабость».

«А новенькая из пятой? С ней тоже просто играл?»

«Света, как генеральный директор «Пилюль» я просто обязан изучать личные дела наших работников, знать, кому можно доверять, а за кем стоит присмотреть. Ну, увидел, что у нее первый взрослый разряд, хотел проверить реакцию».

«И что? Проверил?»

«Хук левой был великолепен. Ты у нее спроси, случилось ли что иное, кроме моего «Бу!» у нее за спиной. С разворота так врезала, что я три дня в очках ходил. И между прочим, твоя Марь Степановна знала эту историю, но ей было интереснее вновь выставить меня ублюдком».

«Но там половина бухгалтерии сбежалась на грохот. У Сорокиной халат был расстегнут чуть ли не до пупа!»

«Давай трезво рассуждать, что они могли увидеть. Я лежу на полу, а раздосадованная Маришка застегивает халат. Тоже, наверное, наслушалась от Марь Степановны и иже с ней, что я люблю чужие сиськи помять. Так кто виноват, что твоя Сорокина так махнула рукой, что пуговицы с мясом вырвались? Вот и убежала, чтобы бельем не светить. Потом звонила, извинялась».

Пыл Светланы малость утих. Но, видимо, не все ее в ответах Кирюсика устроило. Было к чему прицепиться.

«Генеральный директор «Пилюль»! Может и владельцем себя возомнишь? Да твоих денег в бизнесе не больше десяти процентов крутится, остальные моего папы!»

«Э–эх, Света. А ты никогда не задавалась вопросом, где твой папа такие деньги взял?»

«Машину продал, дом, садовый участок!»

«Просто прикинь, сколько это стоит, и сравни со стартовым капиталом. Кстати, в моем сейфе кроме дорогих часов, которые я так люблю, лежит папка с документами. Посмотри ее, – он дал Светлане свой телефон. – Вот код».

Кирилл Петрович устал. Голос его стал спокойный такой. Дашуня говорит, что не узнавала беспечного Кирюсика.

«Что смотреть! Я просто позвоню папе! – шефиня швырнула телефон мужа на диван. – Он не раз намекал, что ты рядом со мной только из–за денег!»

«Дура ты, Света! – Кирилл Петрович махнул рукой. – Я ведь люблю тебя. И каждую морщинку, которую ты с таким маниакальным упорством убираешь, люблю. Как ты не поймешь, к красоте мужчины быстро привыкает, и держится рядом с супругой только потому, что разглядел в ней те душевные качества, что дороги ему. Я знаю, какой ты была и какой можешь быть. Остальное все наносное. Пустое».

Светлана Сергеевна схватила с дивана телефон и убежала в кабинет Кирюсика. У них в доме у каждого свой кабинет.

Через некоторое время вышла с бумагами. Руки трясутся, глаза покраснели.

«Эт–т–то ты выкупил у папы дачу и машину?»

«Да. И машину оценил, как самолет, и дачку вашу засратую, как дом в Ницце».

«Но почему молчал?»

«Я видел, как ты горишь, как тебе не терпится окунуться в этот бизнес. Как не поддержать любимую женщину? Я не хотел, чтобы ты была со мной из–за денег».

«Но откуда?!»

«Ты забыла, что я почти с детства работал моделью? Я был молод, голоден, не упускал ни одной возможности. Удачные вложения умножили мои средства втрое. Потом контракт с косметической компанией. Я до сих пор их лицо».

Тут он поморщился, потому как лицо было вовсе не модельным.

Хотя Светлана была заметно растеряна, но, уловив, как он скривился, вновь пошла в атаку.

«А зачем ты врешь, что у тебя аллергия? Не успел придумать что–нибудь более правдоподобное?»

«Света, оставь меня. Я устал и мне плохо».

Кирилл Петрович поплелся в спальню и рухнул на кровать. Дашуня едва успела выскочить из комнаты. Она там люстру протирала. Светлана Сергеевна между тем зашла в свой кабинет, через некоторое время выбежала. Уже стоя над Кирюсиком звонила какому–то врачу.

Дашка только услышала, как та воскликнула «Отек Квинке?! Но с ночи прошло более десяти часов!»

Кирилла Петровича увезли в больницу, а Даша, убираясь в кабинете у Светланы, вдруг поняла, что на ее компьютере видит себя. Только дома мы смекнули, что у Светланы по всей квартире были натканы камеры. Сын подсказал.

Баба Зоя откинулась на спинку стула и сложила руки на животе.

– И Светлана увидела, что Кирилл Петрович ложится спать здоровым, а просыпается опухшим? Никакой драки, настоящая аллергия!

– Вот именно. Вечером вернулись оба. Кирюсика обкололи, он сразу спать завалился. А Светлана сидела вся такая задумчивая. Она даже не сразу поняла, что от нее хочет Дашка. Пока моя сноха одевалась, она слышала, как Светлана Сергеевна кому-то заказывала часы Ролекс. Сказала, чтобы утром уже были у нее.

А сегодня хозяйка пришла в отдел кадров и приказала, чтобы они забыли номер телефона Марии Степановны, а ее близко к «Пилюлям» не подпускали, даже в качестве покупателя. Она в черном списке.

– Ой, наверное, Светлане Сергеевне придется пересмотреть свой черный список. Там ведь так много невиновных?

– Не так уж и много. Я тоже грешна. Нарассказывала тебе всяких небылиц, – баба Зоя виновато пододвинула ко мне блюдце с пирогом. – Но честное слово, я тоже жертва Марии. Правда, еще и преувеличила малость... Ты прости меня, деточка. Я не со зла. Просто хотела тебе помочь. А оно вона как вышло...

Баб Зоя заплакала. Я тоже.

Хлюпали носами, капали слезами в остывающий чай, пока треклятые колокольчики не возвестили, что кто-то пришел в торговый зал.

Нет, жизнь все-таки сложная штука.

Белое принимается за черное, а черное...

Не будем о черном. Не хочу.

Вот закончу смену, пойду домой, съем там яблочный пирог, напьюсь «Любарума» и буду ждать своего короля. Не может он не прийти, если я буду шептать: «Люблю тебя, только тебя!».

Конечно, я рисковала охрипнуть и навсегда остаться старой девой, если он так и не придет, но мы давно выяснили, что я не дева и не такая уж старая.

Пора бы остановиться на белой полосе.

Глава 21. О верблюдах, боссах под прикрытием и забывчивых сменщиках

- О, а ты смотрела вчера по телику «Величайшие преступники»?
 - Нет, я подглядывала за сестрой с ее парнем.
 - Глупая, пропустила такое шоу!
 - А вот и нет.
- Мультсериал «Детки из класса 402»

– Роднуля, привет! Ты как? – Галкин голос звенел, словно на улице не была почти полночь. Казалось бы, должна была устать...

– Спать собираюсь, – я так точно устала. Столько событий. – Уже попинала дверь соседей, поговорила с Наташей, которой еще утром вернули сына.

– Что, не вынесла молодуха ее сыночка?

– Не вынесла. Мало того, показала себя со всех сторон. Ушла, хлопнув дверью. Ната говорит, муж злой был, но, когда вошел в дом и она налила ему тарелку борща, оттаял.

– Согрелся, что ли?

– Душой оттаял. Забыл, что такое настоящий дом с настоящей женщиной.

– Сколько лет они в разводе?

– Почти два.

– Жень, а ты чего шепчешь?

– У меня Димка спит. Не смогла Нате отказать. Ты бы видела ее глаза.

– Хоть кому-то из нас повезло. Как ты думаешь, муж Наты останется или вновь уйдет очередную модельку искать?

Ната точно не была моделькой. Среднестатистический экономист со среднестатистической внешностью. Но она такая теплая, мягкая, домашняя. Наверняка к ней захочется прижаться и отдохнуть после острых локотков моделек, разоряющих семью, где мужику повезло ухватиться за жилу и раскрутить ремонтную мастерскую в гараже до трехэтажного автосалона.

У ее Игоря голова кружилась от нахлынувших возможностей, и простушка–жена не вписывалась в салон дорого авто. А сын... Что сын? Пока он маленький, ему объяснять бесполезно. Вот подрастет, и папка его научит, как делать деньги.

– Он, конечно, гад, но Наташа все еще любит его. Это видно... Так что «Любарум» на сегодня откладывается.

– Не теряешь надежды? Ну и правильно. Я завтра как сдам свои кружки, пойду Самоделкина за грудки таскать.

– Илюшку?

– Не дядю Колю же. Выбью из него все подробности о городских «родственниках». Как получу инфу, сразу же тебе отзвонюсь. Я помню свою главную задачу – выдать тебя замуж, чтобы открыть глаза Никите, какая ты сволочь. Буду его утешать, утешать, утешать...

– Смотри, дело может постелью закончиться. Без продолжения...

– А это подзадача. Хочу кое с чем распрощаться. И пусть это сделает любимый мужчина.

– Галка! Так ты еще ни разу ни с кем?! Рассказывала вроде о...

– Врала. Нагло врала.

– Но почему? Неужели я тому виной? – у меня кровь отхлынула от лица. И руки похолодели.

– Вот и я о творящейся несправедливости. Мало того, что Кит в тебя влюбился, так еще короля–халифа–Чингачгука у меня увела.

– Как это?!

– Подумай хорошенько. Я девственница, брюнетка и все такое. Все, как он мечтает... Мечтал, пока ты его измором не взяла. Я же говорю, моя самая близкая подруга – сволочь. Короче. Завтра еще раз выпьешь «Любарум» и, если опять облом, отдаешь бутылку мне. Я счастья попытаю.

– Ох, боюсь, сидеть нам у разбитого корыта обеим...

– Не обеим. А только тебе. Тут у меня еще один вариант вырисовывается. Ко мне сегодня в гости Богдан заглядывал. Это который новый сосед. Знакомился, так сказать, с местной знаменитостью.

– И что? Он говорил что–нибудь обо мне?

Ну, правда, любопытно. Он же назвал меня по имени?

Я, конечно, не перестая любить Замкова, но и о Богдане думать приятно.

Понимаю Кирюсика в его стремлении флиртовать с каждой хорошенькой женщиной.

Такое легкое возбуждение.

И до постели вряд ли дойдет, и живой себя чувствуешь, интересной.

– В который раз убеждаюсь, что ты скотина неблагодарная. Я о том, что он пришел познакомиться с местной знаменитостью, а ты и тут свой нос сунула. Не говорил Богдан о тебе. Даже не вспоминал. Спросил, где я собираюсь встречать Новый год.

– И что ты ответила? – мы еще не сговаривались, и услышать, что Галка определилась без меня, было как-то обидно.

– Сказала, что останусь здесь, в поселке. Сначала нажрусь у твоих родителей, а потом поплетусь к себе и завалюсь в полном одиночестве смотреть телевизор. Слышала? В полном одиночестве.

– Как это так? – мы всегда, еще со времен школы, встречали Новый год вместе. – А я?

– А ты к тому времени будешь согревать постель Замкову.

– Уверена?

– Да.

– Смотри мне...

Утром повела Димку домой. Долго стучала в дверь его квартиры руками–ногами–с помощью изощренных пыток звонком. Не открыли.

Постояла, посмотрела в глаза ребенка, где уже собирались слезы, и вспомнила об одном действенном способе. Он в последнее время всегда срабатывал. Мистика или простое совпадение, но стоило попинать дверь бывших соседок–старушек, как Наташа появлялась на своем пороге.

Сработало и в этот раз.

– Корова, ты откуда? – спросила я, подталкивая Димку в спину. Наташа смущенно поправила сбитые в колтун волосы, собрала на груди, где алели самые настоящие засосы, халат и томно, с придыханием (аж завидки взяли) произнесла:

– От верблюда...

– Верблюд в стойле или уже ушел в пески верблюжьей колючку искать?

Игореша вырос за спиной Натальи. Подхватил на руки пацана, обнял смущающуюся жену и мягко так произнес:

– Мы колбочки больше не жрем. Мы на сдобу перешли, – стоило ему это произнести, как в подъезде явственно запахло ванилью. Я потянула носом. Нет, показалось. – И никуда больше отсюда не уйдем.

– В однокомнатной останетесь? – изумилась я силе любви мужчины. И на всякий случай поинтересовалась. – А Димку по вечерам мне сплавлять будете?

– Нет. Я дом новый куплю. Сегодня же пойдем выбирать.

– Адрес не забудьте оставить. А то знаю я вас, соседей. Все норовите по-английски съехать.

В аптеке, кроме Кирюсика, никого не было.

– Киса моя! – он распростер объятия. Самое то. И пусть нас опять застукает Светлана.

– Босс, вы же знаете, что мне мужчины не нравятся? А еще не нравится, когда меня ни за что, ни про что увольняют. Хватит испытаний. Лучше расскажите, что там с вашей аллергией.

– Я еще не знаю, какой из компонентов «Любарума» вызвал такую реакцию. В период обострения тесты не делают. Нужно подождать.

– Вы думаете, вас так растарабанило с пяти капель снотворного?

– Какие пять? Я пару ложек хлобыстнул. Кстати, ты куда дела ту бутылку, что стояла в холодильнике?

– Выбросила в пропасть... – я опустила глаза. Врать нехорошо.

– Правильно сделала, – Кирюсик не обратил внимания на сказанное мною, видимо, его мысли были заняты иным. – Я спросил у Светланы, она понятия не имеет ни о какой новинке седативных средств. Неизвестно, кто нам этот «Любарум» подложил.

– И вы мне верите? – воистину, я ступила на белую полосу зебры.

– Да, верю. Здесь есть камера, – Кирюсик указал подбородком на угол, где висела реклама подгузников. Я видела, что логотип компании блестящий, но чтобы за ним скрывался глазок, и подумать не могла. – Пришлось все утро потратить, чтобы найти тот момент, когда Светлана принесла коробку. Выяснилось, что к ней, кроме тебя, никто не прикасался.

– Светлана Сергеевна знает о камере? – я вспомнила о том, что пару раз ковырялась в носу. Черт.

– Никто не знает. И ты никому не расскажешь. В каждой аптеке есть. Я не люблю, когда у меня воруют деньги. Или мошенничают.

Вот это да! Я воочию убедилась, что баба Зоя не натрындела. Кирюсик – истинный бизнесмен. Глаза серьезные, голос строгий. Мороз по коже. Образ капризного, не любящего работать супруга хозяйки аптеки – лишь прикрытие. Они со Светланой Сергеевной стоят друг друга.

– А если тот сумасшедший опять заявится, – мне не стоило спрашивать, о каком сумасшедшем говорит босс, – скажи, что «Любарум» сняли с производства. По причине высокой вероятности аллергических реакций.

– Хорошо, Кирилл Петрович.

Блин, таким он мне нравится больше.

В обед появилась баба Зоя.

– Некогда мне с тобой лясы точить. Мы идем со снохой за подарками для детей. Светлана Сергеевна не поскупилась. За генеральную уборку вдвое больше прежнего заплатила. Дай ей бог здоровья.

– Я только спросить хотела: это вы запустили ко мне домой соседок? Старенькие такие. Сестры.

Баба Зоя недоуменно подняла брови.

– Когда это?

– Ну, я вам ключи оставляла. Помните, когда ногу подвернула на крыльце.

– Ох, я и забыла о твоих ключах, – уборщица чуть ли не с головой зарылась в объемный пакет. Потом нервно вытрясла содержимое на стол. Что-то покатилося и упало на пол. – Вот так всегда, когда торопишься. На, держи.

Ключи громко звякнули, словно радовались, что вернулись к своей хозяйке.

– Так пустили соседок или нет?

– Что ты, милая, как я могу? Да и когда успела бы? Я до нашей аптеки только доковыляла, как Кирюсик отправил меня убираться в одиннадцатую. Бурай у крыльца ждал. А что? Украли чего-нибудь?

– Да. Украли. Надежду.

– Тьфу на тебя!

– Алло! Женька, привет!

– Да, Виктор. Как отдыхается? – больше ехидства в голосе. Пусть знает.

– Какой отдых? Он мне только снится, – вздохнул в трубку Горн.

– Не надо о снах, – я оборвала сменщика. Все еще дулась на него. – Из-за тебя мне приходится работать до десяти. А впереди Новый год, подарки не куплены, елки не наряжены...

– Ну, прости. Клянусь, после новогодних праздников все отработаю. В двойном размере.

– Смотри, я запомню. Чего звонишь-то?

– Совсем забыл сказать, для тебя там коробку принесли.

Я замерла.

– Какую коробку? Кто принес? Старушки?

– А леший их знает. Вчера утром в аптеке столпотворение было. Пенсионеры как сорвались. Видать на Новый год корвалолом запасаются. У каждого свое спиртное.

– И где она? – ноги стали как ватные. Не знаю, что больше страшило: привет от сестер или разочарование, что это образцы каких-нибудь женских тампонов из фармкомпаний. Вроде и небольшой подарочек дружественному провизору, в то же время реклама.

– На моем шкафчике. Сунул и забыл.

Виктор высокий, как мачта корабля. Ему даже не надо поднимать руку. А мне пришлось встать на стул. И зачем туда положил?

Глупый вопрос. Все шкафчики закрываются, а оставишь коробку на видном месте – всегда найдутся желающие заглянуть в нее.

Я трясущимися руками открывала картонку, обшитую красным шелком. Сначала развязала золотую ленточку, потом сняла крышку и убрала в сторону шуршащую бумагу. На салфетке лежал круглый хлебец с растекшимся по нему медом.

– «Ухо слона»... – произнесла я и села на стул.

Глава 22. В постоянной нужде

«В постоянной нужде». Вероятно, из всех фраз мировой литературы

эта наиболее кратко и емко описывает суть романтической страсти: нужда.

Хелен Фишер. «Почему мы любим. Природа и химия романтической любви»

Стоит ли объяснять, я ни минуты не сомневалась, что «Ухо слона» прислали сбежавшие старушки, ведь при них я упоминала об этом традиционном индейском блюде.

Я думаю, незатейливый десерт получил свое название гораздо позже, чем во времена Чингачгука – от современных американцев, действующих по принципу «что вижу, о том и говорю». До покорения Дикого Запада слоны там не водились, и коренное население не могло знать, какие они лопаухие. Наверняка блюдо имело какое-то свое, исконно индейское название.

В голове быстро нарисовалась картинка, где группа краснокожих мужчин во главе с вождем сидит у костра и попыхивает трубкой мира. После длительного молчания, один из индейцев, заговорщицки кивнув остальным и увидев потепление в их глазах, повернул голову к своей скв... к-хм, женщине и неторопливо произнес что-то типа такого:

«Будоражающая Кровь, испеки-ка нам тот хлебец на жире бизона да намажь его медом, что принес Укушенный Сотню Раз в свой последний поход к диким пчелам».

Да, именно так лакомство и называлось – «Круглый Хлебец, Политый Диким Медом». Язык сломаешь. Янки не любители забивать голову всякой чепухой, поэтому сказали свое веское – «Ухо слона» и баста!

Я еле дождалась конца рабочего дня.

Взглядом подгоняла минутную стрелку, а она с маниакальным упорством замирала на каждой черточке и только доведя меня до кипения, делала следующий шаг.

Несколько раз я открывала коробочку с незатейливым лакомством, подносила ее к носу, вдыхая густой медовый аромат. Перед самым уходом не удержалась, отломилла небольшой кусочек. Посмаковала. Вкусно, необычно. Как хворост, который вместо сахарной пудры облили медом.

Ближе к подъезду я уже не шла, бежала. Благо нога перестала болеть, и ботинки на рифленой подошве не скользили.

Под козырьком столкнулась со счастливой семьей.

– Тетя Женя, привет! – Димка помахал ладошкой в варежке. Он сидел на руках у улыбающегося Игоря. На стоянке, посветив фарами, добротнo заурчал японский внедорожник, готовый принять в свое просторное нутро тех, кто осознал, что любовь, если она жива, может простить все.

Ната вместо приветствия крепко меня обняла.

– Вы куда на ночь глядя?

– Хотим показать Димке, как красиво к Новому году украшен город. Главные улицы сплошь в огнях, а на центральной площади ледяные фигуры с подсветкой... Хочешь, поедem с нами?

– Нет–нет! Я домой. Меня там тоже фейерверк ждет, – я верила, что «Ухо слона» приведет меня к вигваму Чингачгука.

Влетев в подъезд, почувствовала запах ванили.

Ба! Да у нас появились новые жильцы – любители печеного! Выходит, и в прошлый раз не показалось?

На втором этаже, у квартиры, где за последние дни я не раз замирала, чтобы долбануть носком ботинка по двери, словно споткнулась. Даже сделала шаг назад.

Не знаю, какая сила заставила меня прижать ухо к двери. Я распласталась по ней, вслушиваясь в едва различимые шорохи.

Старушки вернулись? А может там поселились те самые любители сладенького?

Рука потянулась к кнопке звонка, а мозг лихорадочно соображал, что сказать, если дверь откроют не сестры.

«Здравствуйте! Это от вас так вкусно пахнет?»

Как–то не очень звучит...

«Привет! Я ваша соседка сверху. Если что–то случится, вы знаете кто виноват!»

Э–э–э...

И вообще, зачем мне стучаться в соседские двери, если меня ждет Чингачгук?

Я убрала палец от кнопки звонка.

Но дверь вдруг открылась, и моя рука, что еще не успела вернуться в исходное положение, попала в чьи-то живые тиски. Неведомый ураган втянул меня в темный коридор.

Меня так крутануло, что с плеча слетела сумка, коробка с «Ухом слона» шмякнулось куда-то под ноги, шапка, что была плотно натянута на уши, исчезла, а мой начавшийся было крик «а-а-а!» прекратили чьи-то губы.

Густо-густо пахло ванилью.

Совсем недавно я добровольно распласталась на соседской двери, теперь же, подчиняясь чужой воле, была распята на стене. Настойчивые ладони заставили раскинуть руки и переплелись с моими пальцами, твердое, словно сделанное из лучших пород дуба, тело прижалось к моему.

Ни вздохнуть, ни пискнуть. Ни пнуть.

Какой оглушающий поцелуй...

Аж голова кружится.

Когда мне позволили набрать в легкие воздуха, а разум кинулся перебирать варианты последующих действий (пора кричать или нет, это маньяк или меня просто перепутали с кем-то, чьего возвращения ждали), я услышала шепот, который до дрожи оказался знакомым:

– Женщина, что выбираешь: вигвам или терем?

«Сон или явь?! – завопил мой мозг, не успевая одновременно и обрабатывать информацию, и адекватно реагировать. Более спокойная его часть, наверняка расположенная в лобной доле, а не у виска, где дыхание мужчины оставляло теплый след на коже, скептически хмыкнула: – Явь? Конечно сон. Ведь ты же не удержалась, откусила «Ухо слона». Не могла дождаться, когда придешь домой? Вот тебя и накрыло на лестничной клетке...»

Раз сон, то я смелая. И даже чуть-чуть наглая.

И пусть я валяюсь на чужом пороге, просыпаться ни за что не стану.

Вернувшаяся с прогулки Наташа не оставит подругу в беде, разбудит.

Улыбка растянула мое лицо.

Восторг и замирание сердца.

Я предвкушала то феерическое, что произойдет сразу же после моего выбора. Чингачгук или Чудище? Вигвам или терем?

– Шкуры койота или перины пуховые? – прошептала я в темноту.

А мысли летели лихорадочные.

Кого же выбрать: гордого индейца, чье скривившееся в неприязни лицо уже лицезрела, или Чудище лесное, которое до последнего скрывалось, но сразу призналось, что ему наплевать и на цвет моих волос, и на девственность?

Я только представила, как сильно Чудище может меня удивить. А как напугать...

От этого «напугать» внизу живота стало горячо, а в коленках образовалась невероятная слабость. Ноги так и подкашивались.

Не виси я распластанная на стене, наверняка растеклась бы лужей по полу.

Рассудив, что Чудище хоть и чудище, но оно родное, русское, а я всегда между русскими и американцами выбираю своих, вздохнув, скромненько так заявила:

– Чудище хочу.

Чудище (ведь лица его в темном коридоре я так и не видела) растерянно помолчало, потом хмыкнуло и произнесло явно с сарказмом в голосе, что сильно меня удивило:

– Вот ты какой, Цветочек аленький. Что ж. Будет тебе Чудище.

Кровать, освещаемая уличными фонарями и рекламными бликами, казалась огромной и занимала чуть ли не всю комнату.

Чудище было прекрасно и просило между первым и вторым оргазмами называть его Павлом.

Потом мы, уставшие и счастливые, лежали под одним одеялом лицом друг к другу.

– Привет! – мягко сказал он и улыбнулся.

– Привет! – ответила я и положила руку под щеку. Он повторил. Так гораздо удобнее. – Мы ведь спим?

– Спим, – подтвердил он. – Но утром обязательно проснемся.

– Нас разбудит чей-то звонок. В шесть.

– Мой. Я всегда в шесть встаю. Бегаю при любой погоде. Уже много лет.

– А потом? – было приятно разговаривать просто так, пока тело остывало, пока на нем таяли следы поцелуев и прикосновений, а сексуальное пресыщение не толкало на подвиги. Я знала, предвидела, что мгновения покоя рано или поздно закончатся, и нам вновь захочется объятий, разжигающих желание. Мы – исследователи наших чувственных возможностей, взявшие минутную передышку.

– Потом я иду на работу, – его взгляд скользил по моему лицу, по шее. Я задержала дыхание. Не сразу смогла задать следующий вопрос.

– Куда?

– Сейчас в «Старый город». А раньше, в Москве, работал в «Барской усадьбе».

– И кем ты работаешь?

Павел улыбнулся, и мне захотелось провести пальцем по этим губам. Я выпростала руку из-под одеяла, а он встретил ее своей, поднес к губам и поцеловал.

– Помнишь, как только ты пришла, я спросил: вигвам или терем?

– И я выбрала Чудище. А тебя это удивило.

– Да. Потому что вигвам или терем – это не место, куда я тебя приглашал, это то, чем я занимаюсь, – его рука убрала с моего влажного лба волосы, провела по скуле, потом по плечу, сдвигая одеяло и открывая складку между полушариями груди. Его пальцы собрали там капельки пота и отправились к губам. Он слизнул влагу, а по моей спине прошелся озноб. – Хочешь, покажу?

– Опять покажешь Чудище? – я сжала губы, пряча предвкушающую улыбку.

Да, Чудище я хотела. Наверное, я всегда буду его хотеть.

– Хорошо, – через секундную задержку. – Сначала Чудище. А потом вигвам и терем.

Он строитель? Архитектор?

И вновь Чудище довело меня до иступления. Стоя на коленях, упираясь руками в смятые простыни, я принимала ласки нависающего надо мной мужчины, с удивлением понимая, как мало знаю о собственной чувственности. Казалось, и первых двух раз достаточно, что больше не смогу, не хватит сил на новый всплеск, что все, исчерпалась. Ан нет, смогла. Пусть и не так остро, как первые два раза, но откликнулась.

Рухнув на простыни, прижатая сверху его разгоряченным телом, забылась сном.

Сон во сне?

Я не слышала будильник. Проснулась и по темноте за окном поняла, что еще рано. Свет фонарей и огней рекламы уже не был таким ярким, как в полночь. Да и зачем? Люди спят, город, потонувший в снегу, молчит.

Я опустила ноги и не нащупала свои тапочки.

Вспомнив, что снилось ночью, провела рукой по груди...

Голая?!

Кто раздел? Как вообще я попала домой?

Наташа привела или сама доплелась, но не запомнила как?

Или...

Обернувшись, осторожно потрогала соседнюю подушку. Пусто. Как и под одеялом никого нет.

Уф! Все-таки приснилось!

Поплелась в туалет и стукнулась лбом о дверь.

У меня нет в коридоре двери! Папа сразу ее снял, как только мы въехали в дом.

Где я?!

Хлопнула рукой по выключателю и... не обнаружила его на привычном месте.

В панике шарила рукой по стенам, пока не нащупала пластиковый квадрат. Непривычно громко щелкнуло, и зажегся свет.

Это не моя квартира!

А-а-а!!!

Путаясь в простыне, я заметалась по комнатам, включая везде, где возможно, свет. Никакой мебели, кроме огромной кровати. Голые стены, голые полы и лишь мои вещи, разбросанные то тут, то там.

Рванула дверь на кухню.

И замерла.

На небольшом столе у плиты исходили умопомрачительными запахами два торта. Один в виде вигвама, другой – терема. И записка.

«Загляни в телефон».

Со скоростью лани, спутанной по ногам простыней, понеслась я в коридор. От нетерпения вытряхнула сумку прямо на пол и выхватила из кучи вещей свой мобильник.

Руки тряслись, когда я нажимала на иконку мессенджера, где светилась уйма не просмотренных сообщений.

«Господин ночей твоих» – так назывался один из новых контактов.

Погладила пальцем аватар и улыбнулась в ответ на улыбку Павла Замкова.

«Как спалось? Не стал тебя будить.

Я бегать, а оттуда сразу в отель. Новый год близко, работы много». Потом ссылка на статью в каком-то зарубежном журнале.

Большая фотография Павла и заголовок «Лучший шеф-кондитер сети столичных ресторанов».

Так вот кто пек «Чаровницу», готовил щербет и такое простое индейское лакомство, как «Ухо слона»! Павел – шеф-кондитер!

Пробежалась глазами по статье, выхватывая то, что могла понять – учеба во Франции, стажировка в Париже, работа в Лондоне, мастер-классы в Германии, Эмиратах, США...

Ниже фотографии тортов, сделанные здесь же, на кухне.

«Ты так и не выбрала! И лишила меня возможности увидеть, как загорятся твои глаза. Я знаю, ты сладкоежка. Ну что же... Ложка рядом. Можешь смело пробовать оба. Потом расскажешь, что больше понравилось: торт «Вигвам» из медовой коржей и невероятного тыквенного крема цвета прерий, или пузатый «Терем», сложенный из бисквитных бревен, скреплённых воздушными сливками и украшенный башенкой с флюгером из карамельного петушка».

Я села и заплакала.

От счастья. От избытка чувств.

Я видела себя словно со стороны – на кухне навзрыд плакала голая девушка, зло убирая непрошенные слезы, потому что они не позволяли ей прочесть самую важную фразу, написанную последней – «Люблю тебя, развратница».

И только потом, наревевшись, наевшись сладкого, написав в ответ ехидное «А Чудище все равно вкуснее!», и осознав, наконец, что все происходящее со мной не сон, в ужасе закричала:

– А презерватив?!!

Чудище откликнулось, как будто бы услышало мой крик.

«Выходи за меня замуж. Я хороший. Вот увидишь».

Я молчала. Читала заново пятый, десятый раз, но не могла ответить.

Растерянность? Да.

Неверие, что все происходящее не сон? Возможно.

В стрессовых ситуациях и такое случается. Мы хотим проснуться и не можем. Потому что не спим.

Как решиться ответить «да», если впервые увидела Павла вчера вечером.

Что есть сны, связавшие нас? Что в них правда, а что ложь?

Как фантазию отделить от реальности?

Почему мы можем лечь в постель по сути с незнакомцем и умирать от любви к нему, но боимся ответить «да» на предложение руки и сердца?

Я распушенная, да?

Галка. Мне нужна Галка.

– И что? – подруга как всегда была категорична. – Ты скажешь ему «нет», и весь мой план спихнуть тебя замуж насмарку? У тебя совесть есть?

– Но я совсем мало его знаю. Какой он, когда не спит, почему сбежал из Москвы, отчего его мама не поддерживает с ним связь... И вообще, страшно.

– Ну, милая... – Галина аж задохнулась. – Кувыркаться с ним в постели тебе страшно не было...

– Я думала это сон...

– А утром? Кто написал ему «А Чудовище лучше»? Кстати, ты оба торта сожрала или оставила кусочек подруге?

– Я принесла их с собой. Там холодильника нет. Пропадут же.

– Ага! Значит, что-то положительное уже нашли. Торты, изготовленные с любовью, бросить жалко. Что еще тебе жалко? Давай–давай, без стеснения...

– Жалко, если он больше никогда меня не поцелует...

– Та–а–а–к. Уже лучше.

– Страшно, если он навсегда исчезнет из моей жизни...

– Теплее...

– А вдруг я забеременела?

– Ох, горячо!

Мы обе помолчали.

– Галка! Ты из нас самая умная, самая талантливая...

– Еще!

– ... и самая красивая. Скажи, что мне делать?

– Умойся и иди на работу.

– А потом?

– А потом вам надо поговорить. Откровенно. Обо всем без утайки.

И вообще, кто гонит тебя прямо сейчас под венец? Есть же простой ответ «я подумаю». Только не забудь прикрепить к нему кучу поцелуйчиков, сердечек и цветочков. Чтобы все выглядело как простое кокетство. И не пиши это дурацкое «мы должны лучше узнать друг друга». Скорее всего, ты все, что делает женщину счастливой, уже знаешь. Мужик никогда не позовет замуж, если может получить секс без похода в ЗАГС. Тут что-то другое, не основанное на инстинктах и низших потребностях.

– Ну да. У нас высокие отношения. Ладно, Галка, спасибо тебе.

Пойду искупаюсь и на работу.

– Тесты на беременность не забудь купить.

– И презервативы.

– Угу. Их тоже. Надуешь и развесишь по квартире. Пусть у твоего короля тоже лицо вытянется.

Глава 23. А поговорить?

Создавая свою сексуальную теорию, Зигмунд Фрейд несколько перестарался,

и теперь в общественном подсознании не осталось места для других инстинктов.

Авессалом Подводный. Отдельные мысли

– Как ты меня нашел?

Мы сидели на моей кухне. Перед нами пустые чашки. Мы забыли их наполнить чаем, который уже остыл. Столько всего нужно рассказать, столько расспросить.

Павел согласился со мной, что поговорить надо, на одной страсти далеко не уедешь, и его спонтанное предложение руки и сердца должно стать осознанным.

Нас разделял стол. Мы выглядели как ученики на экзамене: спины прямые, руки на виду. И даже одежду выбрали официальную, наглухо застегнутую под горло, чтобы, не дай бог, между нами не проскочила искра и не спалила начисто серьезный настрой.

Одного приветственного поцелуя у двери было достаточно, чтобы я вновь оказалась в спальне, но уже на своей кровати.

Получив очередную порцию удовольствия, мы даже успели поспать – день у обоих был долгим, а прошедшая ночь слишком коротка.

Павел предложил поговорить тут же, в постели, приятно обнимая друг друга, но я знала, что малейшее мое или его движение, взгляд, поворот головы, улыбка могут привести к тому, что беседа не состоится. Поэтому мы встали, приняли душ, где тоже почему-то поговорить не удалось, а потом оделись. Он в водолазку с высоким воротом, в которой и пришел ко мне, я в «школьное» платье с тугими пуговицами на спине и удушающим воротником-стойкой. Я чувствовала себя в нем неловко. В последний раз, когда я его надевала, оно сидело гораздо свободнее. Ох уж эти бешбармаки и манты! О «Чаровнице» думать побоялась, потому как на мне не было

бюстгальтера, а возбужденные соски могли нарушить всю конспирацию и стать причиной срыва переговоров.

Стол – граница, чашки – конвойные, которые могут передвигаться туда–сюда, но не смеют покинуть пограничной полосы, дабы лазутчик не посягнул на святое. Святое отозвалось, посигналив выступившими через ткань платья очертаниями сосков и каплями испарины на лбу.

– Нашел случайно. Через твоих соседок. Милые старушки. Они из благодарности, что я поймал их кота и передержал в своем номере, пригласили меня на чай. Я не смог отказать, теми более, что переноска оказалась тяжелой, а кот буйствовал, налкавшись моего успокоительного. И я сильно удивился совпадению, когда понял, что мы приехали к дому, в торце которого находилась та самая аптека, где я купил снотворное в первый раз. Извинившись, я забежал в «Пиллюю» и с боем выбил второй флакон «Любарума» – твой сменщик почему–то не хотел его продавать.

– Это был не сменщик, а сам Кирилл Петрович.

– Вот откуда у меня к нему особые чувства, – Павел сощурил глаза. Видимо вспоминал, как душил Кирюсика, требуя «Любарум».

– Одна из бутылок снотворного досталась ему. Он случайно оказался в нашем сне.

Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. «Дура! Зачем напомнила? Конец переговорам! Сейчас Замков спросит, что меня связывает с шефом, и мне придется долго и нудно объяснять, что я не виновата. Ненавижу оправдываться».

Но Павел отреагировал иначе.

– Это еще раз доказывает, что все дело в «Любаруме», – задумчиво произнес он, и, заметив сковывающее меня напряжение, потянулся ко мне. Улыбнувшись, накрыл ладонью мою руку. Его взгляд стал теплым, и я оттаяла, перестала трястись. – Можешь представить, в какой я впал ступор, когда в альбоме с фотографиями, что так любят показывать старушки всего мира, я увидел тебя? Когда понял, что блондинка из моих снов существует на самом деле, в меня словно выстрелили. «Кто это?» – спросил я. «Наша соседка Женя, – ответила одна из сестер. – Она живет этажом выше и работает в той аптеке, куда вы сегодня забегали».

– Откуда у них моя фотография? – известие взволновало меня не меньше Павла. Я подалась вперед. Опять старушки? Мистика или

совпадение?

– Не знаю. Снимок явно сделан случайно. Там ты выходишь из аптеки. Лицо расстроенное.

– Было светло? Наверняка меня сфотографировали в день увольнения. Обычно я возвращаюсь домой затемно, – я немного помялась перед следующей фразой, не зная, как ее воспримет Павел. – А тебе не показалось, что «милые старушки» ведьмы? Всегда появляются в нужное время и в нужном месте, а потом случается то, что иначе как колдовством не назвать.

– Например?

– Принесли супчик, а потом малюсенькое пирожное «Чаровница», и вот я в постели короля...

– Они были лишь моими посыльными. Это я приготовил министроне и «Charmeur», узнав, что ты заболела. Я очень сильно хотел, чтобы ты опять мне приснилась. Мое желание исполнилось как нельзя лучше, – его пальцы скользнула по моей руке, забираясь под рукав платья. Я сделал строгое лицо.

– Но как они вошли ко мне? Ведь ключей у них не было!

– Ну не через замочную скважину же просочились. Значит, кто-то им открыл. Чудес не бывает.

Я нахмурилась. Баба Зоя опять наврала? Испугалась ответственности, впустив в мой дом старушек, поверив им на слово, что они соседки, и пошла на попятную? Не видела, меня там не было? Не зря же она так живо отреагировала, спросив «Украла чего?».

– Ну, допустим, что соседок запустила моя знакомая. А как же наши сны?

– В мире много странностей, которые так и не получили своего объяснения. Или пока не получили. Сестры здесь ни при чем.

– Ага. Совершенной случайно кот забегает в твой гостиничный номер, а старушки тут как тут. Ты сам веришь такому совпадению? Где мой дом, а где «Старый город»?

– На соседней улице есть ветеринарная клиника. В руках у твоих соседок была переноска, замочек на которой сломался. Вот так Лямур и оказался на свободе. И я сам виноват, что он столкнул со стола бутылку со снотворным. Я поймал его в фойе и принес к себе, надеясь быстро найти хозяев. Кот красивый, ухоженный. Осталось только

позвонить по номеру телефона, указанному на металлической пластинке, прикрепленной к ошейнику. Никаких чудес.

Хотелось бы послушать, как Павел объяснит действие розочки, что дал мне Дед Мороз, ведь на следующий день совершенно такие же бутоны, купленные в китайском магазине, волшебных сновидений не вызвали...

Немного поразмышляв, я пришла к выводу, что розы к соседкам никакого отношения не имели. Павел прав.

А к чему имели отношение интеллигентные сестры?

К «Любаруму»? Тоже нет. Снотворное в аптеку принесла Светлана, это доказано. Навряд ли она где-нибудь оставляла коробку, в которую могли забраться мои соседки и подменить бутылки со спиртом.

С натяжкой к колдовству можно было бы отнести эпизод, когда старушки появились в моей квартире, принеся с собой щербет. Но и здесь, скорее всего, проблема во мне, а не в них: я сама не закрыла двери. Температура сделала свое коварное дело – затуманила разум.

– Кстати, щербет тоже ты готовил?

– Я. Вкусно?

– Очень.

– Я как-то сразу заметил связь между тем, что я готовлю и последующими сновидениями. Не знаю как, но я заставил прерванные сны вернуться.

Я слушала рассуждения Замкова, отвечала на его вопросы, задавала свои, а сама продолжала размышлять. Совершенно как Штирлиц, который постоянно все анализировал.

Старушки точно ни при чем. Зря я их ведьмами называла.

Конечно, звучит абсурдно, но в колдовстве можно заподозрить вездесущего Лямура. Уж слишком вовремя кот оказывался то в гостинице, то в аптеке. Но для того, чтобы разбить бутылку и отправить на больничный Марь Степановну, чары не нужны.

Выходит, сам Замков волшебник? Дал печенюшку и я в нирване?

«Просто я работаю волшебником, волше-е-еб-ни-ком!»

– Но почему в снах встретились именно мы? Мы же не знали друг друга и никогда не виделись. В тот самый первый раз в аптеке на мне были маска и шапочка, а на тебе низко надвинутый капюшон, оставляющий на обозрение только губы.

– «Любарум» определенно мог вызвать галлюцинации, а мозг вытянул из памяти понравившееся лицо. Сползла с твоей головы шапочка – открылось, что волосы у тебя светлые. Ты, забывшись, сдвинула маску – вот тебе нос и губы. А капюшон я опустил лишь потому, что яркий свет резал глаза. Но так ли он скрывал меня? Ты говоришь, что запомнила только губы, а твой мозг заметил остальное – то, что пряталось в тени.

– Вуа ля, – я сделала жест фокусника, показывающего пустые ладони, – и знакомые незнакомцы видят одинаковые сны! Все объяснилось, тайн больше нет! Ура!

– А ты не думала, что «Любарум» мог задействовать какой-то определенный отдел головного мозга, который вызывает одинаковые галлюцинации?

А ведь Павел прав. Сон с Кирюсиком, а потом совместные бдения с Галкой у мрачного моря яркое тому доказательство. Галлюцинации – вот верное слово! Правильно сказал Кирилл Петрович: «Любарум» – опасный препарат.

Но «Любарум» же свел меня с Павлом. Навряд ли бы мы с ним еще раз встретились, если бы не это странное снотворное.

– Существует же феномен массовой истерии? – увлеченно продолжал Замков. – Да взять хотя бы тот случай в США, который так и не смогли объяснить, когда вполне благополучные сестры-близняшки, не видевшие друг друга более восьми лет, при встрече отправились бродить по дороге с интенсивным движением и вдруг начали кидаться под машины, желая умереть. После того, как их с трудом задержали (а сестры оказывали сопротивление), в крови у них ничего не нашли, а вспомнить то, что подтолкнуло их к попытке суицида, они не сумели.

– Мы с тобой счастливики, – я поежилась, представив, что могло с нами быть, задень снотворное участок мозга, вызывающий не удовольствие, а ужас.

– Давай не будем углубляться в необъяснимое. Главное – мы встретились и нам хорошо, – его рука опять нашла мою.

– А как ты догадался, что я знакома с Илюшей Самоделкиным?

– А ты знакома с Ильей? – удивление было неподдельным. – Как тесен мир!

– Но как же? А твой знак на фотографии?

Павел не понимал.

– Розочка, цветочек аленький... – напоминала я. Видя бесполезность слов, сбегала за мобильником и показала фотографию троицы на фоне гостиницы «Старый город».

– А, это... – Павел увеличил фото. – От розы почти ничего не осталось, видишь. Сашка общипала ее, гадая «любит–не любит». Я отнял. Лучше пусть у Ильи спросит. Он скрывать не станет.

Я была разочарована.

Мозг тут же мстительно подсунул следующий вопрос.

– А какие у тебя отношения с Сашей?

Не буду выдавать всю информацию, которой владею. Пусть сам расскажет, а я сравню. Правда, и здесь нужно сделать поправку на злой язык подруги Нинель.

– Мы дружим.

– А с ее сестрой Нинель?

– Я так понимаю, что и ты без дела не сидела, – Павел внимательно посмотрел на меня. Мои щеки загорелись, и я закрыла их ладонями. Ну не может девушка не захотеть знать, как ее парень относится к переметнувшейся к отцу подружке, которая так и не ушла из его жизни.

– Давай начистоту, – предложила я. – Ты выкладываешь все о себе, а я о себе.

– Вот уж чего не хотел бы услышать, так это о твоих бывших...

– Нет бывших. И никогда не было. Случилась глупость, о которой я сильно пожалела, – я опустила глаза и вздохнула. – И жалею до сих пор.

Павел поднялся. Я даже вздрогнула от неожиданности.

Он медленно наклонился надо мной, и я, не понимая, что происходит, втянула голову в плечи.

А он просто взял меня на руки и понес.

– Я тяжелая, – мои комплексы сами лезли наружу. – А еще вчерашние тортики...

– Я уже носил тебя на руках. Разве ты не помнишь?

– Когда это? – напряглась я.

– Товарис–ч – это я.

– В трико с оттянутыми коленками?!

– А что такого? Я бегал в магазин за солью. Одну хромоногую нужно было покормить. Переодеваться не стал. И вообще, ты, видимо, не понимаешь, что такое спорт–шик. Вот твой Кирюсик понимает.

– Он не мой. А ты, выходит, все это время у соседок жил?

– Нет, жил я в гостинице. У соседок я тебя пас.

Меня посадили на кровать. Я глупо улыбалась.

– Пас?

– Да. Очень сложная задача. Однажды даже чуть не спалился. Ты позвонила, чтобы запустить Лямура, а соседок дома не было. Этот гад неизвестно как на улицу выбрался. Пришлось надеть перчатки Веры Романовны и втянуть кота за ошейник.

Ай да Лямур! Вот и думай после этого, что он простой котик. Ведь всем своим поведением способствовал, чтобы мы с Павлом встретились как можно раньше.

– А почему ты не хотел показываться?

– Я только–только узнал, что девица, что приходит ко мне в снах – это ты. Нужно было время, чтобы в счастье свое поверить.

– Поверил?

– Поверил. Старушки уже съехали, а я все никак не мог затащить тебя в постель. То с подругами дверь пинаешь, то с соседским мальчиком на руках, а то вообще куда–то пропала. Думал, уже не увижу. Торты испек, чтобы на запах заманить. Видишь, сработало.

– Я так много пропустила?

– Много. Теперь навестывать приходится.

Его пальцы проворно побежали по застежке платья на спине. Это для меня пуговицы из петель с трудом вынимались, а у него они словно забыли о своей основной функции – «запирать и не пущать». Тугой воротник перестал душить.

Я схватилась за платье, когда оно почти покинуло меня, прикрыла им грудь. Металлические пуговицы неприятно холодили тело.

Павел не стал отцеплять каждый мой палец от ткани, быстро снял водолазку и деловито опрокинул меня на спину. Мол, сама разожмешь, когда я тебя зацелую.

– А поговорить?! – я посопротивлялась для виду, но быстро была сломлена. Как пишут в современных любовных романах – мое тело меня предало.

Часть вторая. Мистическая. Глава 1. Дела небесной канцелярии

- Встать! Суд идет!
- Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!
- Прошу садиться. Садитесь, садитесь.
- Спасибо, я постою.
«Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»

– На суд вызывается купидон–стажер третьего уровня Афлорий Варлиенский!

Стоящий в проходе чиновник, сверившись с записями в огромной книге, водруженной на постаменте, посмотрел поверх очков на мнущегося у колонны ангела.

Афлорий, в силу таланта за год преодолевший путь от шептуна до стрелочника, тяжело вздохнул и, поморщившись, дернул плечами, чтобы растрепавшиеся перья приняли более презентабельный вид. Потом не спеша, боясь оступиться из-за непривычно длинных крыльев, что шлейфом волоклись за ним, двинулся по длинному проходу к столу, за которым сидел глава небесной канцелярии. Нет, речь шла не о том «Самом Главном»: дела проштрафившихся купидонов рассматривались чиновниками Любовного ведомства. Чтобы ангел попался на глаза «Тому Самому», ему нужно было, по крайней мере, посягнуть на Его власть и поднять бунт во главе трехсот соратников.

Это Люцифер обладал пылающим мечом под стать его гордыне, а что мог сделать Афлорий с луком и стрелами, могущими поразить лишь любовью? Сердце «Главного» и так было ею переполнено. Стрелой больше, стрелой меньше, он и не заметил бы.

– А ведь был божественно талантлив! – послышался шепоток слева, где сидели студенты академии Любви, которые приходили на подобные суды, чтобы научиться на чужих ошибках.

«Шептуны!» – скривил лицо Афлорий, который прекрасно помнил, как проходил практику нашептывания с некоторыми из них.

Человек и не догадывался, почему вдруг поворачивал голову в сторону хорошенькой женщины и провожал ее долгим взглядом или удивленным присвистом. Мужскую реакцию предугадать невозможно, все зависело от воспитания того, кому купидон–стажер первого уровня шептал: «Глянь, какая идет!».

Тетивики – стажеры второго уровня, усевшиеся с правой стороны от «дороги на плаху», носили с собой только луки и максимум, что могли сделать – тренькнуть тетивой у человеческого уха, насылая на него влюбленность, что весьма точно характеризовалась пословицей «С глаз долой, из сердца вон». Как только причина воздыхания пропадала с горизонта, пульс воздыхателя приходил в норму, и волшебство прекращало свое действие.

«Правильно о них говорят, только и могут, что сотрясать воздух».

Он же, Афлорий, был на голову выше их всех – уже лет семь как ему доверили золотые стрелы и возможность выбора объекта любви. Стрелочники – это вам не шептуны или тетивики. Это уже почти боги любви.

Правда, и ответственности у них гораздо больше: в случае чего всегда виноват стрелочник.

«Где же я допустил оплошность?» – спрашивал себя Афлорий с того самого момента, как почтовый голубь принес неприятную весть, что стажеру следует явиться в небесную канцелярию. Надежда, что его вызвали как свидетеля, растаяла, стоило судье жестом указать на скамью подсудимых.

– Спасибо, я постою.

Афлорий не мог сесть. Он в последние два дня даже спал стоя, что вымотало его вконец. А тут еще суд, где свежие мозги не помешали бы.

«В голове каша. А все ветреная мода. Придумали же, что подметать перьями пол – это круто! Да и само наращивание крыльев оказалось болезненным и обошлось не дешево, теперь минимум полгода придется отрабатывать. Но надо быть в тренде, если хочешь попасть в клуб избранных купидонов, кому поручается устраивать браки королей», – кисло думал Афлорий, наблюдая, как судья натягивает налокотники и обмакивает перо, выдернутое из собственных крыльев, в чернильницу в виде сердца. Писать по-старомодному кровью – удел консервативных чиновников.

Управляющий небесной канцелярии глотнул живительной влаги из кубка и поправил парик, что так и норовил съехать на бок.

– Подсудимый Афлорий Варлиенский, клянись, положив руку на душу, что будете говорить правду и только правду.

– Клянусь! – стажер обхватил себя за плечи, скрестив руки, доказывая тем, что кривить душой не станет.

– Нашим ведомством была проведена выборочная проверка деятельности стажеров. В результате чего выяснилось, что шесть лет назад ведомый вами объект... – тут судья заглянул в лежащий перед ним фолиант, чтобы уточнить имя человека, на которого был истрачен любовный заряд, – ...Евгения Ключева получила сильнейшую душевную травму, отголоски которой наблюдаются до сих пор. Как вы объясните сей вопиющий факт?

На витражном окне, что располагалось за спиной судьи, пришли в движение кусочки мозаики, и все сидящие в зале ахнули, увидев, что у появившегося изображения светловолосой женщины, рисующей узоры на запотевшем стекле, свечение над головой болезненно–зеленое.

Мозаика распалась, потом сложилась иначе, словно кто–то крутанул огромный калейдоскоп. В машине сидели двое. Мужчина, над головой которого плясало желтое пламя, выражающее досаду, подписывал какой–то документ. Женщина застыла, потонув в серой дымке.

– Вы где–нибудь видите цвет любви – красный? – судья стряхнул каплю крови с пера, приготовившись записать ответ подсудимого.

– Я... я не знал! – Афлория охватила паника. Он помнил девчонку, которая не спускала глаз со своего преподавателя, подав тем знак, что готова к любви. Неужели он ошибся, и это сильное чувство не задело источник обожествления – Алексея Харитоновича? Да, именно так звали того симпатичного математика. Шесть лет страданий! Да за такой срок купидона могут перевести назад в шептуны, а то и вовсе в другое ведомство. Нет ничего мучительнее, чем оказаться утешителем недужных – ангелом, который вселяет искру надежды в сердца безнадежно больных. Все–таки дарить любовь – это праздник, и никакая другая работа с этим не сравнится! Взять хотя бы ведомство Войны и Мира, где каждый шаг – словно по минному полю. – Я думал, любовное соитие произошло по обоюдному согласию!

– Вы должны были убедиться, проверить. И действовать до любовного соития, а не просто фиксировать, что связь состоялась.

– Простите, я поступил непрофессионально, легкомысленно... – Афлорий знал, что сейчас все видят, как сильно он раскаивается. Вина – это черный цвет, который легко закрасит весь спектр чувств. Судьи именно поэтому носили парики – никто не должен догадываться, что творится в их головах.

– Я не буду рассуждать об ответственности, возлагаемой на купидонов, – судья закрыл книгу после того, как быстрым росчерком пера вынес пока только ему ведомый приговор. – Кто бы чего не говорил, любовь – основа всего. Поэтому и наказание виновный понесет соответствующее.

Афлорий вздрогнул, когда рядом с ним выросли фигуры двух ангелов–пересмешников. Им единственным дозволялось появляться среди людей, принимая человеческий облик.

«Пошлют исправлять ошибку? – мелькнула догадка, и стажеру стало легче дышать. – Неужели позволят стать пересмешником? Это лучшее из наказаний, я счастливчик!»

Напряжение спало, Афлорий даже тряхнул крыльями, забыв, что любое движение может отозваться болью, и едва не пропустил заключительные слова судьи.

– Лук и стрелы сдать.

– А как же...

Действительно, как исправить ошибку без золотых стрел? Свет бы неудавшуюся парочку, бабахнул по ним стрелой любви так, чтобы она прошла оба сердца, и все, готово! А теперь?

– Четвероногому существу они ни к чему.

– Ваше Светлейшество, я не понял, вы сказали «четвероногому»? – лик стажера стал того же цвета, что и кончики собирающих звездную пыль крыльев.

– Тварью бессловесной вступите в человеческий мир. И оной останетесь, пока не осчастливите любовью пять пар.

– С–с–стать собакой? – Афлорий не верил, что его так жестоко наказывают. Теперь он будет не в состоянии не то что ранить стрелой, но и даже тренькнуть тетивой или нашептать.

– Хоть хомячком, – устало ответил судья и шарахнул деревянным молотком по чернильнице, разбив стеклянное сердце и ставя на том

точку. Разбрызгавшаяся кровь медленно впиталась в одежду двух пересмешников и упавшего на четвереньки стажера, запустив тем приговор в силу.

Последнее, что услышал Афлорий, чувствуя, как с его крыльев осыпаются перья, это шипящий шепот ангела–пересмешника:

– Только попробуй стать хомячком! Придушу!

– Мяу! – произнес стажер и почесал задней лапой за ухом.

А в городе, где осень золотом и багрянцем разукрасила тихие дворы и скверы, из подъезда дома, где жила Евгения Ключева, вывели спившегося барабанщика дядю Сашу. Он, поймав строгий взгляд своей старшей сестры, торопливо спрятал под куртку отполированные годами неустанным применением барабанные палочки.

В сторонке терпеливо дожидалась своего вселения интеллигентная парочка старушек. Прямые спины, гордо поднятые головы. В переноске у их ног томился кот породы вислоухий шотландец. Его так и тянуло уткнуться носом в один из баулов, принадлежащий сестрам. Там лежали бутылки, заполненные замечательной настойкой, на которую кот возлагал огромные надежды. Не надо шептать, тренькать или пулять стрелами. Накапал пять капель, и все то, что сделает проштрафившегося купидона свободным, произойдет само собой. Утраченные много лет назад чувства вспыхнут с новой силой, и никуда голубчикам не деться. Все переживания и комплексы исчезнут, уступив место любви.

Всего то и нужно – подогнать Бойко Алексея Харитоновича к аптеке, где работает Ключева, всучить каждому по бутылке «Любарума», и пусть сны, полные неги и страсти, примирят их с мыслью, что они друг без друга жить не могут.

«Зачем ты берешь пять бутылок, когда достаточно две?» – вспомнил кот шепот пересмешника, которого его сероглазый напарник называл Ассисом. Афлорий различал двух совершенно одинаковых ангелов только по цвету глаз. Видимо, его изменить они были не в силах. Стажер слышал, что пересмешники прячут истинную внешность даже от своих друзей, а порой и сами забывают, как выглядят.

Все трое стояли на складе, где им выдавали реквизит, необходимый для выполнения задания.

«Две?!» Ну уж нет, больше никакой оплошности стажер не допустит! Все нужно брать с запасом, еще неизвестно, сколько лет придется торчать среди людей. Просто так ни один из «посланцев» в Любовное ведомство вернуться не может – только после исполнения всех условий приговора.

Пересмешники сверяли полученное «обмундирование и предметы обихода» со списком, который наверняка составили заранее. Что и говорить, профессионалы.

– Зачем вы подкатили BMW? – зайдя за стеллажи, удивился пересмешник, представившийся кладовщикам как Проф. На стартовой площадке стояла, на взгляд кота, отличная машина. Чего этих надменных ангелов не устраивает? – Нет–нет! Я кровью по белому написал – красные «Жигули». Мы не должны выделяться. Все тихо и скромно.

– Красный в людском мире совсем не скромный цвет, – вставил свое Афлорий.

– Может такое случиться, что станет жизненно необходимо, чтобы наша машина запомнилась. Но только не своей стоимостью. Деньгами «там» никого не удивишь.

– А это что?! – воскликнул Афлорий, когда перед ним открыли дверку переноски для кошек.

– Так нужно. Я не хочу носить на руках шестикилограммового кота.

– Но я же никуда не убегу, буду тереться у ваших ног! – стажер нахождение в клетке считал унижительным.

– Вот еще одна причина, почему нам нужна переноска, – Ассис поморщился, словно трущщийся о ноги кот – верх не гигиеничности. Его мимика сильно задела Афлория, привыкшего быть самым лучшим, самым умным и самым модным. – И подбери себе какое–нибудь кошачье имя...

– А чем вас Афлорий не устраивает? – возмутился стажер. Шерсть на его загривке встала дыбом.

– Если ты будешь выкобениваться, мы сами дадим тебе кличку. Будешь просто Васькой.

– Лямур. Хочу быть Лямуром. Это имя будет мне греть сердце.

– Полезай в переноску, Лямур. Пора, – вместо Профа рядом с Ассисом стояла милая старушка с ридикюлем в руках. Когда дверца за

стажером закрылась, второй пересмешник тоже превратился в пожилую женщину. Его карие глаза закрывала шапочка с вуалью.

– Тоже мне, модники, – прошипел уязвленный купидон.

Глава 2. Операция... (такой буквы в человеческом алфавите нет)

Я не верю в неудачи. Нет никакой неудачи,
если вы получили наслаждение в процессе.
Опра Уинфри

В доме, в торце которого находилась аптека «Пилюля», в трехкомнатной квартире на втором этаже шло важное совещание. Лица и морды присутствующих были серьезны.

Трое – две пожилые женщины и кот, сидели за круглым столом с разложенными на нем документами, схемами и фотоматериалами.

Сероглаза старушка с кукольным личиком, она же Вера Романовна, она же пересмешник Проф, внимательно изучала личное дело преподавателя кафедры «Высшей математики» Бойко Алексея Харитоновича.

– Так, у объекта за шесть лет ничего не изменилось: официальной жены нет...

– Гражданской тоже! – преданно глядя в глаза старшему пересмешнику, торопливо добавил Лямур. – Впрочем, как и постоянной девушки.

Коту, чтобы быть наравне со всеми, пришлось встать на задние лапы, передними же упереться в стол. Попавшийся под когти снимок ясного лика преподавателя скользил, и Лямуру все время приходилось подтягивать его к себе, отчего край фотографии основательно истрепался.

– А не постоянная девушка есть? – требовательно спросила Надежда Романовна. Кот сжался под ее темным взглядом. «Вот почему об ноги Профа хочется тереться и мурлыкать, а к Ассису даже подойти боязно?»

– Учебный год только начался, – промямлил кот, не желая говорить правду, – в дополнительных занятиях никто из студентов не нуждается.

То, что Афлорий выбрал в качестве прикрытия шкуру кота – было одновременно хорошо и плохо. Хорошо – потому что никто не заподозрил бы в подслушивании и подглядывании шныряющего по крышам и подоконникам мурлыку; плохо – он был слишком большим, чтобы пробраться туда, куда хотелось. В этом случае ему бы стать хомячком или мышкой, легко протискивающей свое тело в любую щель, но стажер Афлорий с первых слов, сказанных ему пересмешником, понял – Проф до ужаса боится мелких тварей. Странно, конечно, но всякое бывает. Обижать ангела, к которому чувствовалась необъяснимая симпатия, не хотелось. Совсем другое дело Ассис. Вроде и не говорил ничего неприятного, но шестым чувством кот понимал, что друзьями им не быть. Вот и сейчас остроносая Надежда Романовна посмотрела так внимательно, словно желала узреть, какого размера мозги у кота.

Эх, если бы не стремление как можно быстрее отбыть наказание и вернуть себе гордое звание стрелочника, Афлорий сто раз подумал бы, прежде чем соединять судьбы Жени Ключовой и БАХа. Да, с помощью «Любарма» ангелам наверняка удастся влюбить людей друг в друга, и Евгения утратит грустные сексуальные воспоминания, но что будет с ней потом? Излечит ли чудодейственный напиток Алексея Харитоновича? Будет ли любвеобильный преподаватель верен своей избраннице до конца или через год – другой вновь выйдет на охоту? Не секрет, что многие мужчины и женщины иногда начисто утрачивают чувства друг к другу, и никакой купидон не в силах предотвратить их развод. А тут у Бойко такой соблазн.

Лямур скривил морду. Как выбросить из памяти тот день, когда БАХ целовался в своем кабинете со старшекурсницей, а ночью к нему домой пришла студентка из параллельного потока? И что они вытворяли в постели? Не было бы на теле растительности, Афлорий покраснел бы до кончиков ушей.

Кот вздрогнул, когда Ассис положил ему на спину руку и погладил против шерсти.

– Фр–р–р, – не удержался Лямур. Выпущенные когти оставили на фотографии БАХа глубокие царапины.

– Значит, действуем по плану, – резюмировал Проф, пододвигая к себе листок с начерченной на нем схемой. – Ты, – он обратился к коту, – все последние дни воешь под окнами объекта, кидаешься ему

под ноги, ссышь в ботинки – одним словом – делаешь все, чтобы довести до исступления, а в понедельник вечером я буду поджидать его на трассе. Алексей Харитонович даже не поймет, откуда перед его машиной взялись красные «Жигули» и древний дедок–травник. Еще и утешать начну, успокоительные капли посоветую. Дальше дело техники.

Судьба БАХа была решена. Хочет он того или нет, но ноги сами принесут его в аптеку к Ключевой, где она продаст ему «Любарум». Серия сногшибательных снов (а в этом никто из троицы не сомневался, зная, каким опытом обладает Бойко), встречи наяву и не пройдет и месяца, как первая пара будет готова подать заявление в ЗАГС.

Афлорий уже приглядел и вторую пару – Наташа с сыном Димочкой очень нуждались в крепком плече, которое приходило к ним только по выходным. Со стороны было заметно, что воскресный папа уже устал от хищных моделек, и нужно лишь направить его взор в нужную сторону.

– Доставку «Любарума» в аптеку беру на себя, – поднимаясь из–за стола, произнес Ассис.

– Лучше бы я, – забеспокоился кот, спрыгивая на пол. – Но разве этими можно что–либо сделать, – он выпятил лапу с крючковатыми когтями. – Остается лишь полагаться на вас. И пожалуйста, разделите одну бутылку на две части. Во флаконы по пятьдесят миллилитров. Я думаю, полгода сновидений нашим подопечным хватит.

– А зачем тогда набирал столько? – Ассис как всегда был подозрителен.

– Ну, мало ли, вдруг разольют... Ищи потом замену... С запасом оно как–то спокойнее.

Пересмешники переглянулись.

Ох, как Афлорию не хотелось признаваться, что он рассчитывал с помощью «Любарума» обработать все пять пар. Это же надежно и быстро: не надо ничего придумывать, подолгу жить рядом, изучать привычки людей.

Пересмешнику какая забота? Дал команду и сиди себе дома, развлекайся, а коту придется сутками шляться по крышам, подглядывать, подслушивать, вынюхивать. Сколько раз его стукнули по ребрам дверью? И не сосчитать. А эти мальчишки, что так и

норовят схватить за хвост? Девчонки еще хуже – того и гляди, замучают ласками до смерти.

– Все! – кот нехотя поплелся в коридор. – Пошел терроризировать БАХа.

Афлорий вздохнул. До понедельника жить на улице! Хорошо, что поесть всегда найдется. С его–то кошачьей ловкостью и наглостью. А вот торчат и в дождь, и в снег под окнами – совсем не здорово.

– Удачи! – Ассис открыл дверь и поддел кота ногой под зад. Стажер, вылетев за порог, хотел было вцепиться в старушечью щиколотку, но дверь перед его носом захлопнулась.

Кот прижал к ней ухо.

– Что–то он темнит, – послышался голос противной Надежды Романовны. – Так и хочется проучить.

– Действуем по плану.

Спасибо тебе, Проф, голубчик!

Успокоившись, что сюрпризов ждать не стоит, Лямур отправился на другой конец города.

– Да твою ж мать! Ты заткнешься или нет!

– Вот ведь гаденыш, сидит там, где его не достать!

– А вы его шваброй, Алексей Харитонович, шваброй!

– И в подъезде вонь стоит, хоть противогаз надевай!

– Да я уже вторые кроссовки выбрасываю! И когда успевает насрать?

– А у вас, сосед, не только кроссовки, но и вся дверь обоссана!

– Я убью его, гада!!!

– Мя–у–у–у–у!!!

– Уважаемый, что с вами? – старик, похожий на Деда Мороза, участливо смотрел на побагровевшего мужчину, что схватил его за ворот полушубка и тряс так, словно хотел, чтобы у жертвы оторвалась голова.

– Да вы! Да вы! – только и мог сказать Алексей Харитонович, находясь на пике шокового состояния. И ладно бы этот шок вызвало едва не произошедшее столкновение, когда «Жигули» выросли словно из–под земли, так нет! В заднее окно красной машины смотрел и ехидно скалился (Бойко мог в том поручиться!) тот самый кот, что вот

уже три дня не давал покоя ни ему, ни соседям по подъезду. – А! Убью гада! Я узнал его наглую морду!

Старик, оказавшись на воле, поскольку безумец, каким сейчас выглядел преподаватель математики, нашел другой объект ненависти – тряс дверь «Жигулей», пытаясь ее открыть. Хвостатый «гад» перепрыгнул на водительское сиденье.

– Да успокойтесь же вы! – старик достал из кармана брелок в виде ангела. – Машина старая, снаружи без ключей не открывается. И чем вам не угодила моя кошка?

– Этот гад... Этот гад...

– Уважаемый, давайте договоримся. Если вам так уж хочется оскорблять мою кошку, то называйте ее гадиной.

– Вы все врете! Я не мог ошибиться! Я запомнил каждую волосинку на этой наглой морде!

Старик спокойно открыл дверь, схватил животину за загривок и поднес к лицу БАХа.

– Вы где-нибудь видите яйца?

Бойко от неожиданности отшатнулся.

Лямур, а это конечно был он, на всякий случай яйца втянул.

«Ох, Проф, не ожидал я от тебя такой подставы», – подумал он, и как можно нежнее мяукнул.

Сбитый с панталыка Бойко замолчал. Ночь и желтый свет фонарей при любом раскладе не позволили бы ему рассмотреть кошачьи причиндалы, но спокойный голос старика и это робкое мяу, которое никак не перепутать с тем диким ором американского койота, заставили его задуматься.

– Ох, простите... – БАХ поднес руку ко лбу и озадаченно его потер. – Я совсем измотан. Несколько дней не спал, даже днем мне мерещилась та дикая тварь... Ох, простите... Никак не хотел оскорбить ни вас, ни вашу кошку.

– Вам нельзя в таком состоянии за руль, – миролюбиво сказал старик. – Давайте вернем вашу машину на университетскую стоянку, вы ведь оттуда только что выехали?

Бойко кивнул.

– А я, раз уж чуть не стал виновником ДТП, так и быть, довезу вас до дому.

Бойко опять кивнул. Он стоял фонарным столбом и с тем же безразличием, с которым фонарь дарит свет, смотрел, как старик паркует его автомобиль, а потом возвращается к своим «Жигулям».

– Садитесь сюда! Вот так...

В тепле БАХ немного отошел.

– А чем это у вас так приятно пахнет? – спросил он, косясь на кошку, которая сидела на заднем сиденье и не спускала с незнакомого человека глаз. «Вот ведь дурак! Действительно, ошибся! Попади тот засранец в машину, здесь пахло бы совсем по-другому».

– А? – дед улыбнулся в усы. – Чем пахнет? Травами разными пахнет. Вон в той коробке за моей спиной мята, а вон в той – ромашка аптечная и шишки хмеля. Зверобой еще есть. Вам бы сейчас из них успокоительный отвар принять и выспаться. И никакие коты не стали бы помехой.

– Я, можно сказать, мечтаю об этом...

– А давайте в аптеку заскочим? Я знаю одну. Здесь недалеко. Там из моих же трав настойку делают. Ух, как хороша! А сны какие яркие снятся! И девушка там работает красивая. Я хоть и старик, глаз отвести не могу!

Как разбудить боевого коня? Конечно, призывом горна.

Алексей Харитонович распрямил спину, поправил волосы, застегнул верхнюю пуговицу рубашки и подтянул галстук.

– Как, говорите, настойка называется? – голос у Бойко стал звонким.

– «Любарум». Еще пара переулков и мы на месте.

«Как же хорошо наши травы на людей действуют. Успокаивают, вселяют уверенность, – Лямур жмурился от удовольствия, представляя, как БАХ – весь из себя такой красавец, войдет в аптеку, и Ключева, которую уже наверняка подготовил Ассис, снимет медицинскую маску, стянет с головы шапочку, тряхнет копной светлых волос и предстанет во всем блеске молодости и красоты. – Никуда им друг от друга не деться. Старые чувства вспыхнут, а страстные сны только подбавят жару».

Зазвонил мобильник.

Лямур вытянул шею.

«Что-то не так!» – сообразил он, когда Проф, ответив на звонок, помрачнел.

– Понял. Отбой, – старик бросил телефон на заднее сиденье и остановил машину у совсем другой аптеки, чьи темные окна не оставляли сомнения, что она не работает.

– Что? – встрепнулся БАХ. – Что случилось?

– Опоздали мы, аптека закрылась, – Проф так искусно изображал досаду, что даже Лямур поверил. – Ну ничего. Я вам травки в кулек насыплю, дома кипяточком зальете, минут через десять выпьете и спать. Куда везти–то вас, мил человек?

– Э–э–э... – только сейчас до Алексея Харитоновича дошло, что свой адрес он так и не назвал. А все этот проклятый кот. Весь мозг вынес! – Улица Дубовая, тридцать.

– Это у железнодорожного разъезда? – уточнил дед, разворачивая машину.

«На сегодня отбой, – по–своему понял слова Профа Лямур, – встреча с Ключевой отменяется».

Через полчаса, когда Бойко вышел у своего дома, стажер собрался бежать следом. Уж больно здорово он провел последние три дня. Где бы ему еще позволили оторваться по полной? Нет, жизнь среди людей в шкуре кота определенно имеет свои прелести.

– Куда? – остановил его Проф.

– Дальше обрабатывать объект, – Лямур вспомнил, что еще не доел жаренную курицу, которую стащил у соседки с первого этажа.

– Все. Объект не нужен. «Любарум» кто–то другой купил. Накладочка вышла.

– Кто? – выдохнул кот. Панические мысли, что все пропало и свобода откладывается на неопределенный срок, почти лишили сознания. Такой сбой и в самом начале операции!

– Неизвестно. Ассис направился по следу.

«Все. Это провал», – подумал Лямур и с тоской уставился в окно, за которым мелькали огни рекламы.

Глава 3. Не все так просто

Я уже разбудил стихию энергетических потоков,
я уже вступил во взаимодействие с силами магнетической
субстанции!

Вы что, сударь, на базар пришли?!

Знаки зодиака. Вот двадцать четыре кабалистических символа,
вот ключ, врата и семь сфер.

Всё уже дышит и приведено в действие.

«Формула любви»

– Ну почему Ассиса так долго нет? – кот ходил по заднему сиденью машины, стоящей на стоянке у аптеки «Пиллюля», и расшвыривал коробки с травами. На него пестики–тычинки успокоительно не действовали. – А вдруг он упустит след, и мы не будем знать, кто купил «Любарум»?

Предчувствие того, что ему веки вечные сидеть в квартире барабанщика дяди Саши, не имея возможности выполнить главное задание, убивало. Пережени он хоть весь город, если Евгения не встретится наяву с мужчиной из сна, кривые усмешки и презрение бывших однокурсников недо–купидону обеспечены.

Чудодейственный «Любарум» хоть и облегчал задачу тем, что накрепко связывал две души, но и усложнял ее: если влюбившиеся друг в друга не встретятся в реальности, они обречены на безбрачие. У всякого волшебства имеется две стороны медали. Ничто не дается даром. Особенно любовь. «Сила действия равна силе противодействия».

Через стеклянные витражи можно было наблюдать, как Женя изнутри закрывает двери аптеки, переставляет флаконы со спиртом в закрывающийся ящик, прихватывает с собой бутылку «Любарума» и, направляясь к черному выходу, выключает свет.

– А давайте я к ней под ноги кинусь? – Лямур перепрыгнул на переднее пассажирское сиденье и умоляюще посмотрел на Профа. – Пока она будет подниматься с колен, вы незаметно вытяните бутылку

из ее сумочки. Пересмешники могут быть невидимыми, я знаю, – надежда, что все можно исправить, не оставляла стажера до последнего. – Нет «Любарума» – нет снов, и объект номер один свободен для любви. А?

– Не пойдет, – покачал головой Проф. – Ты забыл о человеке, который унес с собой вторую бутылку. Он обязательно примет снотворное. Остановить процесс уже нельзя. Все приведено в действие.

– А! – кот в отчаянии уткнулся лбом в бардачок. – А если они не понравятся друг другу?! Вдруг тот незнакомец старик? Или... О, боже!!! А, может, он уже женат и любит свою жену?!

– Прекрати паниковать. Вернется Ассис, и мы все узнаем.

Через несколько минут стонов и метаний Лямура машину потрянуло. Стажер взвизгнул и оказался придавленным рухнувшим на него пересмешником. Проф укоризненно посмотрел на Ассиса и, высвободив полумертвого кота, закинул его на заднее сиденье.

– Он не женат. Я заглянул в его паспорт, – выдал Ассис. Проф выдохнул с облегчением, а Лямур заплакал. – Вот его фотографии.

Пересмешник открыл галерею в своем мобильнике и начал листать снимки. Для человеческого глаза мелькание картинок было бы столь стремительным, что он ничего не успел бы выхватить, но посланцы небесной канцелярии, оторвавшись от экрана, остались довольны.

Кот шмыгнул носом.

– По человеческим меркам мужчина очень даже ничего, – с видом знатока констатировал он.

– По ангельским тоже, – как-то совсем равнодушно произнес Проф. Лямур и Ассис с удивлением уставились на седовласого товарища, продолжающего разглядывать профиль Павла Алексеевича Замкова. С каких это пор пересмешник смотрит на человека теми же глазами, какими первая женщина, вкусив запретный плод, воззрилась на Адама? Проф, заметив реакцию друзей, смутился. – Э–э–э... Я хотел сказать, что Евгении такой типаж определенно должен понравиться...

– Теперь я буду переживать, понравится ли она ему, – кот залез в клетку и закрыл за собой дверцу.

Из машины выбрались две старушки. Одна из них, та, которая была в шапочке с вуалькой, несла переноску со свернувшимся калачиком котом, вторая – свой и сестры ридикюли. Обе женщины улыбались.

– Пс–с–ст! – Ассис щелкнул пальцами перед носом сладко спящего Лямура. Тот нехотя открыл один глаз. Вот если бы его разбудил Проф, стажер соскочил бы немедля, а для Ассиса достаточно и одного глаза. – Быстро за порог, если не хочешь, чтобы я тебя туда вышвырнул.

– За что это? – кот скривил морду.

– Подруга Ключевой тащит огромный кувшин. Ты должен в него забраться и подслушать, о чем они говорят.

Как только дверь за котом закрылась, и Ассис вернулся на кухню, старший пересмешник, наливая своему напарнику чай, тихо спросил:

– И что это вчера было?

Наконец–то им представилась возможность поговорить наедине.

– Мне пришлось задействовать запасной план. Это я привел Замкова в аптеку.

– Но почему меня не поставил в известность?

– Чтобы ты вел себя естественно, и Афлорий ничего не заподозрил, – Ассис отхлебнул чай и в наслаждении закрыл глаза.

Проф уже заметил, что человеческая пища доставляет его напарнику особое удовольствие. У всех пересмешников есть свои маленькие слабости, которые они тешат, отправляясь на подобные задания. Ему, например, нравятся земные цветы. У них нет того ярко выраженного запаха, к которому привыкли небожители, но их простота, скромность аромата по–особому трогали его душу, поэтому он и выбрал такое прикрытие, как «травник». Лишь бутоны карликовых роз, выращенные им еще там, дома, несли магию любви, остальные растения были самыми обыкновенными, которые можно купить в любом специализирующемся на ароматах магазине или даже в аптеке.

– К чему тогда суэта последних дней? К чему кошачьи пения под балконом БАХа, наши метания по городу?

– Это возмездие. И Бойко, и стажеру. Преподавателю – за всех тех глупых девочек, что попали под его обаяние, а Афлорию... – тут Ассис

отставил чашку и подошел к окну, за которым моросил холодный дождь, грозящийся перейти в снег. Пересмешник сложил руки за спиной и уставился вдаль, словно мог за мгливой пеленой, что окутала город, разглядеть небо. – Наш подопечный из рода карьеристов, которые способны пойти по головам, лишь бы быть самыми первыми, самыми удачливыми. Ты видел, какой длины он нарастил себе крылья?

– Видел. Метит в клуб избранных.

– И обязательно вошел бы в него, если бы не земная девочка Женя со своей болью. Ты знаешь, что Афлорий соврал, когда я спросил его, есть ли у преподавателя непостоянная девушка?

– А как ты узнал? – Проф развернулся к окну. – Он вроде был таким убедительным...

– Мне достаточно положить руку на того, кто говорит, чтобы понять, лжет он или нет, – Ассис перевел взгляд на напарника. Его губы скривила улыбка.

Проф мысленно перебрал все те моменты, когда Ассис касался его. У каждого пересмешника есть что скрывать, начиная от имени и внешности, заканчивая...

«Нет, лучше не думать об этом при Ассисе».

Проф слышал, что существуют ангелы, легко читающие чужие мысли, но обычно они свой навык не афишируют. Хотя...

Афлорий мог и не догадываться, что имена Проф и Ассис произошли от сокращенных «профессор» и «ассистент». Суд выбирает пересмешников в пары хаотично, поэтому им трудно определить, работают они в прежнем составе или нет. Профессор и ассистент – это лишь указатель, кто в группе пересмешников главный. Вернее, кто отвечает за успешность конкретной операции. Поэтому Профа несколько покоробил тот факт, что Ассис не посчитал нужным сообщить, что план по воссоединению двух сердец претерпел изменения.

– Где ты нашел Замкова, и почему именно он? – сейчас, зная, что Павел по профессии шеф–кондитер, Проф заподозрил, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль, ведь Ассис большой сладкоежка. Стоит лишь заглянуть в кухонный шкаф или холодильник, чтобы понять это: они под завязку заполнены шоколадом и всяческими

булочками с кремом и без. Осталось немного места для рыбных консервов и кильки, которые Афлорий предпочитает есть в образе кота, и совсем скромный уголок для хранения продуктов Профа. Он и здесь остался верен себе: брокколи, спаржа, артишок – все то, что можно вырастить, сунув в землю росток или семечко.

– Я наткнулся на Павла совершенно случайно. В кафетерии при гостинице.

– Так вот откуда твой торт! – не смог не вставить Проф.

Ассис улыбнулся.

– Замков разговаривал с шеф-поваром ресторана «Старый город». Тот его знал по Москве и не верил своему счастью, что ему удалось заполучить специалиста мирового уровня. Мне достаточно было проследовать за уставшим Павлом в номер и нашептать, что он не сможет уснуть без снотворного.

– Выходит, пока мы окучивали Бойко...

– Я толкал под локоток Ключеву, чтобы она отдала Замкову «Любарум». Не переживай, Павел достойный кандидат в мужья. Я проверил его.

– Выходит, ты подобрал к ключу замок? – Проф впервые за всю беседу улыбнулся.

– Выходит, что так.

– Тебе все-таки следовало предупредить меня, – старший пересмешник вновь стал серьезным.

– Прости, все получилось спонтанно.

– Мне интересно знать, что было бы, если бы ты не встретил Замкова, а мы привезли БАХа в аптеку. Ты позволил бы этой паре воссоединиться?

– Нет. Даже если бы Женя вручила Бойко «Любарум», этот прохиндей не выпил бы ни капли. Я бы позаботился об этом. Кстати, остальные бутылки нашего магического варева тоже в аптеке. Там они будут сохраннее, и стажеру до них не добраться.

Проф ахнул.

– Афлорий устроит скандал. Он же просил разделить одну бутылку на две, а ты...

– Я раскусил его. Не будем облегчать штрафнику жизнь: накапал нужным людям волшебных капелек и готово. Нечего. Пусть поработает мозгами.

– Не все коту масленица, – Проф явно одобрил метод воспитания, избранный Ассисом. Между тем, прозорливый напарник заметил, как Проф мнется: хочет что-то сказать, но не решается.

– Проф, а ведь у тебя тоже есть от меня секрет...

Старший пересмешник побледнел.

– С чего ты взял?

Ассис сел за стол и, наполнив чашку чаем, в котором плавали лепестки какого-то цветка, шумно отхлебнул. Потянув время, в полной мере насладившись замешательством напарника – любителя травок–муравок, которые он сует всюду, даже в чай, пересмешник, наконец, произнес:

– Я чувю, что Бойко не отделался трехдневным концертом Лямура.

– Ах, ты об этом... – Проф выдохнул через сжатые губы. Заметив ухмылку на лице Ассиса, сощурил глаза. – Хорошо. Откровенность за откровенность. Так и быть, открою тебе свое умение: я мастер заговаривать растения. Тем вечером Бойко получил кулек с травами, отвар из которых изменит его отношение к женщинам. Он не сможет быть с ними без любви. Стоит ему соблазнить очередную дурочку, как в самый важный момент сексуальный азарт улетучится.

– Ты сделал его импотентом?! – Ассис чуть не подавился чаем. Он с подозрением посмотрел на болтающиеся в чашке лепестки и решительно отодвинул ее от себя, что несколько позабавило Профа. Теперь он точно знал, что его напарник – мужчина.

– Зачем же столь коварно мстить человеку? Все гораздо проще. Стоит ему захотеть секса без обязательств, и его собственный мозг напомнит ему, как пахнут кроссовки, в которые нагадил Лямур.

Ассис брезгливо поморщился.

– Для него станет невозможен секс без любви?

– Таково его наказание, – Проф встал и, собрав чашки со стола, отправился их мыть.

Пока Галка пыхтела, поднимаясь по лестнице, Лямур серой тенью крался следом. Стоило девушке поставить кувшин у двери и отвлечься на выуживание ключей из сумки, кот запрыгнул и распластался на дне глиняной посуды.

Шумела вода, подружки говорили о каких-то бытовых вещах, и Лямур позволил себе расслабиться. «Можно даже поспать.

Человеческие женщины горазды часами трепаться о всякой ерунде».

Покрутившись и устроившись удобнее, кот принялся вылизывать лапу, на которой сохранился запах вчерашней курицы, но услышав над головой громогласное «Та-дам!», едва не умер от страха.

Возглас «Это еще что?!» заставил тело сжаться подобно пружине. Еще мгновение и Лямур сиганул бы прочь, решив, что его обнаружили, но тревога оказалась ложной – подруги защибетали о красоте керамических птичек-цветочков. Единственно полезное, что прозвучало в бесконечной череде ахов и охов, было решение перенести кувшин в спальню. Теперь Лямур точно знал, где в квартире Ключевой находится надежное укрытие, в котором он может спрятаться, не подвергая свою жизнь опасности быть случайно раздавленным.

Разговоры, разговоры, разговоры...

У стажера разболелась голова. Тянуло ко сну, но он вынужден был терпеть, надеясь выловить нужную информацию. Как бы ему не желалось услышать о странном (и Лямур надеялся, очень страстном) сне, но Женя молчала.

Не молчала Галка.

«Никита? – Лямур даже поднял голову. – Она любит одноклассника Никиту Горелова? Хо-хо-хо! Вторая пара из пяти у меня в кармане!»

Его настроение настолько улучшилось, что он даже не стал покидать свой пост, решив дожидаться возвращения Ключевой, чтобы продолжить подслушивание и подглядывание.

Проникнуть в аптеку совсем не просто, а сидеть на улице слишком холодно. Да и опасно. Того и гляди, уборщица веником огреет, чтобы у дверей не терся. Или вдруг какая-нибудь сердобольная женщина приглядит и заберет с собой. Уси-пуси... Тьфу!

«Мало кто из людей пройдет мимо такого красивого кота», – Лямур нашел убедительный резон остаться в квартире Ключевой и, сбегав на кухню и сжевав кусок колбасы, оставленный на столе, вновь устроился в кувшине.

Глава 4. Хроники ангельских будней

Вначале был хаос, и только потом – суета.

Малкин Г. Е. «Мысль нельзя придумать»

Второй день операции. Вечер

Лямур сидел тихо, боясь пошевелиться. В коридоре Ключевой топтался и потел тот самый Никита.

«Дурак я! – применил стажер общечеловеческое ругательство, которое весьма хорошо описывало собственные умственные способности. – Надо было лучше разведать окружение Ключевой, и тогда не пришлось бы сидеть в кувшине».

У купидонов отличное чутье, и Афлорий готов был пожертвовать кошачьим хвостом, если он ошибался: от Горелова за версту пахло желанием. Никита просто изнывал от любви к Ключевой.

«Какие упущенные возможности! – страдал стажер. – Достаточно было влюбить Женю в ее одноклассника, и первое из пяти заданий было бы уже выполнено».

Кот знал, что был прав: гораздо труднее сводить совершенно незнакомых людей. Работы в два раза больше.

Лямур прислушался к голосу Горелова.

«Модуляция с головой выдает тебя, мужик! – фыркнул он, жалея, что коты не могут саркастически улыбаться. А еще в нем клокотало возмущение бестолковостью той женской особи, что торопясь прихорашивалась у зеркала. – Как ты, Ключева, можешь не чувствовать, не слышать, не понимать, что он тебя любит! Воистину женщина слепа!»

Улучив момент, когда Евгения наклонилась, чтобы надеть сапоги, а запарившийся Никита приоткрыл дверь, кот шмыгнул наружу и галопом полетел к своей квартире.

– Мяу!

Ассис запустил «командировочного» домой.

– Что нового на любовном фронте? – поинтересовался он, откусывая от плитки шоколада внушительный кусок.

– Появился новый претендент на сердце Ключевой, – выпалил Лямур, бросаясь на кухню, где его ждала миска с килькой, о которой он полдня мечтал. – Вам бы проследить за нашей подопечной, – речь кота стала невнятной. Хруст рыбьих голов заставил Ассиса поморщиться. – Как бы опять накладочка не вышла...

Рядом вырос Проф.

– В смысле?

– Женя с влюбленным в нее одноклассником в кино ушла. На последний сеанс. Наверняка сядут на последний ряд. Понимаете, на что я намекаю?

Ассис дематериализовался.

– Что нового на любовном фронте? – не без ехидства поинтересовался Лямур, стоило Ассису спустя три часа вернуться домой.

– Пришлось в кинотеатре ведро с попкорном опрокинуть, – буркнул недовольный пересмешник. – Иначе этого Никиту было не остановить. Резвый парень...

– И что теперь? – Проф вышел из кухни с бутылкой лимонада «Тархун».

– Что-что? Сейчас неудавшийся любовник скребется за дверью, а Женя его не пускает. Ее даже рвало от отвращения.

– Так это здорово! – Проф протянул бутылку напарнику, тот жадно приложился к горлышку. – Ее реакция говорит о том, что «Любарум» сработал, и она видит сны! Теперь другие мужчины для нее – табу!

«Оно и к лучшему, – кот сыто рыгнул. Он только что съел банку кильки в томате. – Будем действовать по намеченному плану: сводить Замкова и Ключеву, а следом Галку с Никитой. Считаю, я на два шага ближе к свободе».

Третий день операции

– Ну что опять? Всего шесть утра! – Лямур приоткрыл один глаз, сверив внутренние часы с теми электронными, что висели на стене. Но

Ассис не стал церемониться – схватил кота за шкурку и потащил к двери.

– Галка идет. Тебе надо бы послушать, о чем говорят подруги.

– А поласковой нельзя?

– Я тебя и так на руках ношу, – пересмешник бесшумно открыл дверь и швырнул кота на лестницу, по которой уже поднималась Галина Романова.

Привычно прошмыгнув в квартиру, мечтая когда-нибудь отомстить Ассису, кот забрался в кувшин и наострил уши.

И чуть не оглох.

– А–а–а! – вдруг закричала купидоновская подопечная.

– Женька, ты чего кричишь? – голос Галки дрожал.

«Ей снятся ужасы? – встревожился стажер. «Любарум» никак не обещал неприятных сновидений, об этом купидона заверили еще в ведомстве Любви. – Если только...»

Догадка обожгла.

«Если только тот, кто приходит к объекту во сне, не противится их любовной связи...»

Кот завертелся в кувшине юлой, забыв, что в квартире он не один.

«Я так и знал! Нельзя связывать между собой незнакомых людей! Того и жди какой-нибудь неприятности!»

Смятение и беспокойство немного поулеглись, когда подруги перебрались на кухню.

Обрывки фраз, долетающие до чуткого уха, улучшили настроение стажера. Будет о чем рассказать пересмешникам!

– Повикипедь, пожалуйста, сколько длится быстрый сон. В который раз обрывается на самом интересном.

«О! На самом интересном!»

– Мужики что ли снятся?

«Как у такой мелкой девчонки, как Галка, может быть такой зычный голос?» – Лямур скривил морду и почесал задней лапой за ухом.

– Так это по Фрейдю. Замуж тебе пора, Жека. От неудовлетворенности все.

«Я согласен. Полностью согласен», – стажер радовался неожиданной помощнице.

– Во время быстрого сна наблюдаются эрекции полового члена и клитора! – продолжала вещать Галина. – Я же говорю, все по Фрейду. Мужика тебе надо.

«Надо. Ой, как надо! Но Фрейд? Фу–фу!», – стажер разделял недовольство своего ведомства относительно этого земного ученого. Благо после его смерти им занялись совсем другие структуры.

Лямур едва успел добежать до своей двери, где его поджидали принявшие образ старушек пересмешники. Запустив кота в квартиру, они сделали вид, что только что принялись открывать ее.

Стоило стажеру высунуть голову, изображая любопытного кота, вышедшего поприветствовать своих хозяек (ну и подслушать, о чем они будут говорить с Ключевой), как Ассис больно схватил его за шкуру и противным голосом спросил:

– Лямур, проказник такой, ты куда собрался? Мы тебе молочка принесли!

«Сам пей свое молоко!» – недовольство пересмешником, который всегда находил повод унижить проштрафившегося купидона, росло и крепло, и если бы Ассис вздумал заглянуть в злые глаза стажера, то сразу бы понял, что месть будет страшна.

Вечером в квартире подопечной было особенно шумно. Пенились шампанское и вода в ванне: к Жене пришла ночевать Галина.

Четвертый день операции

Стажер, вспоминая прошедшую ночь, закатывал глаза. Алкоголь творил чудеса. Еще бы чуть–чуть и сложилась бы совсем нетрадиционная пара, которую ему навряд ли зачли бы на небесах.

«Уф! Пронесло!» – только стажер выдохнул, поверив, что его страхи напрасны, как звонок в дверь вновь заставил призадуматься. Ни свет ни заря пришла хозяйка «Пилюли» и устроила Женьке сцену ревности. Девчонки продемонстрировали нагие тела и убедили Светлану Сергеевну (и почти убедили Афлория), что их любовным отношениям место есть.

В глубокой задумчивости стажер вернулся домой, где его тут же огорошили весьма неожиданным известием: вчера отмузузили Кирюсика – Женькиного босса. Теперь тот светил огромным фингалом.

– Это случайно не работа Ассиса? – Лямур в смятении ходил по спинке дивана. Хоть он и не любил придирчивого пересмешника, услышать о том, что человек, достающий их подопечную, получил по морде, было приятно. – Надеюсь, он сделал это не в образе Надежды Романовны?

Кот фыркнул, представив, как старушка бьет ридикулем по лицу Кирилла Петровича.

– Нет, его ударила новенькая из пятой аптеки, совершенно случайно оказавшаяся обладательницей первого взрослого разряда по боксу. Наш Ассис занят объектом номер два, – Проф, надев резиновые перчатки, стряхнул воду с корней луковицы, намереваясь пересадить ее в горшок.

– Знаю, чем он там занят. Небось, пирожными уедается. Нашел себе кормушку, – Лямур откровенно завидовал. Вот если бы ему так подфартило, и Женька работала не в аптеке, а в цехе по производству рыбных консервов, наказание переносилось бы намного легче.

А еще новость о том, что Кирилл Петрович обхаживает не только Евгению Ключеву, но и других сотрудниц, навело стажера на мысль, что не все так гладко в семье владельцев «Пилюли».

«Неужели он разлюбил свою жену? Но я точно знаю, что их брак заключался на небесах! – Кот в задумчивости спрыгнул на подушку. – А если и здесь применить «Любарум»? Всего-то и нужно пять капель... Эротические сны – как обновление чувств и все такое...»

Недо-купидон уже рисовал очередную галочку в строке приговора, которую ему поставят на небесах за воссоединение двух уставших сердец. Он так и видел заголовки, которые золотом горели в «Ангельском вестнике»:

«Возвращение блудного мужа в лоно семьи!»

«Подвиг стажера Афлория! Там, где не помогли кулаки, справились сны, полные любви!»

«Слава Афлорию – самому умному купидону, нашедшему простой способ возвращения утраченных чувств!»

И последующее приглашение в клуб избранных.

Кот закрыл глаза, чтобы справиться с волнением.

Ладно, он не успел поженить Гарри и Меган, но на свете еще немало свободных принцев...

И золушек, ждущих белого коня...

Он, Афлорий Великолепный, самолично приведет породистого жеребца к порогу заслуживающей любви девушки....

Лямур потянул носом, чтобы насладиться запахом «Любарума», который не могли скрыть даже самые крепкие пробки, и... не почувствовал его. Стажер поспешно слез с дивана и, добежав до стоящего на комодке баула, уткнулся в него головой. Потом залез в сумку целиком и уже оттуда потрясенно произнес:

– А–а–а где остальные бутылки?

– Так и знал, что ответ придется держать мне, – Проф с досадой отодвинул от себя горшок, в который только что любовно пересадил луковицу.

Кот, сообразив, что Проф в курсе истории пропажи снотворного, запрыгнул на стол и с укоризной посмотрел на старшего товарища. Прижатые к голове уши и тряпкой повисший хвост выражали крайнюю степень расстройства.

– Их что – нет дома? – в голосе теплилась надежда. – Совсем–совсем нет? Ни одной бутылочки?

– Лучше задай этот вопрос Ассису, когда тот вернется, – Проф попробовал увернуться.

– Вы слили драгоценный настой в унитаз?

– М–м–м...

Горе кота было бескрайним.

Золотом написанные заголовки в «Ангельском вестнике» меркли, свободные принцы скакали мимо Золушек, а срок наказания горе–стажера стремился к бесконечности.

Вечер, когда вся супер–команда собралась вместе, закончился не лучше. Выяснилось два удручающих факта.

Первый. Все пять бутылок «Любарума» Ассис «совершенно случайно» сдал в аптеку.

Второй. Мятежный пересмешник все–таки приложил руку в деле «избиения» Кирюсика. Причем в прямом смысле слова. Ассис «совершенно случайно» болтался недалеко от того места, где развернулось побоище, и в тот самый момент, когда Кирилл Петрович склонился к симпатичной аптекарше, чтобы напугать ее своим «Бу!», невидимой рукой погладил ту по крепкой ягодице. Реакция женщины была однозначной. Босс отлетел на два метра.

Ассис даже не заметил, как сильно расстроил стажера. Пересмешник, всячески мешающий приблизить вожделенную свободу и погасивший мелким хулиганством лучи славы Соединителя Уставших Сердец, перешел в когорту врагов.

Пятый день операции

Утро принесло новый сюрприз. Евгения разлила «Любарум».

«Бестолковая девица! – сокрушался Лямур, наблюдая, как та рассеянно трет пол тряпкой. – Нет, чтобы пипеткой собрать все до капли! Год работы лаборатории ведомства Любви псу под хвост!»

Теперь идея разыскать утраченные бутылки стала навязчивой.

Как только две «интеллигентные сестрички» отправились по своим делам, Лямур, перестав притворяться, что вымотался и ему нужно проспать, выскользнул через форточку на улицу и потрусил в аптеку.

«Женя же не дура! – размышлял он. – Разлила одну бутылку, возьмет другую. Мне останется лишь запомнить, где она их держит, чтобы в нужный момент выкрасть».

Каким способом он собирается осуществить хищение, стажер не придумал. Придет время, и он разработает план по возвращению богатства домой. Вариант, что Лямур понесет стограммовую бутылку в зубах, не рассматривался. Его кошачья пасть открывалась не настолько широко, да и гладкие бока бутылки не позволили бы ее удержать. Тут нужна помощь того, у кого есть руки, а не лапы.

Но и простейшим планам – разнюхать, где держат вожделенное снотворное, не довелось осуществиться. Вместо красавицы Женьки за прилавком стояла рыжеволосая карга. Пока она была занята разговорами с покупательницей в пуховом платке, Лямур незаметно прокрался к двери, ведущей на лекарственный склад. Но не дошел до нее. Бойца свалил невидимый враг – на кота обрушился сонм запахов. Одна «китайская звездочка», которую демонстрировал рыжеволосый монстр, носящий имя Мария Степановна, чего стоила!

Лямур не удержался и громко чихнул.

– Это кто у тебя под прилавком? – быстро отреагировала покупательница. – Женька что ли от меня прячется?

– Н–н–ет... Ее сегодня выгнали с работы. Я вывела эту девицу на чистую воду. Теперь я вместо нее работать буду, – Марь Степановна прислушалась, не повторится ли странный звук. Но нет. Ни шороха, ни писка. – Показалось, наверное. Мы с тобой, Захаровна, тут одни...

И все бы обошлось: Захаровна уже открыла рот, чтобы разузнать, чего такого натворила прыткая девица, совсем недавно устроившаяся в аптеку, но Лямур вновь оглушающе чихнул.

Марь Степановна оказалась куда проворнее кота. Тот не успел нырнуть под шкаф, как следом полетел веник, больно ударив его по голове.

– Держи паршивца!

Вся надежда была на то, что темный угол, в который он забился, не позволит старушкам дотянуться до страдальца.

Но помог не темный угол. Рыжую каргу угробила чрезмерная ретивость.

Громкое «ой!» возвестило, что угроза миновала.

Через полчаса примчался Кирюсик, и скрюченную каргу увезла скорая помощь.

Недовольный босс надел белый халат и встал за прилавок, где уже скопилась очередь из страждущих выздороветь.

– Черт! – тихо выругался он. Лямур наострил уши. – И зачем я выпроводил Ключеву? Теперь парься тут вместо того, чтобы пойти с друзьями в сауну...

– Где ты ходишь?

Лямур, протискиваясь в форточку, чуть не свалился. Он не ожидал застать пересмешников дома.

Ассис сидел за столом. Сцепленные в замок руки говорили о крайнем нервном напряжении. Кот на всякий случай втянул яйца.

– Евгения уехала к подруге в поселок, операция на грани срыва, – Проф тоже выглядел расстроенным. – Мы только что встретились с ней. Все очень плохо.

– Где ходишь? Где ходишь? – передразнил Лямур Ассиса. – Да если бы не я, вы бы так и не узнали, что только что произошло в аптеке!

Выслушав стажера, пересмешники переглянулись.

– Так. Что мы имеем? – Проф нахмурил брови. – Женя в поселке Тихие воды, Замков без Ключевой видит пустые сны, а «Любарум»

неизвестно где.

– Да–да! – Лямур чувствовал себя героем. – Пока увозили старуху, я облазил всю аптеку. Снотворного нигде нет!

– Нужно возвращать Евгению, – Ассис хлопнул ладонью по столу, заставив Профа вздрогнуть. – Только она может выяснить, куда перепрытали «Любарум». Наша подопечная лично заинтересована отыскать его.

– А для этого нужно, чтобы Кирюсик захотел вновь принять ее на работу! – воодушевился Проф.

– И мы сделаем так, что он сам побежит в Тихие воды, лишь бы Ключева вернулась! – Ассис поманил пальцем остальных, чтобы не пришлось повторять второй раз. Три головы сомкнулись над маленьким кухонным столом.

Через час план был разработан до мелочей.

Кирилла Петровича ждал адский трудовой день. Зудящие старики и старушки, мамыши с плачущими детьми и сопливые подростки шли к нему плотной чередой. Стоило обслужить одного скандального покупателя, как рядом вырастал другой, не менее нервный.

Если бы какой–нибудь наблюдательный человек пригляделся к красным «Жигулям», стоящим за углом аптеки, то он был бы весьма удивлен. В машину садились одни люди, а выходили совершенно другие.

В конце дня, когда наплыв покупателей поубавился, и Кирилл Петрович обессиленно рухнул в кресло, появился молодой человек, который окончательно исчерпал запас его терпения.

После недолгого пререкательства поздний визитер схватил Кирилла Петровича за грудки, требуя «Любарум», который не далее как пять дней назад уже покупал именно в этой аптеке.

Измученный Кирюсик сдался. Пошурудив в личном шкафчике Марь Степановны, раскрыв сто и один пакетик, пошелестев куском фольги, он извлек на свет бутылку «Любарума», которую и вручил настойчивому покупателю.

А в машине Замкова сидели две интеллигентного вида старушки и потирали руки, облаченные в кружевные перчатки.

– Вот и нашелся наш чудодейственный отвар! – улыбаясь, произнесла Вера Романовна, убедившись, что Павел добился своего.

Его стремление заполучить снотворное яснее ясного говорило о том, что сны ему нравятся. А значит дело на мази.

– А завтра и Ключева вернется домой. Вот увидите. Солнце еще не взойдет, как Кирилл Петрович будет сигналить у ворот Галкиного коттеджа, – подмигнула сотоварищам Надежда Романовна. – Я, покупая мазь от геморроя, успела посокрушаться, как же тяжело стоять за прилавком самому хозяину аптеки. Надо бы вернуть назад расторопную Женечку. Нечего ей прохлаждаться в Тихих водах, пока в городе свирепствует грипп. Эдак хозяину и ночевать на работе придется.

– А он что? – кот высунул морду из переноски.

– Адресок уточнил.

– Все, тихо! Замков возвращается.

– Не забудьте ему фотоальбом показать! – успел шепнуть кот, перед тем как открылась водительская дверь. За руль сел довольный Павел. Лямур втянул носом знакомый аромат «Любарума».

Глава 5. Погоня за удачей

Как только нахожу ключ от успеха, так кто-то сразу меняет все замки.

Б. Франклин

На следующий день красные «Жигули» притаились за заправочной станцией, расположившейся на развилке, недалеко от поселка Тихие воды. Одна из дорог вела в город. Пассажиры вглядывались в жиденький лесок, из-за которого вот-вот должен был показаться внедорожник Кирилла Петровича.

Еще утром Лямур и Проф, принявший образ старика, который из-за седой бороды сильно смахивал на Деда Мороза, убедились, что Ассис, заключивший накануне пари, выиграл. В остановившейся на заправке машине бдящие агенты разглядели вовсе не изнеженного Кирюсика. За руль крепкими руками держался водитель, до бровей обросший черной щетиной.

Накануне вечером

– Обещают снегопад, – про между прочим сказал Ассис, провожая Профа и стажера в ночной дозор. План планом, а контролировать ситуацию загодя не помешало бы. – Босс Ключевой сто раз призадумается, стоит ли ему ехать за город. Поэтому не прозевайте, в поселке может появиться совсем другая машина.

И ведь как не завуалированно намекал!

– А я думаю, сам Кирилл Петрович помчится! Не зря же мы вчера так настропалили его, – отстаивал свою версию Проф, не желая уступить вечно идущему против напарнику. Глава «операции» ухмыльнулся, вспоминая, как усердствовал, пугая Кирюсика гриппом и наплывом недужных.

Проф и не смотрел на посверкивающего темным взглядом Ассиса: он засовывал в сумку пакет с консервами, что из кухни в зубах

притащил кот. Остаться голодным Лямуру никак не хотелось. Неизвестно, сколько часов придется провести в засаде.

– И потом, это веская причина, чтобы не стоять за прилавком, – выбросил козырную карту Проф. – Да и машина у него мощная, никакие сугробы ей не помеха.

– Спорим на желание? – Ассис вытянул руку.

– Спорим, – занятый укладкой драгоценных розочек в коробку, рассеянно откликнулся Проф и не сразу пожал приятельскую руку.

Никто из ушедших в ночь не заметил улыбки Ассиса, который еще во время вчерашнего штурма аптеки внушил уставшему «продавцу», что в машину, коли уж тот собрался за своей работницей, следует положить лопату. «Ночью снежный шторм необыкновенной силы обещали! Как бы не пришлось дорогу до поселка откапывать! – качала головой старушка, которая представилась соседкой и близкой знакомой Жени Ключевой. – Вот тут я на листочке адресок записала. В Тихих водах спросите, где Галина–гончар живет. Вам всякий мальчишка подскажет».

Холеные руки Кирюсика и лопата? Ассис даже не сомневался, что выиграет спор.

Утро следующего дня. Суббота

Как только внедорожник Кирилла Петровича показался из-за деревьев, «Жигули» рванули на заснеженную дорогу.

– Сбавьте газ! – скомандовал кот, с заднего сиденья наблюдая за машиной, в которой ехали Женя и какой-то незнакомый мужчина. – Еще медленнее! Ага! Вот! Сигналят, чтобы мы уступили дорогу.

– Да вижу я! Не мешай!

– Осторожнее!

Красная машина уткнулась в сугроб, и коробки с травами полетели на стажера.

– Ненавижу Ассиса, – прошипел кот, сплевывая попавший в рот «гербарий». Сухие веточки запутались в длинной шерсти, и Лямуру предстояло многочасовое вылизывание. – Если бы наш гордец не сдал в аптеку весь «Любарум», нам не пришлось бы сейчас выдумывать, как вернуть Ключевой эротические сны.

– А если бы вчера кто–то не поторопился и не разбил бутылку снотворного в номере Замкова, нам не пришлось бы коротать ночь в глухом месте на краю земли. Отлили бы немного «Любарума» и накапали Женьке в чай.

– Но Павел выбил же из Кирюсика вторую? – кот почесал за ухом, на котором повис какой–то цветок. – Видели, как Замков в нее вцепился? И по карману все время похлопывал, чтобы убедиться, что бутылка на месте. Я крутился рядом, но так и не удалось ее спереть.

Вытащив зубами очередную веточку, Лямур взглянул на Профа.

– Интересно, где они держат остальные? Я сколько ни вынюхивал, «Любарум» не учуял.

– Не мудрено. В аптеке столько разных запахов.

Кот встал на задние лапы, чтобы посмотреть в окно.

– Розочки не раздави! – Проф, развернувшись, шлепнул кота по загривку и перетащил коробку с бутонами на переднее сиденье.

– Нет, чтобы позаботиться о несчастном коте, – обиделся стажер. – Он о своих бестолковых цветочках печется.

– Без них наша эпопея растянется еще на полгода. Мои розочки влюбленным глаза открывают, и все их страхи снимают. Хоть поговорят без стеснения. Вот увидишь, вскоре «Любарум» нашим подопечным вовсе не понадобится. Любовь сама волшебство творить станет.

– Осталось только эту розочку всучить, – кот лбом уткнулся в стекло. – А машинка–то тю–тю! Скинула нас в кювет и дальше покатила.

– Не может того быть. Евгения не из тех, кто в беде оставит.

– А вдруг они нас не заметили?

– Красное на белом трудно не заметить, – резонно ответил Проф и принялся отстегивать ремень безопасности. Пересмешник уже заметил, что внедорожник Кирюсика разворачивается.

– Только попробуйте меня опять кошкой назвать, – Лямур в волнении заметался по заднему сиденью.

– Тихо–тихо, Мурчена...

Воскресенье

С утра пораньше Лямур принес дурную весть: Женя сварила подаренный ей букет вместе с розочкой и выпила все за раз.

– Я же сказал положить у подушки! – Проф растеряно хлопал глазами. – Аромата моей розочки на неделю любовных снов хватило бы! Да, эффект не такой сильный, как от «Любарума», но в головах наших влюбленных все однозначно прояснилось бы. Ночь–другая, и они поняли бы, что не жить им друг без друга...

– А все Ассис, который взял, да и сказал, что наш гербарий – успокоительное средство, – стажер рад был бросить камень в огород пересмешника. – Вот Ключева и сварила его, как и полагается в аптечном деле

– Я предостерег, чтобы не варила, – огрызнулся удрученный Ассис.

– Ага. Так она и послушалась. Напустили туману. Роза – символ любви, произойдет нечто волнующее, нечто странное, – стажер вошел в азарт, не замечая, как мрачнеет взгляд пересмешников. – Хочешь, чтобы женщина что–то сделала, запрети ей.

На целый час кот потерял возможность говорить. Даже двигаться. Лежал кулем на диване и смотрел стеклянными глазами на неспешно беседующих пересмешников. Только вскользь брошенное «отомри!» позволило шевельнуть хвостом, а потом и открыть рот. Но лишь для того, чтобы размять занемевшие челюсти. Говорить, спорить, а тем более упрекать пересмешников больше не хотелось.

– Положение исправить трудно, согласен, – Ассис повертел чашку с чаем в руках. В ней опять плавали какие–то цветы, придающие напитку мягкий вкус.

«Право дело, Проф как женщина! – мелькнуло в голове. – Кругом цветочки–лепесточки!»

Но Ассис тут же устыдился своих мыслей. Сам–то тоже имел слабость к сладкому, что вовсе не подчеркивало его мужественность.

– Я вчера покрутился в аптеке. Кирилл Петрович отправил одну из бутылок «Любарума» в лабораторию, а вторую велел запереть в холодильнике. Взять ее – навлечь на Ключеву излишнее подозрение. Даже открыть не получится, сразу заметят, что крышку отвинчивали. И так чуть не уволили, – Проф заглянул в чайник. Долил кипятка, отчего аромат трав усилился.

– Может, кофе купим? – скривился Ассис. – Все чай да чай...

– Он же горький! И запах слишком резкий, – удивился Проф, не представляя, как можно отказаться от его чудесных напитков. Обидевшись, махнул рукой. – А, впрочем, поступай как знаешь.

Вечером Проф признался, что даже сумей он подменить розочки, принесенные уборщицей бабой Зоей из китайского магазина, ничего не произошло бы.

– Мой заговор на розах можно использовать лишь раз, потом у человека приобретается иммунитет.

«И бестолковый к тому же. Нет, чтобы поделиться с нами такой важной информацией, мы бы по-другому действовали, – Ассис устало вздохнул, поняв, что сегодня эротического сна их подопечной не видать. – Так и будем толочься на месте, пока настоящие мужчины не возьмутся за дело».

Понедельник

На восьмой день операции Ассис отправился дежурить в лабораторию, где должны были провести анализ «Любарума». В том, что ничего особого в нем не найдут, пересмешник не сомневался. Нет еще у людей аппаратуры, способной заметить магическое вмешательство. Ассис надеялся улучшить момент и отлить из бутылки немного снотворного.

У настоящих мужчин тоже иногда случаются провалы.

Отданное на анализ лекарство так берегли, что Ассису не удалось даже прикоснуться к бутылке. Взяли каплю, зажали стеклышками и под микроскоп. А флакон назад в холодильник под семь ключей.

– Алло! Я попытаюсь выкрасть ключи. Не ждите меня ночью.

– Заведующая лабораторией женщина? – почему-то уточнил Проф. Лямур заметил, как помрачнело его лицо. – Надеюсь, ты не будешь поступать подобно демонам–искусителям?

– Нет, – хохотнули с той стороны. – Я буду прекрасен как ангел. И на всю жизнь оставлю воспоминания о прошедшей ночи.

– Так она еще и не замужем?

– И хороша собой. Все как я люблю.

Проф швырнул телефон на диван, едва не попав в кота.

«Он что, ревнует?!»

А время уходило.

«Еще одна ночь без Ключевой и Замков решит, что снотворное не действует! – размышлял кот, видя, как Проф собирается в магазин за покупками. – Единственный выход – пробраться в отель и перелить лекарство в какую–нибудь другую бутылочку. Самую крохотную. Иначе мне с ней в зубах до дома не добежать».

Но на память тут же пришла предыдущая попытка похищения.

Лямур уныло вздохнул.

Лапы кота не предназначены для того, чтобы переливать жидкость из флакона в флакон.

«Ну открою я крышку зубами, а дальше что? Опять не удержу и прощай последняя надежда?»

Рассказывать о своих планах Профу Лямур не желал. В нем еще жила обида на пересмешников. Пусть один обхаживает дамочку, чтобы похитить ключи и смотаться втихую в лабораторию, второй скрипит зубами от ревности, что стало причиной задуматься (но об этом стажер подумает позже, может быть завтра), Афлорий сам добудет вожделенные капли и утрет нос ангелам.

Пришлось заскочить в аптеку и прошвырнуться по складу в поисках идеи, как справиться с бутылкой, которую он сможет лишь открыть.

– Пипетка! – чуть ли не вслух выкрикнул Лямур, обнаружив на складе коробку со стеклянными изделиями. Лапой выковырял одну и даже вытащил из упаковки, но стеклянная хрупкая часть тут же хрустнула под зубами.

Пришлось и от этой идеи отказаться.

– Кружку Эсмарха, пожалуйста, – донеслось из торгового зала. – И резиновую «утку».

Кот высунул голову. Женя вытащила из стеклянного шкафа грелку, качнув при этом выставленные в ряд клизмы.

«Вот оно!» – стажер изумился, как к нему сразу не пришла идея применить клизму. Резиновая, небольшого размера и легко вставляется в бутылку. Останется лишь лапой надавить, чтобы втянуть приличную дозу «Любарума».

– Я просто гений! – прошептал кот. Крадучись подобравшись к незакрытой полке, он лапой смахнул на пол самую маленькую клизму.

Тут его и застукали. Он едва успел сжать зубы на резиновом боку «орудия преступления».

– Лямур! Ты откуда? – спросила склонившаяся над котом Женя. Но более грозный окрик бабы Зои заставил собраться.

– А ну, брысь отсюда!

Замаячила перспектива опять отведать веника.

Поурчав для приличия (ведь мяукнуть не позволяла клизма), стажер вылетел за дверь и понесся к отелю, где жил Замков.

Тот забег Афлорий не забудет никогда! Холодно, мокрый снег, раскисший на дорогах, обледенелые крыши и сбившееся напрочь дыхание. Один раз даже чуть не упустил клизму, когда не рассчитав прыжок, ухнул в мусорный бак.

«Победителей не судят, – успокаивал себя кот, выбираясь из кучи подмерзших отбросов. Лямур словно наяву видел, как кривятся лица пересмешников. – Пусть хотя бы такую работу сделают: искупают героя. То, с чем не смогли справиться пересмешники, провернул кот».

Правда, узнай судья, как ему удалось раздобыть «Любарум», стажеру пришлось бы сильно покривить душой. Одно оправдывало его – Афлорий действовал по обстоятельствам.

Кто бы мог подумать, что Замков вернется с работы слишком рано, сразу за тем, как уйдет горничная, убирающая номер?

– Вот черт. Опять ты? – сильная мужская рука схватила кота, изо рта которого торчала клизма, наполненная драгоценной жидкостью. У Афлория все получилось – и отвинтить крышку, и сунуть в горлышко клизму, и даже аккуратно надавить на нее. Остались сушие пустяки – дожждаться вечера и сбежать. Но нет. Судьба–злодейка распорядилась по–другому.

– А это что у тебя? – заметив во рту кота что–то странное, Замков нахмурился и потянул за резиновый кончик, с которого капала пахучая жидкость. Кот сжал зубы еще крепче, надеясь вывернуться и сбежать, но допустил очередную ошибку. Все снотворное, что ему удалось набрать, выплеснулось тугой струйкой Павлу в лицо.

«Все. Это провал. Сейчас он все поймет», – кот закрыл глаза.

Замков как–то неловко попятился, нащупал свободной рукой стул и бухнулся на него, продолжая в изумлении смотреть на дрессированного кота.

Бутылка «Любарума», стоящая на столе, от удара стулом качнулась и опрокинулась на пол, полностью расплескиваясь.

– Вот черт, – Замков перевел взгляд на лужу, которая быстро впитывалась лежащим рядом ковром.

– Клизмой! Клизмой собирай! – сплюнув резиновый предмет, завопил кот. В панике, что теряет последнюю возможность заполучить снотворное, а вместе с ним и нимб героя, Афлорий совсем забыл, что люди никогда не слышали, чтобы кошки разговаривали.

Глава 6. До чего докатились люди

- А вы дайте ему сдачи!
- А я ему дам сдачи. Но другим способом.
- «Служебный роман»

– Только, пожалуйста, не выдавай нас! – умоляюще попросил кот, после того как остатки «Любарума» были собраны и вся история «коммандос» и причины их появления рядом с Ключевой рассказаны.

– М–да, – Замков потирал виски, где поселилась головная боль. Он уже перестал задавать себе вопросы «я сплю?», «я сошел с ума?». Его, в конце концов, убедили в реальности происходящего собственные воспоминания: странные сны и необъяснимые совпадения.

– Ты согласен? – кот доверительно положил лапу на руку Павла. – Я помогу тебе завоевать Ключеву, а ты...

– Я никому не расскажу, – устало бросил Замков и поднялся. Он пошел в коридор, чтобы надеть пальто. Поработать в кондитерском цехе сегодня не удастся. Он просто не в состоянии.

– Нет, милый друг, у меня другое условие, – хамство кота заставило Павла обернуться. Лямур как ни в чем не бывало спрыгнул с дивана и подошел ближе. – Ты сможешь мне найти еще четыре нуждающиеся в любви пары. И как веский аргумент добавил: – И тогда мы навсегда уберемся из твоей жизни.

– Сомневаюсь, что у меня получится помочь вам.

– Ну, нет так нет! – кот, задрвав хвост трубой, направился к двери. – И о нас можешь не беспокоиться, – пренебрежительно бросил он. – Все равно тебе никто не поверит. А Женьку, считай, ты навсегда потерял. Чтобы исправить свою ошибку, я сведу ее с кем–нибудь другим. Более покладистым.

– Скатертью дорога, – произнес Замков и открыл дверь. Он никогда не позволит себя шантажировать. Что бы ни придумали купидон–недоучка и его наставники, все, что требуется, чтобы

заполучить Ключеву, Павел знал. И «Любарум» для этого совсем не нужен.

Кот сделал вид, что уходит, но закрывшаяся за спиной дверь не оставила надежду. Схватку с Замковым он проиграл.

Затаившись за урной, стажер ждал, когда его «противник» покинет комнату.

«Не все еще потеряно. Я проберусь в номер и стащу бутылку с остатками «Любарума». Пусть даже пасть у меня порвется...»

Но и здесь Лямура ждало разочарование. Проходящий мимо него Замков, криво ухмыльнувшись, потряс бутылкой у самого кошачьего носа и опять сунул ее в карман.

«Куда это он?» – стажер замер в растерянности. Павел не свернул в сторону ресторанный кухни, а направился напрямик к лифту, ведущему на подземную стоянку. Сбежав по лестнице, Лямур только и успел увидеть, как объект номер два хлопнул дверью своей машины.

Дорога назад была не менее мучительна. Ударил морозец и то, что совсем недавно было ледяной хлябью, стало режущим лапы льдом.

– Им хорошо! – злился Лямур, труся по пустынному подземному переходу. – Сидят дома, в тепле, пирожные едят. А я тут голодный, холодный...

Лишь у порога временного дома стажер позволил себе передохнуть. Вместо требовательного «мяу!», чтобы «зажравшиеся» пересмешники открыли дверь, из горла вырвалось беззвучное сипение. И это спасло от сюрприза, ждущего Лямура за дверью.

Он сидел на половике и оторопело прислушивался к разговору, происходящему внутри квартиры. С пересмешниками беседу вел... Замков.

– Возражения не принимаются, – спокойно произнес он. – Я не хочу, чтобы некоторое время спустя, когда магическая пелена спадет с глаз Ключевой, она осознала, что ей просто не оставили выбора, и тот человек, что находится рядом, пальцем о палец не ударил, чтобы завоевать ее сердце.

– Но вы же испытывали в своих снах взаимное притяжение? – вкрадчиво поинтересовался Проф. – Неужели не успели влюбиться в ту, которую мы выбрали для вас?

– К снам я отношусь как к снам. Каждой ночью у меня было одно желание – потрахаться. В сновидениях мы, люди, не берем на себя

обязательства. В реальности я сто раз подумал бы, прежде чем привязать женщину к лошади.

– Вы и такое успели попробовать с Ключевой? – в голосе Ассиса прозвучал неподдельный интерес. – И как?

– Нет, я не занимался с ней любовью на лошади, если вы об этом. Я хотел снять с нее скальп.

Проф ахнул. У Лямура встала шерсть дыбом.

– Но почему?! – даже непробиваемый Ассис дрогнул.

– Я не люблю блондинок.

Всем присутствующим и даже тем, кто затих за дверью, стало понятно, как они промахнулись.

– Но как же? – беспокойно возразил Проф. – Мы недавно наводили о вас справки и выяснили, что предыдущая ваша любовница была как раз блондинкой...

«Вот так! – мстительно подумал Лямур. – Будете знать, как менять на переправе коней! Я все верно спланировал. С БАХом такой осечки не случилось бы!»

– Именно поэтому и не люблю.

– Но как-то можно исправить положение?

– Я, например, способен нашептать Ключевой, чтобы она перекрасилась...

– Исправить положение можно, – Замков перебил Ассиса, – если вы выполните одно из моих условий.

– Какое?

– Выведите ту самую блондинку на чистую воду.

– Какая нам с этого выгода? – Ассис почувствовал, что может отвоевать позиции.

– Вы соедините два страдающих сердца. Я точно знаю, что мои родители любят друг друга, но их разлучили.

«Пара номер три!» – мысленно воскликнул Лямур, но чуть не подпрыгнул от неожиданности. Увлеченный подслушиванием, он не заметил, как к нему подошла виновница спора Евгения Ключева.

– Домой не пускают бедного котика? – ласково спросила она и нажала на кнопку звонка.

Лямур представил, как троица заговорщиков переглядывается. Уж Ассис-то наверняка знает, кто стоит за дверью.

«А! Забегали, голубчики! Сейчас как распахну дверь! – мстительно ликовал кот. – Посмотрим тогда, как начнете выкручиваться, откуда в вашей компании Замков!»

Но дверь открылась ровно настолько, чтобы протащить недовольного кота в щель.

«Ассис, гад, даже перчатки надел! Брезгует ко мне прикасаться, чистоплюй! Ну ничего, сейчас вы у меня попляшете».

После того, как Ключева потопала на свой этаж, все четверо перевели дыхание.

– И на чем мы остановились? – поинтересовался кот, запрыгивая на диван, на который в изнеможении бухнулся Проф.

– С тобой отдельный разговор, паршивец, – блеснул глазом Ассис. Со стороны это смотрелось очень странно: севшая на стул благообразная старушка с буклей на голове сжала сухонькие губы и свела тонкие брови к переносице.

– О–о–очень страшно! – фыркнул кот, перебираясь на спинку дивана, чтобы не смотреть на всех снизу. – Если бы не я, вы бы никогда не узнали, что Павлу Алексеевичу не нравится Ключева, и все ваши усилия соединить несоединимое напрасны. И второе, что не менее важно, если бы не я, вы никогда не получили бы наводку на третью пару, что значительно сократит срок вашего пребывания среди людей. Вновь соединить сердца тех, кто в разводе – это высший пилотаж. Любой небесный суд зачтет такую пару.

«И потом, что бы тут не говорил господин Замков, ему нравится Женя. Хвост даю. Я же видел, какими глазами он смотрел на ее фотографию. Да и сейчас слышу, как сильно бьется его сердце. А она всего лишь позвонила в дверь».

Вслух всего этого стажер, конечно, не произнес. Зачем облегчать жизнь пересмешникам? «Наблюдатели... Теперь сами побегаєте! А то все Лямур да Лямур!»

– Мы принимаем ваше условие, – взвесив все за и против, капитулировал глава командос. – Введите нас в курс дела. Почему мы должны разрушить существующую пару? Может быть, это только вам кажется, что новая жена не подходит вашему отцу?

– Мой отец находится в счастливом неведении, какую змею пригрел на груди. Стоит открыть ему глаза, как от любви не останется и следа.

– Нам нужны доказательства, – Ассис сложил руки на груди и откинулся на спинку стула, приготовившись выслушать душещипательную историю о том, как хищница заполучила «папика». «Кажется так называют современный мезальянс?»

– Я и сам не догадывался, что из себя представляет Нинель, пока из дома не сбежала ее младшая сестра Александра. Вроде бы неглупая девчонка, но такой дурацкий поступок – сбежать к парню, которому едва исполнилось семнадцать. Какое будущее их ждало? Вечно скрываться в лесной сторожке? И только найдя «родственницу», я понял, что с ее стороны побег – не блажь девчонки, захотевшей новую игрушку, а крик о помощи, – тут Замков прервался. Немного помолчал, собираясь с мыслями. – Кстати, старой игрушкой был я. Александра Винт добивалась моего расположения с упорством и фантазией, которым позавидует любой менеджер по продажам. Но всякий раз я вылавливал Сашу и возвращал сестре. И вот теперь побег, который открыл глаза на многое. Пока мы ехали от лесной сторожки до поселка, где нас ждала Нинель, Александра рассказала мне историю, в которую я не мог, а по началу и не хотел, поверить.

Купидоны застыли с открытыми ртами, настолько неправдоподобно звучала история насилия одного человека над другим.

– Ты сделаешь с ним то же самое, что и с Ковальчуком, – Нинель нависала над плачущей Сашей.

– Нет, не буду! Павел хороший! И если тебе плохо с его отцом, нужно просто уйти. Нина, родители уже старые, поехали домой, хватит искать богатых мужей.

– Дура! – хлесткая пощечина оставила алое пятно на лице младшей сестры. – Я прежде всего о них думаю. На каких правах мы здесь живем? У меня даже ребенка зачать не получается, а значит в любой момент можем вылететь. Как пришли сюда голыми, такими и останемся. А еще эта змея в Испании затаилась. Ни ссор, ни возмущения в прессе, ни дележа имущества. Думаешь, Алексей уже не сравнивает нас? Та чистый ангел и сына ему смогла подарить, а я? Год – другой и его потянет к старой жене...

– Я не лягу под Павла...

– Ляжешь. Ты должна дать мне козыри против него. Отец ни за что не допустит скандала, – Нинель провела рукой по воздуху, словно

видела перед собой заголовки бульварных газет. «Сын известного владельца сети ресторанов изнасиловал школьницу!»

– Павел не Ковальчук!

– Все мужчины одинаковы. Получилось с тем, получится и с Замковым. Я его знаю, он не устоит перед искушением. Темперамент не позволит. Тебе нужно лишь постараться.

Александра отвернулась от сестры и заплакала в подушку. В ее голове до сих пор звучали слова, произнесенные Ковальчуком, после того как Нинель, ворвавшаяся в гостиничный номер вместе с представителями администрации, застучала сжавшуюся у спинки кровати обнаженную школьницу и банкира, только что покинувшего ванную комнату в одном полотенце на бедрах.

– Ах ты мелкая дрянь...

Его денег хватило лишь на то, чтобы пустить пыль в глаза Павлу, а потом и его отцу.

– Есть еще один способ, где твоя девственность не потребуется.

Саша перестала плакать. Сестра села рядом и погладила девочку по голове.

– Раздобудь мне презерватив со спермой Павла.

– Зачем? – Александра резко развернулась. Она уже догадывалась, что скажет ей Нинель, но в душе теплилась надежда.

– Ни один тест не покажет, что ребенок не от моего мужа.

– Нина, это низко...

– Это жизнь, Саша. И каждый устраивается в ней как может.

– Но я не хочу так жить.

– Если не ты, то это сделает кто-нибудь другой. Я найму шлюху, но заполучу сперму Замкова.

– Он не такой!

– Такой, Саша, такой. Просто вариант со шлюхой будет дороже.

Александра закусил губу. Рассказать все Павлу? Или сразу мужу Нинель? Но поверят ли сумасбродной девчонке? Сестра хитра, отоврется, а вот ей, Сашке, после этого не жить. В ярости Нина и убить может.

– Хорошо. Дай мне время, – Александра решительно вытерла слезы.

«Нужно сделать так, чтобы Замков уехал из этого дома, – решила девочка. – Нет Павла, нет причины ложиться к нему в постель или

охотиться за презервативом».

Но Замков–младший оказался стрессоустойчивым, и как ни старалась Сашенька Винт, дом покидать не собирался.

Значит, дом должна покинуть она. Тихо уехать к родителям – не вариант. Нинель исполнит угрозу и найдет шлюху. Нужен фейерверк. Со скандалом, который захочется замять. И тогда Замковы прислушаются к глупой школьнице, ведь ее побег – это протест.

Она все обдумала. Илюша Самоделкин, в которого она влюбилась еще летом, спрячет ее у себя. И защитит, если потребуется.

Ее нашел Павел. И поверил Саше.

– Позвони, если окажешься в опасности, – сказал он Александре Винт, протягивая бумажку с накарябанным на ней номером телефона, который никто из родственников, кроме мамы, не знал. – Я сам на связь выходить не буду. Исчезну, растворюсь. Я должен подумать, что предпринять, чтобы унять твою сестру. Сейчас отец мне не поверит, скажет, что я наговариваю из мести. Ведь он уделал меня, отобрав любовницу.

– А почему ты был с ней? Не видел, какая она?

– Твоя сестра хорошая актриса.

– М–да. До чего докатились люди, – Проф был расстроен. Даже Лямур остался под впечатлением. Его застывший взгляд говорил за него.

– Эта история достаточно надежное доказательство того, что Нинель нужно оторвать от моей семьи? Я планировал сам вывести ее на чистую воду, но боюсь, что у отца на всю жизнь останется осадок, что я поступил так из мести.

– Мы беремся за дело, – Ассис протянул Павлу руку. Сверху легла ладонь Профа. Кот потянул было лапу, но под строгим взглядом Ассиса сделал вид, что передумал и принялся ее вылизывать.

– Я надеюсь, «Любарум» вам не понадобится? – Замков вытащил бутылку и поставил на стол. Кот насторожился.

– Нет, – ответил Ассис. – «Любарум» – орудие слабаков.

– Полностью согласен, – Павел отвинтил крышку и сделав пару шагов до кухонной раковины, вылил все содержимое в воронку слива.

– Что ты натворил?! – не сразу пришел в себя Лямур. – Вы с Женей больше не увидите во сне!

– Это были плохие сны, – Замков не стал объяснять, что на земле существует магия любви, и все, что ты сделаешь, испытывая глубокие чувства, обязательно даст свои ростки. Он завоюет Ключеву без «Любарума». В конце концов, он мужчина, знающий, как подобрать ключи к женскому сердцу. Никакой фальши. Только искренность.

Пересмешники оценили поступок Павла. И даже испытали некую гордость за него. Такой как он непременно добьется счастья.

– Нам понадобится ваша машина и ключи от московского дома, – Ассис вынес из спальни спортивную сумку.

– Я тоже готов, – Проф уложил в коробку несколько розочек и крепко перевязал ее лентой. Мало ли что может произойти при выполнении задания. Нужно быть во всеоружии. – Пожалуйста, оставайтесь на связи, – попросил он Павла. – Могут появиться кое-какие вопросы.

– И у меня к вам просьба, – Замков бросил Ассису ключи, и тот ловко поймал их. – Чтобы ни случилось, не оставляйте Сашу. Лучше привезите ее сюда. Я договорился, со следующего понедельника она будет ходить в московскую школу для одаренных детей. С полным пансионом. Ей осталось всего ничего продержаться.

– Будет сделано, – заверил Проф.

– Мы вас здесь подождем! Возвращайтесь с победой! – уютно раскинувшись на спинке дивана, выдал на прощание кот.

Ассис непонимающе приподнял бровь. Вжикнув молнией сумки, скомандовал:

– А ну, марш сюда, гаденыш! «Мы вас здесь подождем!», – передразнил он. – Первым во вражеский тыл полезешь!

Большого унижения стажер еще не испытывал. Он вещь, которую положат в сумку.

– А может лучше в переноску? – взмолился он.

– Нет, переноска будет смотреться в мужских руках слишком нелепо.

Из квартиры вышли двое: старик, похожий на Деда Мороза, и молодой мужчина ослепительной красоты, на плече которого висела спортивная сумка.

А Павел, порывшись в шкафах, замесил тесто для чудеснейшего торта «Чаровница», состоящего из десятка лепестков, украшенных марципановыми жемчужинами. Пришла пора очаровывать Евгению.

«Завтра после работы сбегаю в магазин, а то с продуктами у них как-то слабовато», – думал Замков, перебирая горы конфет и рыбных консервов.

А по подъезду разносился чуть горьковатый запах горячего шоколада.

Женька во сне улыбалась.

Глава 7. Время первых жен

Не действуй против божества влюбленных:
какое бы ты средство не привлек, ты проиграешь битву, будь
уверен.

Данте Алигьери

Ленд Крузер Замкова въехал в подземный гараж фамильного особняка. Двери открылись автоматически, впуская машину в просторный зев, озарившийся ярким светом.

Заговорщики сразу отметили, что автомобиль хозяина отсутствовал. Это обстоятельство, а также наличие белого «Мерседеса», на котором обычно рассекала Нинель, несказанно порадовали, поскольку золотоволосая красавица была их основной целью.

Правильно информировал пересмешников Павел: вечером отца трудно застать в особняке. Алексей Замков работал допоздна и зачастую появлялся лишь утром, проводив последних VIP-клиентов «Барской усадьбы». А его молодая жена после дня походов по спа-салонам, бутикам и прочим заведениям, где любящая себя женщина всегда найдет занятие, как раз находилась дома и в момент прибытия командос занималась «воспитанием» младшей сестры.

Еще в дороге пересмешники договорились с Павлом, что он предупредит Александру, чтобы та, чего бы ни происходило в особняке, не вмешивалась. Лучший для нее вариант – закрыться в своей комнате.

– Можешь положиться на меня, – ответила по телефону Саша. – Я знаю, как вывести сестру из себя, чтобы потом обиженной уйти спать.

Пересмешники застали конец ссоры, когда Александра хлопнула дверью, а Нинель в ярости стучала по ней кулаками и грозилась написать в полицию заявление на Самоделкина, который лишил малолетку девственности.

– Пиши, пиши! – расхрабрилась «малолетка», надежно закрывшись на два поворота ключа. – А я скажу, что у нас все было по

любви и взаимному согласию. И Илюше ты ничего не сделаешь, потому что он тоже несовершеннолетний. Ему всего семнадцать! А я в полиции расскажу о Ковальчуке, который спит и видит, как уделать тебя!

– Ах ты дрянь!

– Иди, иди, налей себе шампусика! Успокой нервы, как ты это привыкла делать!

А пить действительно хотелось. Нинель даже закрыла глаза, представив, как пузырьки ледяного шампанского приятно щекочут язык.

В этот момент пересмешники поднимались по лестнице на половину Павла, где отключили сигнализацию, а вместе с ней и все камеры. О тех, что находились вне дома и в гараже, ангелы не беспокоились. Александра по договоренности с Павлом уже позаботилась о них, и доказательств пребывания в доме посторонних не останется.

– Действуем по плану, – произнес Проф и, расстегнув спортивную сумку, выпустил на волю кота. Тот шмыгнул в коридор, соединяющий две половины большого дома.

Когда Нинель зашла в просторную кухню и достала из шкафа фужер, ее внимание привлекли чавкающие звуки, доносящиеся из-под стола. Медленно наклонившись, она завизжала от страха: там сидел кто-то со сверкающими глазами и жевал палку сырокопченой колбасы.

Визг хозяйки напугал мохнатое чудище не меньше. Оно выскочило из своего укрытия и начало метаться по стенам и потолку, скидывая на пол всю кухонную утварь.

– Уф, сволочь! Чуть сердце не выскочило! – распознав в чудище породистого кота, неизвестно как пробравшегося в охраняемый дом, Нинель дрожащими руками отставила фужер в сторону. «Наверное, тетя Глаша на цокольном этаже не закрыла форточку».

Кинувшись в подсобку, супруга владельца ресторанов вышла оттуда с метелкой, которой домработница собирала пыль с верхних полок.

– Пошел вон, ворюга!

Кот жалобно мяукнул и перепрыгнул со шкафа на холодильник. Получив синтетическим ежиком по морде, он с тоской посмотрел на брошенную колбасу и метнулся к двери. Нинель побежала следом.

Но приبلудный котяра не захотел покидать дом. Он потрусил в сторону половины Замкова–младшего.

– Ха–ха! – победно воскликнула эффектная блондинка и потрясла метелкой. Нинель точно знала, что коридор приведет кота к закрытым дверям, но озадаченно замерла на месте, когда «ворюга», махнув на прощание пушистым хвостом, исчез за порогом. – Павел? Ты дома? – спросила она и шагнула в темноту.

Павел с каменным лицом сидел в кресле у телевизора, по которому шел балет «Лебединое озеро». Заскрипела оконная рама и Нинель, сглотнув комок ужаса, перевела на нее взгляд.

«Кар–р–р!» – произнес кот и выпрыгнул на улицу.

«Не хватало еще, чтобы зимой молнией полоснуло по небу!», – подумала Нинель, и тут же дом содрогнулся от раската грома. Блондинка выпустила из рук метелку и попятилась к двери.

Ледяной ветер, ворвавшись в открытое окно, с силой хлопнул массивной дверью, отрезая путь к отступлению.

– Ч–ч–что здесь происходит? – спросила Нинель, поворачивая голову к поднимающемуся из кресла Павлу.

– Судить тебя будем, Нинель Исаевна, – с усмешкой в голосе произнес кто–то за ее спиной. Госпожа Замкова в страхе обернулась.

Из темноты вышел молодой мужчина. Даже сейчас при неясном освещении включенного телевизора можно было различить, что он необыкновенно красив. Светлые кудри спускались до самых плеч, пухлые губы кривила легкая усмешка, от которой учащенное сердцебиение немедленно возобновилось, а от взгляда темных глаз по телу пробежала волна, имеющая некое сходство с волной возбуждения. Нинель испытывала именно такое чувство, когда смотрела вниз с последнего этажа небоскреба, где окна в пол вроде бы и защищали от падения, но в то же время не скрывали, какая бездна прячется за ними.

– Судить? За что? – блондинка кокетливо поправила локон, выбившийся из высокого «конского» хвоста.

– За дела твои несправедные...

– Павел, кто это? И что он такое говорит? – она намеренно изящно повела плечами, зная, как действовал такой прием на бывшего любовника.

– Я не Павел...

«И правда, не Павел, – сердце пропустило удар. – И как я могла обознаться?»

Черты стоящего по другую сторону мужчины были более мягкими, волосы более длинными, а в непривычно–светлом взгляде светилось такое море боли, словно ему уже было жалко женщину, которая еще не понимает, что ее судный час настал.

Настало самое время кричать, звать на помощь, но Нинель словно оцепенела.

За спинами обоих мужчин распахнулись белые крылья. В руке темноглазого появилась стрела, что светилась ярким золотом, а в ладонях светлоглазого заклубилась пелена, которую он, печально вздохнув, накинул на голову подсудимой.

И сейчас же в мыслях Нинель понеслись видения всех ее неблагоприятных поступков, некоторые из которых уже и позабылись, так давно они случились. И чем больше их было, тем сильнее пелена тянула к земле. Казалось, что ноги не выдержат и подкосятся, и стукнется Нинель лбом о начищенный до блеска паркет, но нет, удержалась и даже стояла ровно, хотя давил на плечи гнет немалый.

Она попыталась скинуть пелену, рвануть ткань с головы, чтобы вздохнуть свободно, но ловила руками лишь воздух да пряди растрепавшихся волос.

– Что это?!

– Наказание, – произнес тот, кто держал в руках сверкающую стрелу. На нее нельзя было смотреть без содрогания. – И тем тяжелее оно станет, чем больше зла совершишь.

Нинель рухнула на колени, не в силах остановить всплески памяти, что причиняли почти физическую боль. И звенело в ушах одно единственное слово, в которое она никогда не верила, считая выдумкой тех, кто готов жить в шалаше.

«Любовь, любовь, любовь, любовь...»

– А–а–а! – закричала она, хватаясь руками за голову. – Любви нет!

– Любовь – это награда, – темноглазый ангел тронул золотой стрелой лоб Нинель и остановил хоровод страшных мыслей. – И ты получишь ее, если сделаешь все правильно.

– Что я должна сделать? Что?!

– Пелена подскажет, – мягко произнес второй ангел и... растаял в темноте.

Утром Нинель проснулась с сильной головной болью. Рядом на тумбочке стояла початая бутылка шампанского. Скинув с себя покрывало, хозяйка усадьбы поморщилась – фужер, в руках с которым она заснула, покатился и хлопнулся об пол с другой стороны кровати, разлетевшись на сотню мелких осколков.

«Надо меньше пить, – подумала Нинель и поплелась в ванную комнату. Рассматривая свое безупречное лицо в зеркале, она запоздало сообразила, что муж опять не ночевал дома. Его подушка не смята. – Тревожный звоночек. Интересно, что на этот раз придумает в свое оправдание?»

Как же сильно ей нужен был ребенок! Он – гарантия того, что Замков до конца своих дней не сможет отделаться от его матери.

– Ох! – острая боль прошла ее тело. Нинель согнулась пополам. – Что это?!

И тут же засмеялась, хотя на глазах навернулись слезы.

– Нет, это бред! Какая пелена, какие ангелы? Сон, это лишь страшный сон.

Но коленки предательски дрожали.

– Надо бы написать его жене, что я уже беременна, пусть позлится, – это была всего лишь проверка, но нестерпимая боль между лопатками заставила закусить губу.

Самое страшное, что боль уже не отпускала. Лежала огненным камешком на сердце. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Саша! – позвала Нинель, тяжело опираясь на перила лестницы, ведущей на первый этаж.

– Да? – глаза младшей сестры тревожно мерцали. Она стояла в школьной форме – в плиссированной юбочке и в жакете с эмблемой, и казалась такой юной, такой беззащитной...

«Как я могла так поступать с ней?» – невольно подумала Нинель и удивилась, почувствовав, что боль потихоньку унимается.

– Павел не звонил?

– Нет, – сестра отчего-то побледнела.

«Боится меня?»

– Хорошо, иди. Ты уже опаздываешь.

Мужа она нашла в кабинете. Он спал на диване, даже не раздевшись.

Нинель стояла над ним, прижимая дрожащие пальцы к губам.

Алексей выглядел плохо. Черные круги под глазами, щетина на дряблых щеках.

«А он похудел...»

– Нинель? – мужчина резко поднялся, но тут же привалился к спинке дивана. Видимо у него закружилась голова. – Что случилось? – Замков–старший устало потер лицо и только после этого заметил, что с его молодой женой не все в порядке. – Ты плачешь? У тебя что–то болит?

– Да, – она встала на колени и положила ладони на его руки. – У меня болит душа.

– Если ты беспокоишься обо мне, то не надо. Я сейчас умоюсь и опять буду как огурчик, – Замков даже попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

– Леша, ты прости меня за все...

– Нинель, ну чего ты... – он потянул ее за руки. – Вставай, ты простынешь. Я выключил в кабинете отопление.

– Леша, отпусти меня...

Он испуганно выпустил ее ладони, думая, что причинил боль.

– Отпусти меня совсем. Я... – Нинель выдохнула, – хочу уйти.

– Это из–за того, что я не могу подарить тебе ребенка? Ну, хочешь, я пойду к врачу. Говорят, сейчас медицина творит чудеса...

– Леша, – Нинель уже не могла не плакать, – ты хороший, очень хороший. И жена у тебя хорошая, я наговаривала на нее от зависти.

– Ты моя жена...

– Не надо. Я видела ее фотографии у тебя в телефоне. Ты еще любишь свою первую жену, хотя боишься в этом признаться. А я... я всего лишь увлечение... Затянувшееся увлечение... – Нинель встала. – Дай нам время собраться. Сашу нужно вернуть в родную школу. Мы поедем домой.

– Нинель...

Она шла, выпрямив спину, ни разу не оглянувшись. Только что с ее плеч упал тяжкий груз.

«Я начну все сначала, я начну все сначала...» – шептала Нинель, собирая вещи в чемодан. Она не брала с собой подарки и все то, что получила, живя в особняке, где она заняла чужое место. «Как лиса, которая выгнала зайца из его лубяной избушки».

Александра восприняла известие о разводе сестры с Алексеем Замковым спокойно, но возвращаться в родной город отказалась.

– Ты не переживай за меня, – говорила Саша, стоя на вокзальном перроне. Поезд уже подали. – С понедельника я пойду в школу–интернат для одаренных детей, документы уже там... Павел помог.

Из глаз Нинель опять потекли слезы.

Старшая сестра особенно много плакала в последнее время.

Но удивительное дело – слезы приносили ей облегчение. Словно с ними выходила вся та грязь, которую она успела накопить за свои неполные тридцать лет.

– А я устроюсь в ателье. Я же хороший дизайнер...

– Ты отличный дизайнер, сестра.

Они стояли обнявшись до тех пор, пока проводник не напомнил, что поезд отправляется.

«Как ты?» – пальцы Алексея Замкова дрожали, когда он набирал на телефоне эти два коротких слова.

В далекой Испании руки женщины тоже дрожали. Она даже не сразу сумела надеть очки.

«Хорошо».

И немного подумав, добавила:

«А ты?»

«Можно я приеду к тебе?»

Ответа ждать пришлось очень долго. Так долго, что Алексей уже отчаялся. Не простит...

«Можно. Я встречу тебя в аэропорту».

Замков–старший выдохнул. И посмотрел на небо, которое было закрыто плотным слоем снеговых облаков.

«С железной битой в руках», – появилось еще одно сообщение.

«Согласен. Готовлюсь к встрече с вами обеими!»

И засмеялся. Так счастливо и так искренне, как смеются маленькие дети, для которых весь мир – радужный.

А на лестничной клетке второго этажа, в доме, в торце которого расположилась аптека «Пилюля», старушки–соседки прощались с Наташей.

– Уезжаете? – она погладила сына по вихрастой голове. Тот лез пальцами в переноску, пытаясь поймать кота за хвост. – Жалко.

Надеюсь, на новом месте у вас не будет таких шумных соседей.

Сестры улыбались. Они знали, что через пару дней Наташа накормит своего бывшего мужа вкусным обедом, а потом они все вместе будут пить чай с плавающими в нем розочками.

Димка вновь попытается рассказать, как весело было у папы, где он играл с котом, но взрослые в очередной раз решат, что их сын придумал себе невидимого друга, на которого можно свалить погром, учиненный им в квартире отца. Большею частью пострадают вещи очередной любовницы, чего она никак не сможет простить. Игорь остановит ее руку на лету. Он сам никогда не бил ребенка, а уж этой модельке и вовсе не позволит.

– Пап, а ты теперь всегда будешь жить с нами?

На небесах Лямуру зачлась еще одна пара.

Глава 8. Ошеломляющее открытие

Наиболее невероятное в чудесах заключается в том, что они случаются.

Гилберт Честертон

– Мы не рано оставляем Женю? – Проф, поворачивая ключ в замке зажигания, заметно волновался.

Мотор «Жигулей» мерно заурчал, дворники смахнули со стекла выпавший ночью снег.

Волноваться было от чего. Замков, можно сказать, выставил командос из квартиры.

– Все. Дальше сам справлюсь.

– И «Любарум» не нужен? – уточнил Лямур. Хорошо, что люди не замечают, когда коты ехидно улыбаются. – У Женьки есть одна бутылочка, я мог бы принести. В клизме.

– Нет. И ей он больше не понадобится, – Павел продолжал упорствовать. Он стоял, сложив руки на груди, и терпеливо ждал, когда пересмешники соберут свой скарб. Мебель вывезли накануне, оставив по требованию Замкова лишь кровать. Он уже принес новый комплект белья, и ангелы весело перемигивались, понимая, зачем их бывший подопечный так старается.

– Не забудь испечь ей «Ухо слона», – напомнил Ассис, беря в одну руку переноску, в другую тяжелый баул.

– Тоже мне, Чингачгук! – хихикнул Лямур, за что получил укоризненный взгляд от Профа и двадцатиминутное состояние анабиоза.

Хорошо, что Павел так и не догадался, как пересмешники его провели.

Проведывая Ключеву, которая подвернула ногу, Проф шептал любовные заклинания над вкушностями, которые готовил для нее Замков, а Ассис гладил «болящую» по голове, вгоняя в сонное состояние.

Женя никогда не узнает, что эротические сны, в которые она погружалась сразу после пирожного «Чаровница» или восточного щербета, всего лишь ее фантазии о том, как должны закончиться встречи на королевском балу и в гареме. И даже драка халифа с Кирюсиком – лично ее реакция на появление босса во сне.

А Кирилл Петрович, приняв успокоительное средство в большой дозировке, действительно заработал себе аллергию. Никакого чуда, одна химия.

Получив подтверждение, Кирюсик отбросил всякие мысли о том странном сне, где видел Ключеву нагишом и схлопотал за излишнюю ретивость по физиономии. Теперь–то он точно знал, что из снов невозможно ничего вынести: ни майку, в драке порванную, ни синяк под глазом. Правда, зудело еще где–то в подкорках подозрение, что родинка на интересном месте Евгении имеется. Но до чего же боязно было в этом убедиться! Лучше от всякой мистики в стороне держаться. Да и кто позволит посмотреть на ту самую отметину на Женькиной заднице?

В то время как Женя смотрела свои чудесные сны, где она лежала на шкуре у камина или на широкой тахте халифа, Замков не спал. Он в полном одиночестве пек торты в кондитерском цехе при отеле «Старый город», чтобы собственными руками создать то чудо, которое покорит Евгению Ключеву.

– Одно дело, когда пара находится под контролем высших любовных сил, совсем другое, когда весь груз ответственности берет на себя человек, – продолжал волноваться Проф. Он не сразу справился с ремнем безопасности – никак не мог пристегнуться. – А вдруг Павел подведет?

Уезжать из города было боязно, ведь от того, как закончится (вернее, начнется) история любви Евгении Ключевой зависит и судьба пересмешников.

– А я верю, что Замков выполнит свое обещание, – Ассис улыбался, предвкушая новое приключение. Там, на небесах, так скучно! А тут придется поломать голову, как соединить в пару бывших одноклассников – Галку и Никиту. – Если мы поспорим, ты опять проиграешь.

– Ну как ты не понимаешь, что «отдать долг» и «любить» разные вещи! – Проф хлопнул по рулю. – Нельзя заставить себя влюбиться лишь из-за того, что ты пообещал!

– Проф, ну чего ты кипятишься как женщина? – Ассис вновь был красавцем–мужиной с белокурыми локонами. Он с интересом смотрел, как яркий румянец покрывает лицо старшего пересмешника. У Деда Мороза – так однажды травника назвала Женя, даже нос покраснел, отчего глаза стали синими–синими.

«А Ассису доставляет удовольствие дразнить Профа!», – сделал очередное открытие стажер, зорко наблюдая за перепалкой пересмешников. Сам он находился на заднем сиденье «Жигулей» и вилял хвостом всякий раз, как стрелы колкости доставали то одного ангела, то другого.

– Лямур, а ты как думаешь? Справится Замков или нет? – Ассис, задавая вопрос, даже не повернул головы, что стажера определенно задело.

– Амур! Меня зовут Амур! – гавкнул он. – Пора бы запомнить собачью кличку. Я теперь немецкая овчарка, а не вислоухий шотландец!

– Какая разница? – безразлично заметил Ассис. – Что в том, что в другом случае, ты обходишься без штанов. Очень удобно вылизывать собственные яйца...

Пес заскрипел зубами, но утешил себя тем, что приготовил пересмешникам сюрприз. Не пройдет и трех дней, как он накапает «Любарум» в кофе Ассиса. Кто–кто, а стажер совсем не удивился, когда Проф принес из магазина банку «лучшего в мире кофе», отвалив за него значительную сумму командировочных.

«Ха! Да он равнодушен к нашему красавчику!»

Подтверждение «нежных чувств» пришло в тот же вечер, когда Ассис должен был заночевать у заведующей лабораторией, чтобы стащить у нее ключи. Он был срочно отозван домой, потому как весьма кстати нашелся веский повод – вторжение на их территорию разгневанного Замкова.

Проф мог прекрасно провести переговоры тет–а–тет, но нет, он поспешил позвонить Ассису!

Лямур видел, как тихо радуется Проф, что сорвал ночь любви своему соратнику. А позже наблюдал и вовсе необычное явление,

утвердившее стажера в мысли, что старший пересмешник запал на своего помощника. Он не только собственноручно сварил горький кофе в принесенной из магазина турке, но и втихаря отпил из чашки Ассиса, чтобы понять, чем так люб пересмешнику неэстетичный на вид черный напиток.

Стажер улыбнулся. Правда, при этом из собачьей пасти вывалился длинный язык.

Амур повертелся на заднем сиденье и положил голову на спортивную сумку, в самый дальний кармашек которой спрятал «Любарум». Нет, бутылка не была той последней, которую из аптечного холодильника забрала Ключева. Эту он раздобыл, проявив невероятную ловкость и смекалку.

«Четвероногому существу лук и стрелы ни к чему!» – провозгласил когда-то судья, полагая, что кошке, собаке или хомячку, имеющим вместо рук пару лап, трудно будет натянуть тетиву или управиться со стрелой. Что уж говорить о том, чтобы накапать пять капель из одного сосуда в другой! Но не зря Афлорий считался среди студентов гением. Он мог найти выход из любой ситуации.

Услышав, что Кирюсик зашвырнул свою бутылку «Любарума» в форточку, стажер немедля разнюхал, где тот живет, а потом просто рассчитал траекторию полета стограммового предмета. Не прошло и получаса, как Лямур раскопал драгоценную емкость, которая, упав в сугроб, осталась невредимой.

Промучившись еще с полчаса, когда ни лапы, ни пасть так и не смогли удержать бутылку, Афлорий на пике отчаяния прокричал любимое многими землянами слово «Эврика!» и в одно мгновение превратился в шустрюю макаку, которая с не меньшим правом относилась к четвероногим тварям. В принципе, никакого нарушения условий, выдвинутых судом, не произошло!

Ночь скрыла тот стремительный полет по ветвям деревьев, чердачным переходам и арочным перекрытиям, но бутылка в целости и сохранности была доставлена домой и спрятана в сумке Ассиса.

«Ты сам носишь свою погибель!» – мстительно думал Афлорий, смакуя планы по созданию еще одной, совершенно неожиданной пары. Осталось только столкнуть пересмешников в эротических снах.

«Эх, жаль, что не смогу подсмотреть!»

В первую же ночь, после того как дядя и племянник со своей собакой Амуром въехали в пустующий дом Козловых, что стоял на центральной улице поселка Тихие воды, пересмешникам приснился престранный сон.

Терпкий аромат кофе надежно скрыл запах небесных трав, что входили в состав «Любарума». И Проф опять не удержался, чтобы не глотнуть из чашки, которую буквально пару минут назад держал в своих ладонях Ассис.

Все шло по плану, и Амур в нетерпении ждал утра.

И оно пришло.

– Профессор, вы женщина?! – вскричал Ассис, нависая над кроватью едва продравшего глаза Профа.

Тот не остался в долгу.

– Ассистент, вы разгуливаете в своем истинном обличи?!

Стажер поразился своей близорукости. Как он не понял, что красота Богдана – ангельская?

– Теперь и вам не следует скрывать свою. Я видел вас во сне! – и впервые на памяти недо–купилона Ассис покраснел.

Проф накрылся одеялом с головой.

«Э–ге–гей! Так у них была жаркая ночка!» – возликовал Афлорий, мысленно отметив, что пересмешники стали обращаться к друг другу на «вы».

То, что происходило между ними во сне, почувствовал весь поселок. Любовь ангелов подобна ядерному взрыву, ударная волна которого переполняет людские сердца желанием любить и быть любимыми.

«А я что? А я ничего!» – пес прятал глаза, когда пересмешники обыскивали весь дом, а найдя причину внезапной любви, обреченно выдохнули. Им было неловко. Каждый из них думал, что был навязан другому.

Ангелы, не сговариваясь, выкинули Амура за дверь. Один ее открыл, другой придал ускорения, поддев собачий зад ногой.

«На мороз! И даже не покормили!» – возмутился было пес, но тут же передумал. Он приник ухом к двери, в надежде услышать, как пересмешники будут улаживать неуставные отношения. Правда, его все время отвлекали соседские шавки, которые своим задорным лаем проявляли желание познакомиться.

«Я купидон, а не пес!» – время от времени одергивал себя стажер и переставал радостно вилять на всякое «гав!» хвостом.

– Что будем делать? – спросил Проф. Он прятал глаза, вспоминая, что вытворял во сне. Тысячелетнее воздержание было отыграно за каких-то пятнадцать минут.

Ассис сел на корточки перед ним и взял за руки. Его ладони были горячи. Хотя, чему удивляться, во сне они и вовсе были пылающими. Проф зажмурился, гоня от себя видение, как эти пальцы скользили по коже, оставляя светящийся след.

– Рахмиэлия...

– Ты даже знаешь мое имя? – удивился Проф.

– Ты ангел милосердия, – мягко произнес Ассис. – Кого еще могли дать в пару ангелу – властителю мысли человека...

– ... способному исцелять, – продолжил Проф и поднял глаза, всматриваясь в красивое лицо напарника. Эти губы шептали о любви. И целовали...

Проф опять покраснел.

– Рахмиэлия, ты прекрасна, – Ассис провел ладонью по лицу Профа, не замечая ни кустистых бровей, ни бороды. Он видел перед собой ту, что сегодня ночью вызвала огонь желания и распалила его ответными ласками.

– Рафаил, но ты же понимаешь, что мы находимся под воздействием «Любарума»? – Профу были приятны ласки Ассиса, но он убрал пальцы, которые скользили по губам, обрисовывая их линию. – Когда мы вернемся в ведомство, все исчезнет...

– Не исчезнет, – прошептал Ассис и притянул к себе Профа. – Я давно люблю тебя, Элия...

– А я знала, кто будет моим напарником, – решила на признание Рахмиэлия, вернув себе истинный облик – и волосы до пят, и изящный стан, и лицо, на которое смертному смотреть было бы больно, до того оно было прекрасно. – Я сама попросила, чтобы тебя дали мне в пару...

Крылья укутали целующихся ангелов в светящийся кокон.

Амур обалдело гавкал в темноту. Ему удалось соединить тех, кто уже был влюблен друг в друга, но по разным причинам скрывал свои чувства.

На улице собирались толпы жителей поселка Тихие воды. Их как магнитом тянуло к дому, в котором поселились новенькие. Кто-то думал, что пришел из любопытства, кто-то из желания показать себя и на других посмотреть, но недо-купидон Афлорий точно знал, что люди, словно мотыльки, слетались на свет Любви.

А в небесной канцелярии, в книге, где кровью было записано решение суда, появилась галочка напротив еще одной пары. Четвертой.

Остался лишь шаг до свободы командос. И этот шаг должен сделать Никита Горелов, который даже не подозревает, какие силы взялись устраивать его судьбу.

Глава 9. Дельфин и русалка

Во вселенной полно сказочных вещей,
которые терпеливо ждут, когда мы обратим на них внимание.
Иден Филлпотс

– Работнички! – набегавшись по периметру забора, получив свою порцию приятных похвал от толпившихся вокруг дома жителей поселка, Амур сунул голову в дверь. – А делом когда займемся?

– Заходи. И глаза уже можешь открыть, – откликнулся Ассис откуда-то из кухни.

Амур взял за привычку предупреждать о своем появлении и на всякий случай зажимиваться. Вид лучащейся от счастья парочки ослеплял.

Ассис пил кофе и задумчиво смотрел в окно.

– А когда это Проф успел выйти? – удивился стажер.

– Пока ты с соседской собакой на заднем дворе обнюхивался.

Если бы мог, стажер бы покраснел. В теле кота таких казусов с ним не случалось. Видать, ангельская любовь задевала безусловные рефлексы той четвероногой твари, коей Афлорий сейчас являлся.

«Как бы не опростоволоситься и не впасть в большой грех», – переживал он, но на Ассиса с Профом не обижался. Сам же и заварил эту кашу.

Через час вернулся Проф.

– Пришлось местным сказать, что пробы воды в реке беру, – поделился он с подельниками, сгружая в коридоре коловорот. – На реке только в одном месте отмель, туда и заведем Горелова.

Амур насторожил уши.

– Топить будем?

– Да. Я в нескольких местах лед пробурил и отпугивающие маячки поставил, чтобы другие стороной обходили. Под весом Никиты он обязательно проломится. Твоя задача, – Проф внимательно посмотрел на стажера, отвлекшегося на лай за окном, – завести Горелова на эту отмель.

– Не заболеет? – пса передернуло, когда он представил, как Никита по пояс провалится в ледяную воду.

– Непременно.

За несколько дней до Нового года Никита Горелов нашел записку, воткнутую в его дверь. На альбомном листке разномастными буквами, явно вырезанными из цветного журнала, было набрано:

«Если вам дорога школьная дружба, приходите 31 декабря ровно в 11:00 утра по адресу поселок Тихие воды, улица Горшечников, 2. Топнуть три раза и прокричать «Рапунцель, спусти свои волосы!». Если не откроют, навалиться плечом и выломать дверь к чертовой матери.

В случае неповиновения будем вынуждены принять решительные меры. Аноним».

– Галка, это твои шуточки? Или вы на пару с Ключевой изощряетесь?

– Нет больше Ключевой, – печально вздохнула Галка.

– К–к–как это?

– Со вчерашнего дня она Замкова. В Лас–Вегас ее увезли и там окольцевали. А говорили, что едут на недельку в карты поиграть...

– Ничего не понимаю.

– Куда уж тебе, Никита. Ты у нас человек серьезный, делом занятый. А мы, балаболки, только и можем, что о чуде мечтать да за исполнителями мечт в ночь бежать.

– Э–э–э, насколько я знаю, тамошний брак не действительный.

– Дурак ты, Никита. Какая разница, действительный – не действительный? Браки – они ведь на небесах заключаются, – Галка опять тяжело вздохнула. – Выбыл из нашего строя один боец.

– Ты, случайно, не выпила?

– Я в печали. Скоро Новый год, а я одна–одинешенька....

Часовой монолог Романовой закончился вымученным обещанием Никиты, что он все–таки заскочит к ней перед тем как уйти в Новогоднюю ночь и порадует какой–нибудь безделушкой, что так приятно получить страдающей женщине (был назван бренд любимых духов), а уж она точно отдарится новой глиняной поделкой, которую не стыдно показать и королеве английской...

Короче, с Горелова было взято твердое слово, что он появится в Тихих водах, обменяется подарками с подругой детства и только потом

сможет ступать на все четыре стороны.

31 декабря Никита стоял у своей Берты (так ласково он называл BMW X6) и гадал, как это он очутился по другую сторону реки от поселка Тихие воды.

До обеда он собирался сгонять к Галке, подарить ей духи, разузнать, действительно ли Женя завела себе друга (тут сердце сжалось, как и зубы, которые выдали характерный скрип ревнующего мужчины), или это повод завлечь Никиту к себе, а уж потом, если слухи о ее счастливом времяпровождении с Замковым–младшим подтвердятся, пуститься во все тяжкие. Неважно где. В родном городе или в столице, но непременно с какой–нибудь красоткой, что в изобилии крутятся возле него – перспективного бизнесмена. И ведь им не мешают ни его невысокий рост, ни квадратная фигура, ни рыжие вихры.

Вроде и бензозаправку миновал, и свернул на указателе, а поди ж ты очутился в чистом поле, где снега по грудь, а вожделенные огни деревни (черт, уже стемнело!) дразнятся почему–то из–за реки, утянутой в корсет из крутых берегов. Знать бы еще, встал ли лед, а то так недолго очутиться в компании русалок.

«Интересно, а они празднуют Новый год?»

Да, Никита был уже нетрезв. Выехал из Москвы как стеклышко, а тут уже набрался. От холода и отчаяния. Уже и бензин на исходе, а он все утюжил и утюжил левый берег реки и никак не мог в этой снежной круговерти найти мост или какую другую переправу. Ведь был же мост? Не перелетела же Берта на другую сторону по воздуху?

Бутылка дорогого коньяка, подаренная субподрядчиком, кусок пирога с капустой и яйцами, заботливо подсунутый Ириной Аристарховной – старейшей сметчицей, помнящей счеты–абак, и ящик купленных еще в Москве мандаринов – вот и все, с чем Горелову предстояло встретить Новый год.

Он уже ясно представлял, как раскопают по весне его машину, а в ней обнаружат труп, обложенный мандаринами и добро политый коньячком.

Никита хмыкнул. Именно так выглядел рождественский гусь на противне, что вкусно готовила бабка. А ведь хотел на обратном пути и к ней заскочить. Вон и гостинец приготовил – конфеты ее любимые и шубу в пол. Стара бабушка стала, все время мерзнет...

Вспомнив, что есть–таки теплая вещица в его машине, Горелов пошел разворошил сверток, стянутый бантом, и накинул шубейку на плечи словно кавказскую бурку. Застегнул на пуговицу–брошь под шеей.

А ветер крепчал и норовил содрать пушистый полог.

Нет, Никита помирать не собирался. Он не он, если не перейдет этот чертов Рубикон. Надо только постараться шею не сломать, спускаясь по крутому берегу, а там хоть перебежками, хоть ползком, но выберется.

– Гав! – сказали рядом.

– Волк, что ли? – вытаращил глаза Горелов и на всякий случай переложил бутылку в руке по–другому, не обращая внимания, что льющийся из горлышка коньяк портит и шубу, и дорогой костюм.

«А еще, блин, вместо крепких ботинок, в которых привык по стройке ходить, напялил туфли лаковые. Пижон. Ногами отбиться не получится».

Почудилось то или нет, а может свет фар и ветер подшутили над отягощенным спиртным зрением, но волк укоризненно покачал головой. А потом произнес (вот тут точно коньяк виноват):

– Дурак ты, Горелов. Разве ж волки лают? Собака я.

И опять пару раз гавкнул. Стало быть, чтобы Никита поверил. Помахав для наглядности хвостом, пес потрусил к реке, на мгновение пропав за сугробом. Потом, поняв, что недогадливый человек стоит и стеклянно смотрит на то место, к которому следовало идти, вернулся назад и опять гавкнул.

– Да ступай уже за мной, увалень!

– Я сплю? – спросил Никита и икнул.

– Ну конечно же спишь, – успокоил пес. – Поэтому иди за мной и ничего не бойся. Во сне трудно покалечиться.

– Куда пойдем? К русалкам? погоди, я мандарины с собой возьму. Какой Новый год без этого...

– Галина, куда–то наш Амур запропастился! Почти три часа ищем! – в окно Романовой постучался Богдан. Хорошо, что с не подветренной стороны, иначе и открыть бы не смогла, снега намело до самой форточки. – Может, этот кобель к тебе приبلудился?

– Нет, Богдан. С этим у меня плохо, – Галка вздохнула и потуже запахнула шаль.

«Даже Горелов не приехал, хотя обещался». Из-за него никуда не пошла. Ни к родителям Ключевой, ни в поселковый клуб, где молодежь собралась на дискотеку. Ждала до последнего.

Стоит теперь немым укором подарок, приготовленный для друга – ваза, по ободку которой кружатся в хороводе три фигуры одноклассников: Никиты, Женьки да самой Галки. Разбить ее, что ли?

– Обходят кобели мой дом стороной, – вновь вздохнула Галина да криво улыбнулась. – Вот и ты, Богдан, после знакомства ни разу не заглянул на огонек.

Все надежды, что любовь к Никите можно забить новой, не сбылись. Богдан хоть и был красавчиком и взбаламутил весь поселок, человеком оказался скромным, ни на какие бабские уловки не поддающимся. Сидел дома сиднем карачаевским.

В те смутные две недели поселковые власти даже подумывали, а не переименовать ли им Тихие воды в Бурные. Девки чего только не делали, разве что в трубу не лезли, чтобы добиться расположения «пейсателя», но ни на одну из них Богдан не взглянул, отчего вскоре по поселку поползла лихая молва. Стараниями Кулемы разнесся слух, что Богдан женоненавистник или по-простому «пидер». А что еще могли придумать бабы, считающие себя первыми красавицами, на которых покуситься ангелоподобный представитель мужского полу не возжелал?

Честно говоря, это спасло Богдана от мордобоя. Да и дамочки, грустно повздыхав, что «такой экземпляр пропадает», вернулись к прежним избранникам. Правда, пришлось малость потерпеть.

Если не вышло набить морду сопернику, парни отыгрались на своих неверных половинах – пар выпустили в виде насмешек и подтрунивания. А после, когда из женской части можно было вить веревки, милостиво согласились «строить отношения». Во время примирения любовь всегда сладка.

Поселковый совет потирал руки, ожидая осенью демографический взрыв.

Приближался Новый год, а воздух, словно весной, пьянил. Если кто-то и прибывал погостить из города или даже из столицы, уезжать не торопился. Чувствовал в теле легкость и готовность к любовному куражу.

А все из-за «пейсателя».

Вездесущий Амур с радостью поделился добытой информацией.

– Не стоило тебе свой лик показывать, – Проф осуждающе покачал головой. – Зачем люд неземной красотой смущать?

Но посмотрел на Ассиса с такой нежностью, что Амуру стало неловко.

– Подожди! Я с тобой пойду, – Галка остановила развернувшегося к выходу Богдана. Уж больно плечи у того были поникшие. Такого одного оставлять нельзя. А помощь, хоть и может оказаться никчемной, все же душу согреет и надежду даст. Все не одному по поселку бродить. Тем более эти места Богдан знает плохо: в снежную ночь и самому нетрудно согнуться. – Сейчас только потеплее оденусь и фонарь возьму. Надо Амура у реки поискать, я вроде совсем недавно лай с той стороны слышала.

«Как мало человеку для счастья нужно!» – мелькнуло в голове, когда Галя увидела, как загорелись глаза Богдана. Конечно же, он и не подумал, что собака может убежать к реке, ходил по дворам. А мало ли какая сучка отвязалась и увлекла пса за собой в то место, где их собачьей свадьбе никто не помешает? Уж Галка-то точно знает, сколько километров наматывают кобели, учуяв течку. Дедовский Барклай по трое суток пропадал. Потом люди рассказывали, что в соседней деревне его видели. В стае собак, что за плюгавой шавкой свитой следовали.

– Слышишь? – Галка подняла палец.

Лицо Богдана радостно осветилось. Ветер, дующий от реки, донес собачий лай.

– Точно, Амур! Ух, я ему покажу! – и прибавил шагу.

– Наверное он выбраться не может! – Романова побежала следом. – На этом участке берега крутые.

Остановились, посветили в темноту, откуда доносился лай, сменившийся протяжным воем.

– Он что там, с медведем сражается?

Кто-то большой, мохнатый карабкался по склону, но, не удержавшись, скатывался вниз и вновь начинал трудный подъем. Собака крутилась рядом. Она то подскакивала к «медведю» и хватала его за шерсть, то отбегала и истерично лаяла.

– Надо за мужиками в деревню сбегать! – тронула за рукав Богдана Галина, и повернулась было, чтобы кинуться к дому лесника, как с реки донеслось:

«Дельфин и русалка – не пара, не пар–а–а–а!»

И голос был таким знакомым ...

– Никита?!

– О! Русалка! – радостно отозвались снизу. – А мы тут никак до вас не доберемся. Мандарины рассыпались...

В деревне закричали «Ура–а–а!», и дома с грохотом осветились китайским фейерверком. И то была вовсе не радость, что дельфин, наконец, добрался до русалки. Наступил новый, 2019 год.

– Горе ты мое! Мог ведь и насмерть замерзнуть, если бы не Амур.

– Амур, тужур, лямур! – пел Никита и лез целоваться.

– Весь хвост отморозил, – жаловался стажер, семена рядом с Богданом. – Я ему говорю, ступай за мной, а он прет напролом.

– «Говорю»?! – пересмешник остановился.

– Ты же видел, он пьян в стельку. Намеки не понимал. Даже полынью, что мы для него приготовили, стороной обошел, хотя там берег низкий был. Все на подвиги тянуло. Высоту брал. С ящиком мандаринов в руках.

– Да. Как–то я этот момент не учел, – задумчиво проговорил Ассис. – Зачем человека в ледяную воду загонять, делать вид, что спасаешь, а потом, приковывая к Галкиной кровати, лечить от переохлаждения, если он сам более простой способ в той постели оказаться находит? Наверняка утром голова болеть будет. За руль в таком состоянии не сядет, а значит, еще день рядом с ней проведет.

– А она его чаем с малиной отпаивать начнет, над которой Проф пошептал... – мечтательно произнес Амур. Хвост выдавал его радостное настроение.

«Скоро домой!»

– Знаешь, чудится мне, что там и без чая с малиной сладится.

– Думаешь?

– А то! Воздух–то любовью пьян.

– Ну, теперь я просто обязан жениться.

– Я не пойду за тебя, Горелов.

– С чего это? А кто кричал ночью «да–да!»?

– Разве это было ответом на вопрос? Я всего лишь не хотела, чтобы ты останавливался.

– Я и не останавливаюсь. На дворе пятнадцатое января, а я все еще у тебя в постели. Ну так как? Да или нет?

– Да–да–да! – голая Галка, сидящая на таком же голом Горелове верхом, опять забила в экстазе.

«На улице вьюга, а у нее по ложбинке между сиськами пот течет. Мне нравится его слизывать. Галка пахнет как высушенное на морозе белье. Как первая трава по весне. Как лютики в летнем лесу. Как...»

– Это ответ... или... опять просишь не останавливаться? – Кит задыхался. Сейчас как рванет!

– Я не выйду за тебя замуж!

– А если... ребеночек? Ведь с первого дня... не предохраняемся...

– Ребеночка оставлю, а ты иди...

– Куда? – Никита прижал мокрую Галку к себе. В глазах фейерверк. – Куда я без тебя...

Действительно, дурак. Как не видел? Как не замечал? Она же богиня! Кругом. Умная, талантливая, готовит вкусно... Даже не верится, что в постели всему на лету учится. Если бы простыню с девственной кровью сам не стирал...

– Дурак ты, Горелов! Разве ж так замуж зовут?

Они никак не могли отдышаться.

– А как? Встать на одно колено и кольцо в коробке протянуть? – Никита чмокнул Галю в щеку, а потом потянул зубами за нижнюю губу.

– Нэ–э–эт.

– Дом построить и дерево посадить? Так я и это могу... – похлопал пятерней по ее расслабленной попе.

– Нет. Все куда проще.

– Да?!

– Да.

Галка сползла с Никиты и пошла в ванную комнату. На попе следы от его лап.

Поплелся следом, встал под душ рядом.

– Галка, а если я скажу, что люблю тебя?

– Горячо, Горелов!

– Что, водичку попрохладнее сделать?

– Дурак ты, Никита...

В небо, как раз над домом Козловых, взметнулись три звезды, и если бы ветер не выл, словно голодный волк, можно было бы услышать радостное: «Я свободен!».

Эпилог

Невеста была бледна и часто выбегала в женскую комнату.

Жених же наоборот – был румян лицом и лучился счастьем. Можно сказать, его распирало от гордости.

Гости дружно кричали «горько», невеста клевала жениха в щеку и опять покидала стол.

– Пап, – Павел наклонился ниже, чтобы никто, кроме отца, его не слышал. – Если бы я не знал, что маме скоро пятьдесят, подумал бы, что она беременная.

– А так и есть, – немаленький нос Алексея Замкова плавно устремился вверх. – Месяцев через семь будет у тебя сестренка. Или братишка.

Павел уронил фужер.

Звон разбитого хрусталя вызвал новую волну возбуждения.

– На счастье! – понеслось со всех сторон. И тут же: – Горько!

Невесты за столом не оказалось, но это не остановило ни гостей, ни жениха. Павел был притянут в душные отцовские объятия, облобызан и отпущен на волю. Шаткой походкой, в коей не было вины ни шампанского, ни более крепких напитков, Павел пошел туда же, куда ушла невеста – в туалетную комнату. Умывшись холодной водой, он застыл перед зеркалом.

Через мгновение его рот растянулся в широкой улыбке.

– Вот дают!

Этот возглас восхищения относился не только к помолодевшим от счастья родителям, но и к неугомонной крылатой троице, которая выполнила страстное желание Павла вернуть мир в его семью.

– У меня будет сестренка. Или братишка, – все еще не веря, сказал он своему отображению.

Что было причиной такому неожиданному бонусу: морской воздух Испании, и радость от того, что супруги снова вместе, но случилось чудо, которое по началу приняли за отравление. Когда врачи огласили правильный диагноз, Алексей Замков в приступе

всеобъемлющей любви возблагодарил небо, а потом крепко расцеловал растерявшуюся жену.

– Вырастим, – твердо заявил он.

В небе захихикали.

Конец